

МАТИЛЬДЕ АСЕНСИ

Твердая Земля

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
МАТИНА СЕРЕБРЯНОЕ ОКО I

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО - ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“

Карибское море, 1598 год. Пережив нападение пиратов, которые разделались со всей командой, юная Каталина Солис, истощенная и подавленная кошмарным убийством брата во время этой атаки, наконец добирается до необитаемого острова. Проведя там больше года в лишениях, она видит прибывший к берегам островка корабль. Капитан решает представить ее как своего неизвестного сына-метиса. Начиная с этой минуты она превращается в Мартина Невареса и открывает свободу и верность Нового Света, полного опасных контрабандистов, корсаров и изгоев. Перевод: группа “Исторический роман“, 2015 год.

Мартин, мой младший брат, погиб, сражаясь против английских пиратов, которые большую часть ночи бомбардировали нашу галеру из пушек, а на заре бросили абордажные крюки и притянули наш правый борт, чтобы украсть из трюмов все товары, которые мы везли с рынков Севильи в колонии Твердой Земли [1] в Новом Свете. Моему бедному брату исполнилось всего четырнадцать, но он владел шпагой лучше многих идалго и королевских солдат, поскольку наш батюшка, один из самых известных оружейников Толедо, сам его обучал и показал, как правильно с обращаться со шпагой. К несчастью, теми же самыми глазами, что я смотрю на эти строчки, когда их пишу, я видела, как проклятый англичанин нанес ему смертельный удар в голову железной дубинкой, так что мозги разлетелись по палубе.

Пираты гнались за нами с самого заката, как голодные псы в ожидании объедков от пира. Однако, хотя наша каравелла составляла часть большого флота, известного как галеоны, ежегодно курсирующего в Картахену в Индиях, ни один капитан и адмирал пяти боевых кораблей, вооруженных для защиты торговых судов, повторяю, ни один, не пришел нам на помощь. Тогда я еще не знала причину, по которой генерал Санчо Пардо, командующий флотом, покинул нас, предоставив собственной судьбе таким отвратительным образом. Наша каравелла была старой и везла полные трюмы, поэтому плыла очень медленно, так что морские псы устроили на нас охоту, как только сумели воспользоваться случаем, и, разумеется, нас настигли.

На борту судна было мало женщин, всего пять или шесть, и все спрятались в грузовом трюме, среди тюков, бочек и связок товаров, перепуганные до смерти и трепеща в ожидании будущего. Через какое-то время после начала атаки, в самый разгар сражения, тетушка Доротея, услышав издали выстрелы аркебуз и всерьез опасаясь за наши жизни, отвела меня к своей койке и сказала:

— Давай-ка, надень одежду твоего брата!

Я была так встревожена шумом и опасностью, что стащила с себя чепец и положила руку на юбку из своего баула.

— Только не в твоей одежде, Каталина! — крикнула тетушка, стаскивая с меня платье.

Доротея была туповатой и плохо понимала, что происходит, но опасность пробуждает и самых недалеких, так что во мгновение ока тетушка преобразила меня в парня — в рубашке, замшевом хубоне [2], кожаном камзоле и плундрах [3], а на мою голову, подобрав длинные и гладкие черные волосы, она водрузила шляпу, которую брат купил на ярмарке в Толедо для моей свадьбы — широкополую красную шляпу с пером и широкой красивой каймой. Так ревностно милая тетушка оберегала мою честь.

— Надень сапоги, — велела она, вешая мне на шею футляр с документами. [SEP]Звон стали и мужские крики с каждым мгновением слышались всё ближе, уже на второй палубе. Тетушка, сжав в руках молитвенник, взывала к святым.

Я уселась на один из ящичков и натянула замшевые сапоги Мартина, которого потеряла из вида, когда капитан приказал свистать всех наверх, чтобы с оружием в руках защищать судно. К счастью, ноги брата были ненамного больше моих — поскольку для женщины я довольно высокого роста, то все его вещи отлично мнегодились.

— А теперь идем, — поторопила меня Доротея, слегка поправив перевязь, где в ножнах болталась одна из трех прекрасных рапир, сделанных отцом, мы везли их в подарок моему незнакомому еще мужу, свекру и дяде Эрнандо.

— Мне нужен еще и кинжал! — воскликнула я, остановившись.

— Чего еще желает ваша милость? Аркебузу? — в отчаянии вымолвила Доротея.

— Не помешала бы, — решительно сказала я. Может, и не одежда красит человека, но нарядившись в платье брата, я и сама изменилась. За все шестнадцать лет жизни я только и слышала, что о своих женских обязанностях, как я должна себя вести, чтобы найти хорошего мужа. По правде говоря, я была сыта этим по горло. Мне нужен был кинжал в левую руку.

— Возьми же уже, наконец, свой кинжал и бежим отсюда! Да поможет нам Иисус в этом несчастье! Или ты не видишь, в какой мы опасности?

Доротея схватила меня за руку и помчалась на корму между всякой утварью и снаряжением, загромаждающими проход. Она не знала, ни куда направляется, ни чего хочет добиться, но я не стала возражать, потому что в то мгновение события казались мне весьма занимательными. Англичане нападут на меня...? Да пусть хоть всех мне оставят, я уж испробую свою шпагу, это ведь я, Каталина Солис, рожденная в Толедо, единственная законная дочь Педро Солиса и Херонимы Паскуаль, и, к сожалению, в недавнем времени по доверенности выданная замуж за некоего Доминго Родригеса, сына Педро Родригеса, делового партнера моего дядюшки Эрнандо в производстве латуни — предприятии, которым оба владели на Карибском острове Маргарита.

По первому же трапу, на который мы натолкнулись, мы прямиком поднялись наверх, и как раз когда мы добрались до капитанской каюты, я увидела, как гнусный английский пират размозжил на тысячи кусочков голову моего брата. Я окаменела. Вся абсурдная веселость мигом испарилась. Мне показалось, что я мертва и расколота на кусочки, как и мой бедный Мартин. Английские и испанские сапоги топтались по его крови, волосам и мозгам на главной палубе, но тут рука Доротеи со всей силы потянула меня, чтобы увести от этого ужаса.

— Идем, идем! — взмолилась она, дрожа и рыдая. Я последовала за ней, совершенно опустошенная, потому что мир для меня остановился.

С этого мгновения мои воспоминания весьма смутные. Мы вошли в капитанскую каюту, и Доротея разбила окно, чтобы выкинуть с кормы маленький письменный стол. Без сомнений, она сохранила свою силу бывшей крестьянки. Потом она осенила меня крестным знаменем, поцеловала и сказала что-то, что я не разобрала, после чего заставила выпрыгнуть в освежающие синие воды океана. На востоке вставало солнце, предвещая жару, которая в этих затерянных водах не оставляет надежд ни человеку, ни прочим живым созданиям.

В то время я не умела плавать, так что когда мое тело погрузилось в море после падения, я решила, что захлебнусь. Однако вода сама вытолкнула меня наружу, на воздух, так что я набрала его полные легкие, а мои ноги и руки машинально сделали всё возможное, чтобы оставаться на плаву. Оружие весило прилично, одежда душила, красная шляпа плыла рядом, а еще чуть дальше — стол капитана ножками вверх, спокойно перекатываясь по волнам.

Доротея закричала, пытаясь на что-то мне указать, но на таком расстоянии, в шуме сражения и постоянно судорожно барахтаясь на воде, я не в состоянии была ее понять. Мне показалось, что чья-то рука схватила ее за волосы и оттащила внутрь каюты. Таким образом,

тетушка не прыгнула, и я, в отчаянии взмахивая руками, время от времени погружаясь и нахлебавшись воды, каким-то чудом добралась до деревянного стола.

Течение отнесло меня от обоих кораблей довольно быстро, хотя и не настолько, чтобы я не успела заметить черный дым, поднявшийся в небо, когда пираты подожгли наше судно. Эта грустная картина долго не продлилась. Вскоре я качалась на волнах в пустом океане, такая одинокая, какой не была никогда в жизни, вцепившись в стол и погружившись в угрожающее молчание. Слезы покатались по моим щекам.

К счастью, мне удалось подобрать красную шляпу, иначе немилосердное солнце этих широт вскоре прожгло бы мне голову насквозь. Я также помнила, что эти воды кишат морскими животными огромных размеров, которые любили подплывать к бортам корабля, так что, изо всех сил пытаясь не перевернуть свое жалкое суденышко о четырех ножках, я взобралась на него и свернулась калачиком.

В таком положении я провела три дня и три ночи, волны и течения тащили меня неизвестно куда. Горло горело от жажды, глаза болели, сожженные солью и солнечными бликами. Губы кровоточили и покрылись струпьями. Временами я засыпала, а иногда меня охватывало отчаяние, и я даже спрашивала себя, не стоит ли вознести одну из тех молитв, которым тетушка Доротея тайком обучила нас с Мартином, когда мы были детьми. Но я сопротивлялась этому, ибо не хотела таким путем оскорбить память отца, который ненавидел подобное. Сегодня я горжусь своей твердостью, тем, что бросила вызов страху и приготовилась умереть, как меня учили: в мире и спокойствии, без ханжества.

И тогда, пока я была погружена в ночную дремоту, полную кошмаров, стол мягко на что-то натолкнулся и повернулся вокруг собственной оси. Я тут же вздрогнула. Стояла ночь, но лунного света было достаточно, чтобы кое-что различить. На фоне неба возвышался огромный черный силуэт, и я услышала, как волны разбиваются о берег. Земля! Я попыталась осторожно соскользнуть в воду, приготовившись подтолкнуть мое транспортное средство к этой громаде, но тут выяснилось, что до дна не больше ладони. Я удивленно встала и пошла к берегу. Это был пляж из тончайшего песка, белого как снег. Я вытащила свою импровизированную лодку на берег и рухнула, скорее мертвая, чем живая, от усталости трех дней неизвестности, страхов и бодрствования.

Проснувшись я от страшной жажды. Я огляделась, ослепленная солнцем, и не увидела нигде воды, а только лишь белый песок, а чуть дальше — нависшую вершину, которую заметила прошлой ночью. С тысячью стонов я поднялась и с охами и ахами, отгоняя жестоких москитов, кусавшихся просто как дьяволы, приложила все усилия, чтобы распрямиться и снять хубон и камзол, которые ужасно меня стесняли на этой жаре.

Всё мое тело дрожало, но я смогла шаг за шагом добраться до покрывавших холм деревьев. Раз там деревья, сказала я себе, то где-то должна быть и вода. И вот я вошла в густую рощу странных растений, где слышала непрекращающуюся песню многих тысяч птиц. Я шла, а, вернее сказать, тащилась наверх довольно долго, раздвигая руками ветки, что преграждали путь и хлестали по лицу. Такая буйная растительности нуждается в хороших ливнях, сказала я себе, а вода наверняка собирается в какой-нибудь лужице. Через некоторое время мне повезло наткнуться на великолепный колодец — выемку в земле, чью глубину я не смогла оценить на глаз, полную чистой и прозрачной воды, которой я утолила трехдневную жажду.

Я залпом и с закрытыми глазами выпила больше половины асумбре [\[4\]](#). Какой вкусной мне показалась эта вода, какой свежей! И как же хорошо было сидеть в лесной тени! Ко мне

вернулась жизнь, нужно было лишь поест, чтобы почувствовать себя, как прежде. Но как только я подумала о еде, тело перестало меня слушаться. То ли из-за воды, которую я так жадно пила, то ли из-за палящего солнца три дня подряд в океане я лишилась чувств, вздохнув и покрывшись мурашками. Мне показалось, что я вижу брата и родителей, и это было такое утешение — находиться рядом с ними.

Когда я очнулась, покрывшись липким и холодным, словно мертвенным потом, день уже заканчивался. Меня трясло, пока я тащила обратно к пляжу в поисках исходящего от песка тепла. Чего мне стоила эта прогулка — не передать. Видимо, мое здоровье совсем расстроилось, думала я, а поблизости я не видела никого, у кого можно было бы попросить помощь. Возможно, по другую сторону горы есть поселение, или на другом конце пляжа, но у меня не было ни сил, ни воли, чтобы отправиться туда на поиски помощи. Я снова приготовилась к смерти, когда теплый и белый песок пустынного пляжа примет меня в свои объятия.

Понадобилось два дня, чтобы оправиться от странной лихорадки, которая вынудила меня лежать плашмя, с жутким видом и с еще худшим состоянием духа, на самом пустынном в мире побережье. За всё это время мне не встретилось ни души, никого, чтобы позаботиться обо мне, ни единого рыбака или пастушки. Когда меня одолевала жажда, как бесплотный дух я ковляла к колодцу, и возвращалась к морю, как только начинала дрожать от холода. Вот так, бродя от солнца к тени, от холода к теплу, я наконец-то пришла в себя, хотя и была ужасно слаба — то ли от болезни, то ли от голода.

Когда я снова стала хозяйкой своего тела и разума, я решила, что нужно срочно раздобыть пищу, чтобы восстановить силы, необходимые для поисков ближайшего поселения. Пока я находилась в этом месте, я не увидела ничего съедобного, но для поднятия духа сказала себе: что-то наверняка должно найтись, и стала искать фрукты или что-либо подобное, и не обнаружив ничего во время длительных поисков, пришла к мысли соорудить удочку для ловли рыбы, какие я видела в Толедо.

Я вошла в воду, чтобы посмотреть, не плавает ли поблизости какая-нибудь палка или деревяшка, и обнаружила, что в море полно рыбы. Рот наполнился слюной, и я в отчаянии попыталась поймать что-нибудь руками, но это мне не удалось — я была слишком слаба, чтобы тягаться с этими созданиями. Я не заметила ни веток, ни досок, которые могли бы мне пригодиться. По контрасту с водами реки Тахо или Гвадалквивира, в этом море совершенно не было мусора и всяческих отходов — весьма прискорбная для меня потеря.

Я двинулась вдоль берега и немного погодя к своей радости нашла скалы, где в мелких щелях, наполненных водой, застряла рыба. Или прибой и прилив оставили их для меня в таком легкодоступном месте. Но как же их приготовить? Как развести огонь? Как доставить в мой маленький редут поблизости от стола-шлюпки? Понадобится определенное время, чтобы решить эти проблемы, а я была голодна, так голодна, что посмотрела на рыбу, схватила одну руками и без особых раздумий отрезала ей голову кинжалом, выпотрошила и съела. Она произвела магический эффект. Каждая съеденная рыбина возвращала мне силы, и когда я проглотила шесть или семь, то воспрянула духом, а после тринадцати или четырнадцати была сыта и довольна.

— Хватит, Каталина! — осадил я себя, вымыв окровавленные руки в воде и намочив шляпу, чтобы не напекло голову. Я чувствовала себя так хорошо, что, несмотря на дрожь в ногах, добежала до своего суденышка, как сорвавшийся с привязи скакун.

В тот же день я отправилась в путь и прошла весь пляж до его западного края, в сторону

заходящего солнца. Я обнаружила несколько бухточек и заливов, но никаких поселений, и в конце концов достигла того места, где песок заканчивался и начинались громадные скалы, круто спускающиеся к морю. Там береговое течение разбивалось о камни, создавая опасные водовороты. Я вернулась на то место, которое уже начинала считать своим домом, в готовности продолжить исследование, не зная отдыха, пока не пойму, где нахожусь.

На следующее утро я пошла в противоположном направлении, ступая по белому песку на восток, и примерно через одну лигу ^[5] добралась до таких же скал, как и днем ранее, только с другой стороны. Это сбило меня с толку. У меня не осталось другого выбора, кроме как подняться на вершину горы, чтобы убедиться в своих подозрениях: я оказалась на одном из маленьких и необитаемых Наветренных островов, о которых говорили моряки на галере, когда по вечерам рассказывали истории про пиратов и спрятанные сокровища. По их словам, островов было столько, что невозможно занести на лоции. На многие никогда не ступала нога человека, ни один корабль не швартовался в их водах. Лишь пираты и корсары знали эти места, потому что они служили им укрытием.

Тогда мне показалось, что пляж, море и гора вращаются вокруг меня, как мельничные жернова, и еще не добравшись до вершины, я проливала слезы по своей горькой судьбе. Я снова оказалась рядом со своим источником прекрасной воды, но на сей раз продолжила подъем, шпагой и кинжалом помогая пробивать себе путь в зарослях. Растительность в этих широтах была трудным противником, не говоря уже о кусающих без устали москитах и прочих животных, которых я обнаружила на своем пути: зеленых ящерицах размером с мастифа с колючими гребнями и зобом, стрекозах, которых из-за размеров можно было спутать с птицами, дроздах, колибри, синих и оранжевых попугаях... Эта странная фауна была достойна созерцания, со всем своим многоцветьем и формами, и, к счастью, не выглядела опасной, обороняться от этой живности не было необходимости. Похоже, это было тихое местечко, единственной опасностью которого, в худшем случае, был неожиданный визит кошмарных пиратов — английских, французских или голландских.

Добравшись до вершины, где дул приятный свежий ветер и было поменьше комарья, я с сожалением убедилась в том, чего и боялась: я оказалась на маленьком островке в форме полумесяца или, скорее, в форме четвертинки круглого сыра (учитывая высоту горы), с дугой белого, как молоко, песка длиной в пару лиг на берегу и падающими вниз, словно саван, скалами на юге. Остров окружало тихое море цвета сияющей бирюзы, протянувшееся примерно на пятьдесят вар ^[6], такое прозрачное, что со своего места я могла различить цепочку рифов в морской глубине, а чуть дальше — темный и пустынный океан во всех направлениях. Цепочка рифов не была цельной, в одну из ее брешей и проник мой стол, доставив меня к пляжу.

Смеркалось. Солнце спряталось на западе после самого впечатляющего заката, который я видела за свои шестнадцать лет, включая тот месяц, который провела в море, на борту каравеллы. Я опустила на землю, не в состоянии отвести глаз от медленно поднимающейся на востоке прекрасной луны, и задумалась.

Смерть Мартина и моя неизбежная гибель — наверняка результат проклятия или сглаза, которые навлек на нашу семью какой-то мерзавец, а началось всё с ареста моего отца два года назад, летом 1596 года: сначала он скончался из-за жестокой лихорадки, свирепствовавшей в темнице инквизиции Толедо, а потом и моя матушка Херонима не смогла пережить гибель мужа, сошла с ума и бросилась в воды Тахо в одно печальное зимнее утро сего, 1598 года, чем лишь прибавила семье бесчестья и навлекла на нас второе

проклятье церкви. Потом гибель Мартина от рук пиратов, а скоро последует и моя, в одиночестве на этом острове, и о моем грустном конце не узнает никто, даже дядюшка Эрнандо.

Ту ночь я провела под открытым небом на вершине горы. Там мне было более удобно, чем на пляже, из-за меньшего количества комарья, я лучше отдохнула. Я плакала, пока не запершило в горле, а глаза не опухли, пока мои рыдания не разбудили всех птиц острова, но мои крики лишь улетели в открытое море и погрузились в океанские воды. Я плакала так отчаянно, что провалилась в сон, даже не заметив этого, уверенная в том, что я — самое несчастное создание в этом мире. Но, должно быть, в ту ночь всё чувство жалости к самой себе испарилось, потому что когда наступил день, я проснулась с легким чувством голода и ощущая себя слегка побитой, но гораздо бодрее.

Глядя на восход солнца, я дала торжественную клятву своим родителям и брату: я смогу о себе позаботиться, переживу все невзгоды и выберусь с этого островка, пусть мне понадобятся годы, чтобы построить примитивное средство передвижения, на котором я смогу добраться до морских путей, где ходит в Новый Свет флот — единственные, не считая пиратов, корабли в этих отдаленных испанских водах.

Не стоило забывать также, что я сильная и решительная женщина, чья жизнь находится в самом разгаре, хозяйка своей судьбы и разума и, по правде сказать, испытавшая облегчение от того, что сбросила с плеч груз ненавистного брака, благодаря которому мы оплатили проезд в Новый Свет, однако я согласилась на него не по своей воле, а потому что об этом меня попросила матушка перед смертью. Возможно, сама судьба вырвала меня из рук мужа, некоего Доминго Родригеса, с кем я вообще не была знакома, и этот остров — желанное и посланное судьбой место.

Воодушевленная этими мыслями, я спустилась к своей прибрежной кладовке и сытно позавтракала синебрюхой рыбой с желтым хвостом. Мне не доставляло особого удовольствия поедание сырой рыбы, но пока я не нашла способа развести костер — если такое вообще здесь возможно, — придется довольствоваться этим. Как же я пожалела, что не научилась читать и писать! Мартин уж точно смог бы развести огонь, построить хижину и плот, соорудить удочку и пику, чтобы поймать одну из этих прекрасных птиц в лесу на горе, чтобы хорошенько их поджарить — после всего, что вычитал в книгах. Я же, со своей стороны, провела многие годы, упражняясь с иголкой, вращая прялку и обучаясь готовке — в то время более полезным занятиям.

Следующим шагом в то утро стало подстригание волос. Последний раз я мыла их с мылом на корабле, с помощью тетушки Доротеи, и поскольку теперь они превратились в колтун, и у меня не было желания подхватить вшей или других гнид, я прядь за прядью отрезала острым кинжалом свои длинные волосы, пока не осталось ничего, что можно было бы срезать. Какое мне дело до своей внешности, если меня никто не видит? И кроме того, у меня имелась шляпа для защиты от солнца, и хотя уже несколько дней я носила лишь сорочку и плундры (сапоги я надевала лишь когда забиралась на гору), я могла бы бродить по пляжу и голой, будь на то моя воля — ведь никто на меня не смотрел.

По прошествии дней, недель и месяцев я стала такой же дикой и одинокой, как и мой остров. Наконец-то я хорошо его изучила. Я нашла тропы, пещеры и прекрасные заводи. Я изучила приливы, направления ветров и неожиданные и мощные ливни по вечерам. Из капитанского стола и толстой высохшей пальмы, сражаясь с ней шпагой и кинжалом, в широкой пещере под скальным выступом на вершине горы я соорудила хижину.

Там я сделала постель из сплетенных пальмовых листьев, которые часто обновляла, и кладовку для продуктов — наблюдая за птицами и другими животными, я научилась распознавать съедобные желтые фрукты, очень сладкие, с черными шипастыми семенами, которые я использовала против ящериц, или крупные круглые плоды зеленого цвета, висящие на пальмах, как финики, и содержащие внутри покрытый коричневыми волосками орех, а если его разбить, то можно было добыть сладкую жидкость. Сами орехи были сочными и белыми, а скорлупа от них служила в качестве посуды для питья или для рагу.

Подошвы моих ступней так огрубели, что через некоторое время я перестала нуждаться в сапогах, чтобы забираться на гору, так что я хранила их в глубине своей хижины, вместе с одеждой Мартина, которую уже никогда не надевала, и документами, напомиравшими, что когда-то у меня была другая жизнь. Поскольку на острове из-за жары и влажности я постоянно потела, то часто стирала сорочку и плундры в чистой воде ближайшей к моему убежищу заводи (всего их было три, та, из которой я пила в первый раз, находилась ниже остальных и ближе к пляжу). Волосы отросли, и я снова их безо всякой жалости обрезала, к тому времени прошлое в Испании казалось мне таким далеким, что я едва его помнила.

Мой остров был храмом жары и влажности во все времена года, там не было ни лета, ни зимы. Погода всегда стояла одинаковая, лишь время от времени сменялись дождливые и сухие сезоны, когда уровень воды в заводях опускался на четыре ладони или больше. Я не знала точную дату, когда здесь очутилась, но примерно представляла, сколько времени провела на острове, потому что взяла за привычку каждый день делать зарубку на дереве перед домом, пока не обнаружила, что прошел уже целый год.

Мне нетрудно было научиться плавать. Берег был таким широким, так мягко опускался к глубоким водам, а приливы такими слабыми, что я без страха заходила до самой границы, отмеченной рифом, и вскоре начала нырять так охотно и легко, что проводила многие часы с морскими звездами, моллюсками, громадными черепахами, ярко-красными кораллами в форме веера и косяками рыб всех цветов. У меня имелось прекрасное крепкое копье с острым наконечником, сделанное из обугленной ветки, которым я добывала самые аппетитные экземпляры. Я также сделала примитивный очаг, где разжигала огонь и поджаривала дичь и рыбу.

Тот день, когда я поняла, как развести огонь, разделил мою жизнь на «до» и «после». Это случилось, когда я шла, отбрасывая шпагой валяющуюся на песке крупную гальку (весь день я просидела на скалах рядом с моими морскими «закромами»), когда навстречу выскочил рак, привлеченный блеском металла, и я, чтобы его напугать и позабавиться, с силой стукнула шпагой по камню. Перед моими глазами тут же возникла искра, хотя лишь через несколько секунд в голове пронеслась мысль: как же я корила себя, что до сих пор не вспомнила искры, разлетающиеся от наковальни отца, когда он делал оружие. Мне просто нужно было найти трут и повторить удар, но должна сказать, что жареная пища была не единственным, что принес мне огонь.

Я быстро обнаружила, что от жара костра дерево становится крепче, и я могу согнуть его по своему вкусу, и таким способом я изготовила лук, добавив к нему хлопковую нить из сорочки Мартина. Стрелы я обтесывала кинжалом (должна сказать, что я заботилась о своем оружии с рвением дочери оружейника, поскольку от этого зависела моя жизнь) и вскоре уже охотилась на птиц и питалась, как королева. На пляже также имелись места, где черепахи откладывали яйца, оказавшиеся вкусными и питательными. Из высохших лужиц на пляже я при необходимости извлекала соль, и в результате то там, то сям набрала достаточно, чтобы

засолить рыбу и хранить ее в своей кладовке.

Но я никогда не забывала о двух важных вещах: прежде всего, о безопасности, поскольку меня ужасала мысль, что однажды меня застанет врасплох прибывший пиратский корабль, а кроме того, об устройстве плота, на котором я могла бы покинуть остров. Первая проблема разрешилась, когда однажды утром мне пришло в голову помыться в заводи. Моя кожа загорела и пересохла на солнце, так что я с головой бросилась в заводь неподалеку от дома, чтобы искупаться в более приятной воде.

Когда я решила нырнуть до самого дна, то с удивлением обнаружила, что его нет, а по прямой линии до другого края острова идет тоннель. Благодаря продолжительным купаниям у рифа я научилась задерживать дыхание на долгое время и, раздув щеки, я набрала полные легкие воздуха и последовала по этому водному пути, неуклюже продвигаясь в темноте. Не скрою, мне потребовалось несколько попыток, чтобы добраться до конца прохода, из-за страха я поворачивала на полпути. Но решительность и любопытство победили трусость, и отталкиваясь руками и ногами от стен, в результате я вынырнула в другой заводи, внутри пещеры. Сюда проникал очень слабый свет, а странный гул какого-то живого существа вызвал у меня мурашки по коже, и в тот первый раз я сбежала оттуда в приступе паники.

Когда я собралась с духом, чтобы вернуться, то взяла с собой шпагу, кинжал, лук и копье и тщательно выбрала час, когда солнце хорошо освещало вход в пещеру, чтобы хватило света до нее добраться. Я обнаружила, что вход в пещеру расположен на скалистой стенке как раз за горой и пляжем. Мысль о том, что существует место, которое мне еще незнакомо и где может скрываться опасность, была для меня невыносима.

Я с большими предосторожностями вышла из воды, испугавшись глухого гула, и очень медленно выпрямилась, со шпагой в одной руке и копьем в другой, в готовности обороняться и убить любого при малейшем движении. Стоял ужасный холод, от которого я уже отвыкла, и кожа под мокрой одеждой покрылась мурашками, а зубы выбивали дробь. Пол пещеры был покрыт толстым слоем чего-то мягкого и темного — не грязью и не песком, но чем-то похожим и на то, и на другое сразу, и я погрузилась в эту массу до самых икр и двинулась к свету, не обращая внимания, что надо мной висят вниз головой тысячи толстых летучих мышей, следя за каждым моим движением и готовые взлететь, как только мое присутствие покажется им опасным. Но поскольку я их не видела и не имела представления об их существовании, то в конце концов выпрямилась и шла в полный рост, несмотря на холод.

К тому, что произошло позже, привели два обстоятельства: на следующем шаге я споткнулась о какой-то твердый металлический предмет и поранила мизинец на ноге. Я вскрикнула от боли и, сама того не сознавая, копьем задела летучих мышей, так что все они черным пульсирующим одеялом ринулись к выходу, с безумным хлопаньем налетев на меня, так что я свалилась на пол, и пока они удирали, я рухнула ничком, и животом, ребрами и лицом приземлилась на железные трубки, так что поранила губы, и весь рот наполнился кровью.

У меня перехватило дыхание, уши болели, но та девушка-плакса, которой я когда-то была, уже не существовала, так что я приподнялась и, вытерев кровь рукавом и стряхнув с лица и сорочки помет, окинула взглядом пещеру, теперь пустую и молчаливую, и снова взяла в руки оружие.

Грот был просторным, в длину больше, чем в ширину. Озеро в глубине покрывало толстое одеяло экскрементов, а с другой стороны находился вход в пещеру, откуда слышался далекий шум моря. Я рассудила, что перед тем как высунуться и оценить обстановку, лучше

узнать, обо что я ударилась. И каково же было мое удивление, когда я увидела четыре старых бронзовых фальконета [7] с забитыми пометом дулами и без каких-либо опознавательных знаков или клейма, которые позволили бы определить их происхождение.

У меня перехватило дыхание, когда я поняла, что впервые нашла на этом острове признаки присутствия других людей, к тому же не очень-то желанных, потому что пиратское происхождение этих пушек не вызывало сомнений, хотя меня долго мучила загадка — как они здесь появились и по какой причине. Они явно были негодными, но кучка аккуратно сложенных сбоку каменных ядер указывала на то, что пещера предназначалась для ведения сражения, хотя пушки и не были нацелены ни на вход, ни на озеро. Я спрашивала себя, не служили ли пушки когда-то для атаки приближающихся к берегу кораблей, хотя ни один корабль не стал бы подходить с этой стороны из-за опасных водоворотов и течений.

Тогда мне не пришло в голову, как их могли использовать, и потому я не стала делать веревки, чтобы попробовать их поднять (задача весьма трудоемкая, учитывая отсутствие шкивов), а когда высунулась из входа в пещеру и увидела, на какой высоте нахожусь, стала еще меньше понимать, как же сюда затащили пушки. Нет, их невозможно поднять, подумала я. Однако я взглянула наверх, на вершину горы, и хотя расстояние тоже было немалым, выглядело более вероятным, что пушки спустили вниз на веревках и тросах.

Недовольные моим визитом летучие мыши пытались вернуться на свои места, отдохнуть под каменным потолком, и быстро летали, резко и рассерженно разворачиваясь во всех направлениях. Я осмотрела пещеру в последний раз и решила, что это хорошее место для убежища, а если вдруг явятся хозяева забытых фальконетов, то я всегда могу ускользнуть через заводь, пока они будут спускаться с вершины, а другие и вовсе не смогут меня здесь найти.

Вопрос безопасности был решен, но осталось другое важное дело — постройка плота, на котором я смогу уплыть с острова. Я приспособила укромное местечко между камнями в своей кладовке, чтобы складывать туда бревна, которые я терпеливо обтесывала шпагой и кинжалом у подножия горы. С помощью веревок, сделанных из кожи ящериц и пальмовых волокон, я волоком тащила дерево по тончайшему песку, затрачивая невероятные усилия, которые иногда оказывались бесполезными. Этим я занималась по много часов в день, а когда уставала, то бросала эту работу на неделю или две, пока муки совести не заставляли меня вновь к ней приступить. От этих трудов я значительно окрепла и до сих пор обладаю сильным телом, которое приобрела в те далекие времена.

В этих заботах прошел первый год. Первые тревоги уступили место спокойствию, поскольку я устроилась вполне удобно, хорошо питалась, была здоровой и находилась в безопасности. Всего у меня было в достатке, никто меня не ждал, я была уверена, что дядя и супруг давно сочли меня мертвой. Моя прежняя жизнь не особо отличалась от нынешней, тогда меня держали дома взаперти и без излишеств, чтобы сохранить честь для будущего мужа, и ему не на что было жаловаться. Я не скучала и по человеческому обществу, потому что все, кого я знала и любила, уже не ходили по брэнной земле.

Таким образом, я была свободна и счастлива, пока однажды утром до моего жилища на вершине горы не донеслись звуки, показавшиеся похожими на голоса. Это были зычные мужские голоса — голоса сидящих на веслах моряков и отдающего им приказы капитана. Я резко открыла глаза и поднялась с заколотившимся сердцем. Пираты! — трусливо подумала я. Я быстро оделась и схватила шпагу. Местоположение хижины под выступом скалы позволяло оглядеть пляж и риф, оставшись невидимой снизу.

Я легла на землю и высунула голову. В одну из самых широких и глубоких брешей в рифе рискнул пройти трехмачтовый корабль. Паруса были подняты, а к берегу его тянула шлюпка с восемью матросами и двумя юнгами. Я сглотнула. Без сомнения, это пираты, кто же еще? Я подумала, что нужно собрать съестные припасы, потому что не знала, сколько времени придется скрываться в пещере с летучими мышами. В любом случае, пока еще слишком рано было уносить ноги. Сначала нужно разведать, каковы их намерения, потому что они могли бы отплыть и в тот же день, не узнав о моем существовании и не причинив мне никакого вреда.

Шлюпка врезалась в пляж, и моряки вытащили ее из воды на песок. Капитан корабля — высокий сухопарый мужчина в длинном алом ропоне [\[8\]](#), черной широкополой шляпе и со шпагой идальго на поясе — спустился по веревочному трапу, переброшенному через борт корабля, когда тот сел брюхом на песок.

Я испугалась. Как они собираются снимать корабль с мели, чтобы отплыть? Или они вообще не собираются уплыть? Капитан направился к берегу с видом герцога или маркиза, пока его люди, одетые в скромные холщовые рубахи, короткие штаны, плетеные сандалии и с платками на головах, спускали на песок бочки, корзины, тюки и баулы в таком количестве, что просто удивительно, как все эти вещи поместились в шлюпке. Несомненно, это были украденные с испанских торговых судов товары, предназначенные для обеспечения колонистов.

Я медленно попятилась и снова вошла в свое жилище. С величайшими предосторожностями я собрала продукты и оружие, а чтобы спастись от холода пещеры, надела замшевый хубон, кожаный камзол и сапоги. Это затруднит плавание, зато я буду находиться в тепле. Я вышла и снова подползла к наблюдательному пункту, откуда посмотрела на пляж. Пираты устроили на песке лагерь. Не найдя ничего более подходящего, с помощью четырех палок и куска парусины они соорудили низкий навес и поставили под него свои баулы и сундуки, а также роскошное кресло, которое притащили с корабля, наверняка предназначенное для капитана. Вскоре все собрались под навесом, и я потеряла их из вида, но внезапно к своему изумлению услышала веселую мелодию, хорошо исполненную на музыкальных инструментах, а сильный голос во все легкие запел по-испански:

Вам готов я услужить,

Такова моя судьбина.

Жизнь готов я положить,

Коли буду я покинут.

Я схожу с ума? Уже год я не слышала музыки, и это был последний звук, который я рассчитывала услышать. Певцу аккомпанировали на лютне и флейте.

Грусть-печаль меня изводит

Видеть ваши все измены.

Я живу уж без надежды,

Но без вас я жить не волен.

Всё готов вам предложить,

Мое слово дворянина,

Жизнь готов я положить,

Коли буду я покинут.

Парализованная от удивления, я не заметила, что большой корабль, занимающий почти

всю ширину рифа, начал заваливаться на бок. Начался отлив, корабль сел на мель и опасно накренился к одному борту, хотя команда не выказывала никаких опасений по этому поводу. Они продолжали петь и играть, словно принимали участие в веселом сельском празднике.

Наконец, со скрипом дерева и дрожащими мачтами корабль полностью лег на правый борт. Я не могла поверить своим глазам (как и своим ушам), но с последним скрипом дерева музыка прекратилась. Все моряки кроме капитана покинули навес, разбрелись по пляжу и вошли в лес, откуда появились с хворостом и дровами, чтобы сложить на песке большой костер неподалеку от корабля.

Как легко им это далось! Их было так много, что огромный костер был готов во мгновение ока, осталось лишь приблизиться к нему с фитилем от аркебузы, и пламя взметнулось к небу. Они тут же сделали для всех факелы, подошли с ними к корпусу корабля и стали проводить по нему факелами, словно писали кистью картину. Юнги, еще совсем дети, занялись нижней частью, но работы им досталось не меньше. Они пытались что-то подпалить, хотя я и не понимала, что именно.

На это занятие они потратили много времени, так что от скуки я заснула. Меня разбудила лишь раздававшаяся из-под навеса музыка, мягкий меланхолический перезвон струн лютни — после того, как я целый год не слышала ничего подобного, она оказывала на меня завораживающий эффект. Я молча слушала с закрытыми глазами, вспотев под многочисленной одеждой, но довольная и умиротворенная музыкой. Я подумала, что, может, это и не пираты, а просто торговцы, потому что они пели по-испански и приплыли на мой остров не для того, чтобы спрятать награбленные сокровища, а для починки корабля или каких-то работ.

И придя к такому выводу, я начала робко подумывать о том, чтобы спуститься на пляж и предстать перед возможными спасителями, которые окажут мне любезность и отвезут в цивилизацию, и тут чья-то железная рука с силой схватила меня за шиворот и бесцеремонно подняла, одновременно с этим удерживая мою шпагу. Я вскрикнула и начала наносить удары направо и налево, хотя встречались они только с воздухом. Все мои силы, а к тому времени я была весьма сильной, негодились.

— Кто вы? — спросил меня из-за спины по-испански угрожающий голос.

Я не могла повернуться, чтобы рассмотреть лицо нападавшего. Человек, держащий меня сзади, обхватил мои руки и резко пригнул головой к земле. Я решила, что не стану отвечать. Я не собиралась сотрудничать с врагом. Если они желают меня убить, то всё равно это сделают, от меня это не зависит.

— Сеньор, назовите ваше имя, страну и происхождение, — настаивал голос. У него был странный акцент, как у иностранца.

Я упрямо молчала. Из-за шока я даже не поняла, что меня приняли за мужчину.

— Он не говорит, — раздался второй голос.

— Давай отведем его к капитану. Наверняка это английский пират, которого оставили на острове его же товарищи.

— Я не английский пират! — закричала я, снова попытавшись вырваться из крепкой хватки.

Через несколько секунд молчания мне подняли голову и откинули волосы. Это были двое мужчин. Один держал меня, и я его не видела, а второй стоял напротив — крупный мулат, с интересом меня рассматривающий.

— Вы испанец? — удивленно спросил он. Глаза у него были большими и налитыми

кровью.

— Да, так что отпусти меня, если не хочешь, чтобы тебя наказали! Негры и мавры, будучи рабами (лишь немногие имели свободу, по крайней мере, в Испании) не могли обращаться подобным образом с христианином, а в особенности с женщиной и госпожой. С женщиной и госпожой? Лучше об этом умолчать, подумала я, пусть продолжают считать, что я мужчина.

— Кто накажет, сеньор? — спросил с усмешкой тот, который меня держал. Теперь его хватка ослабела.

— Ваш хозяин! — рявкнула я, разозлившись, что он меня не отпускает. Я не знала, является ли тот, что меня держит, тоже мулатом, негром, мавром, индейцем или белым, но приняла как само собой разумеющееся, что раз он пришел с мулатом, значит, и сам такой же.

— У нас с моим другом Антоном нет хозяина, сеньор, — ответил он, подталкивая меня вниз по холму. — Мы свободные люди и работаем на испанского капитана, который обращается с нами как с добрыми христианами. В общем, сеньор... — он пнул меня коленом по ноге, так что я споткнулась, — попридержите язык, если не хотите пожалеть о своих словах.

Остаток пути до пляжа по неровной тропке был полон подножками, тычками и пинками. Это были плохие люди, воспользовавшиеся своим положением. Может, и не пираты, но вели они себя в точности так же, и потому заслужили мое презрение.

Вскоро я оказалась перед капитаном под навесом, он брэнчал на прекрасной лютне. Когда двое громил толкнули меня на песок, он даже не поднял голову.

— Посмотрите, кого мы нашли на горе, сеньор Эстебан, — сказал один из них.

Капитан наконец-то обратил на меня внимание и отложил инструмент. Это был человек преклонных лет, около шестидесяти, меня удивило даже не то, что человек такого возраста еще жив, как то, что он плавает по здешним водам, как юноша. Он снял алый ропон и черную шляпу и остался в элегантной красной рубашке, рыжих плундрах и кожаных сапогах.

— Клянусь своей бородой, славно поохотились! — засмеялся он, и я поняла, что он-то и пел всё это утро. — Он христианин?

— Так он сказал.

— И испанец?

— Утверждает, что да, сеньор.

— Что ж, хорошо, сынок, — капитан обратился ко мне, — расскажи, кто ты такой, какого рода.

— Я вам не сын и ничего не расскажу, — гневно ответила я, стараясь, чтобы голос звучал по-мужски. Обращение, полученное со стороны тех двоих, меня до крайности оскорбило.

— Ладно, ладно... — пробормотал капитан, перестав смеяться. — Без сомнений, ты еще очень молод. Можешь по крайней мере сказать, как ты очутился на этом острове?

— Нет, — заявила я, опустив голову, сама того не осознавая, поскольку воспитанные девушки должны смотреть вниз, разговаривая с мужчинами. Я ничего им не скажу, пока не узнаю, кто они такие и что здесь делают.

Двое моих похитителей, по-прежнему стоящие за моей спиной, с удовольствием рассмеялись.

— Так ты вынуждаешь меня представиться первым? — сообразил капитан,

придвинувшись в кресле, чтобы приблизить свои глаза к моим. Это выбило меня из колеи. Он был очень необычным человеком, и не только из-за возраста: несмотря на восклицание «клянусь своей бородой», ни на щеках, ни на подбородке у него не была ни единого волоска, он обладал маленькими глазками и носом и кожей цвета спелого финика. Если этот старик — испанский идалго, то я — тот самый юноша, за которого меня принимают. — Ладно, парень. Меня не затруднит рассказать тебе о том, что ты просишь. Меня зовут Эстебан Неварес, я сын Гаспара де Невареса, который приехал в Индии вместе с Христофором Колумбом в его четвертом и последнем путешествии. Я же, таким образом, испанский креол, подданный его величества Филиппа III, рожденный в этих землях его империи, дворянин по происхождению — род моего отца ведет начало от графов де Леон, самых благороднейших испанских фамилий. Однако я горжусь тем, что являюсь капитаном этой прекрасной шебеки «Чакона», мы обычно заходим в эти мелкие воды, когда торгуем в испанских портах островов и континента, на нашей родине — Твердой Земле. Я, как ты уже мог догадаться, почтенный торговец и занимаюсь покупкой и продажей товаров по всем Карибам, а живо в прекрасном городке Санта-Марта у меня есть лавка.

Я не поняла ничего из речи старика, кроме того, что он идалго и торговец — странная комбинация, по крайней мере в Испании, где большинство дворян старались не посвящать себя какому-либо ремеслу, считая это ниже своего достоинства.

— А теперь, скажи мне, сынок... Сколько ты провел здесь времени? — спросил капитан.

— Мы вышли из Севильи в октябре 1598 года, — объяснила я, — на борту каравеллы в составе флота генерала Санчо Пардо, и месяц спустя в широтах Наветренных островов наше судно атаквали английские пираты.

Слушая меня, капитан кивал и, судя по удивленному выражению его лица, сам сосчитал время.

— А какой день сегодня, сеньор? — поинтересовалась я, не отрывая взгляда от песка.

— Что ж, парень... — пробормотал он, подняв брови, — сейчас одиннадцатый день февраля 1600 года.

Почти на четыре месяца больше, чем считала я! Как оказалось, я отмечала на дереве не каждый день. Так что на самом деле мне исполнилось семнадцать с половиной лет. Я была взрослой женщиной, к тому же замужней, а меня приняли за недовольного мальчишку, покинутого на острове. И всего лишь потому, что на мне была одежда Мартина.

— А теперь, если не возражаешь, — мягко продолжал капитан, — не будешь ли так любезен сообщить мне свое имя и происхождение?

Я задумалась, не зная, как поступить. Что ему ответить, что я Каталина или Мартин? Моя честь могла бы быть поругана в то же мгновение, как только они узнали бы, что я женщина, я прекрасно знала, что моряки, много времени проводившие в море, не уважают ни вдов, ни старух.

— Меня зовут Мартин Солис, я законный сын Педро Солиса, самого известного оружейника Толедо, и его супруги Херонимы Паскуаль, мои родители умерли еще до того, как я пустился в это путешествие в Индии. Я родился в упомянутом городе и добрался до этого острова на борту жалкого суденышка, на котором смог ускользнуть с каравеллы во время нападения пиратов.

Пока я говорила, капитан всё больше хмурился, а когда замолчала, выглядел просто свирепым, причины такой перемены я не могла понять.

— Врешь, мерзавец! — воскликнул тот, вскочив на ноги, так что ножны шпаги хлопнули по сапогам. — Я обращался с тобой с добрым сердцем, а ты отвечаешь двуличием и враньем. Я не знаю, кто ты, но ты точно мне солгал, — с этими словами он схватил меня за подбородок и притянул мое лицо ближе к себе. — Где волосы на твоём лице, парень? Кроме как на висках и между бровями у тебя их нет. Тебе не кажется это странным? Волосы у тебя черные и прямые, как у индейцев, кожа смуглая, и это точно указывает, что ты метис, койот или квартерон ^[9]. Не в твою пользу говорит и то, что будучи юношей, ты сбежал с каравеллы во время нападения пиратов, вместо того чтобы драться с ними, как бы ты ни был мал, потому что лишь женщины свободны от этих обязательств. Это правда, что в конце 1598 года на Твердую Землю прибыли галеоны под командованием генерала Санчо Пардо, но это не означает, что ты плыл с ними. Также верно, что как раз в то время в этих водах у Наветренных островов на паташе ^[10] «Джон Лондонский» плавал корсар Чарльз Ли, который нападал на отставшие от флота суда. Он быстро наклонился, чтобы подобрать с земли мою рапиру и кинжал, и тщательно их осмотрел. — Верно также и то, — продолжил он, — что это прекрасное оружие имеет клеймо с буквами О и Т, и это означает, что оно происходит из Толедо, а на самих клинках выбито имя... — он отодвинул сталь от глаз на всю длину рук, но не разобрал и с этого расстояния, вытащил из кармана очки и водрузил их на нос, — имя оружейника Педро Солиса.

Он снял очки и снова внимательно посмотрел на меня. Я заметила по его лицу, как он борется с подозрениями и размышляет, расхаживая вокруг меня.

— Антон, Мигель, — вскоре приказал он. — Займитесь кораблем.

— И оставить вас наедине с ним, сеньор? — удивился один из них.

— Успокойтесь. Мне ничто не угрожает. Ступайте.

Моряки удалились по пляжу в направлении своих товарищей, который по-прежнему обжигали борт шебеки.

— Что ж, сеньора, — внезапно произнес капитан серьезным тоном, опустившись передо мной на одно колено. — Может, теперь вы поведаете мне правду?

Я онемела. Как этот старик прознал, что я женщина?

— У вас есть документы? — осведомился он.

— Наверху... На вершине горы, — пробормотала я. — В моем жилище. В жестяном футляре.

Капитан поднялся, приложил руки ко рту рупором и прокричал:

— Хуанито! Пойди-ка сюда!

Мальчишка лет семи или восьми, черный как ночь, помчался в нашу сторону, бросив свой факел и перепрыгивая через приготовленные для костра дрова.

— Чего изволит ваша милость? — спросил он, затормозив рядом со мной и разбросав песок.

— Поднимись на вершину горы и найди жилище нашего гостя. Войди туда и поищи жестяной футляр, как те, в которых хранят документы. Принеси мне его побыстрее.

Негритенок снова пустился бежать, пытаясь найти среди деревьев тропку, которую я проделала в зарослях за эти полтора года во время многочисленных хождений туда-сюда. Без сомнений, этот проход и привел ко мне двух похитителей-мулатов, а теперь сообразительный, как дьявол, старый идальго раскрыл, что я женщина. Я погибла. Вскоре моряки возьмут меня силой, чтобы удовлетворить свои желания.

— Говорите! — велел мне капитан, снова усаживаясь и набивая тонкую глиняную

трубку, лежащую рядом. Его поведение и манера разговаривать выдавали хорошее воспитание и образование. Казалось неподобающим, что человек его положения занимается торговлей.

— Знайте, ваша милость, сеньор Эстебан, что я не солгала, — произнесла я, — рассказала правду, за исключением одной детали: мое имя не Мартин, а Каталина. Мартин был моим младшим братом, он погиб во время нападения пиратов. Мои родители — именно те, кого я назвала, как и город моего рождения. Няня одела меня в платье брата, чтобы спасти мою честь от пиратов.

— Хорошая мысль, — пробормотал он, спокойно набивая листьями табака трубку. — А скажите-ка, какова причина вашего путешествия в новые земли? Какой-нибудь родственник предложил вам кров после смерти родителей?

— Так и есть, сеньор, — кивнула я. — У меня есть дядя, брат матери, он живет на острове Маргарита. Больше никто не пожелал протянуть нам руку помощи, когда мой отец умер в темнице толедской инквизиции.

Капитан подскочил.

— Что вы такое говорите? — удивился он с тревожным видом.

— Это печальная история, — посетовала я. — Кто-то, мы так и не узнали кто, донес на моего отца в инквизицию, будто он не уважает священные узы брака. Вы знаете, что в последнее время церковь стала так же пристально следить за моральным обликом народа, как и за чужеземными ересями. Отец был не единственным добрым христианином, которого заперли в темнице за нарушение брачных клятв. В списках осужденных было много имен.

— Да, вы правы. К счастью, здесь дела обстоят гораздо лучше, — сказал он, поднимаясь с кресла и приближаясь к костру, чтобы разжечь трубку. Потом он вернулся, время от времени выпуская изо рта и носа дым. — Инквизиция в этих землях пока не приобрела такого же могущества, хотя не из-за недостатка желания, это уж точно.

— Оно и лучше для вас, потому что у нее нет сострадания. Когда мой отец заявил перед судом, что в обычном прелюбодеянии нет ничего незаконного, инквизиторы удвоили интерес и выяснили, что он не знает ни Символ веры, ни другие основные молитвы, и потому приказали обыскать наш дом и среди двадцати больших и малых книг обнаружили несколько запрещенных, согласно списку Кироги от 1584 года [\[11\]](#).

— Вы хорошо знакомы с этим вопросом, — сказал капитан, снова сев в кресло.

— Только в том, что касается меня, как в случае с отцом. Я не умею ни читать, ни писать, но хорошо запоминаю то, что мне интересно.

— И какие же они нашли книги? Вы знаете названия?

— Я помню лишь одну, поскольку, как я уже сказала, сеньор, я не умею читать. Если мне не изменяет память, она называется «Жизнь Ласарильо из Тормеса» или как-то в этом роде [\[12\]](#).

— Отличная книга, как по мне! — не смог сдержаться капитан. Я удивленно уставилась на него.

— Неужели вы ее читали? Кара за это, сеньор, — отлучение от церкви.

— А что случилось с вашим отцом потом? — спросил он, уклонившись от ответа.

— Он подхватил лихорадку и умер. Наша жизнь была разрушена. Наше имущество забрали, отобрали даже дом, кузницу закрыли, а оружие распродали по хорошей цене. Матушка просила помощи у должников и друзей, а также у своих родственников в Сеговии, но никто не хотел приютить семью, которую пометила инквизиция. Вы знаете, как это

бывает.

— Наслышан, — отозвался он, сменив позу. — А что случилось с вашей матушкой?

— Точно мы этого так и не узнали, сеньор, — я столько времени не разговаривала, что у меня уже начало болеть горло, не только от избытка слов, но и из-за того, какую тоску навевали на меня воспоминания. — После смерти отца она изменилась. Мы поселились в убогой квартире, которую арендовали у гильдии оружейников Толедо, неподалеку от площади Сокодовер. С нами никто не разговаривал, даже не здоровались на улице, а медяки в кошельке кончались. Мне кажется, что она просто не выдержала, повредилась рассудком от горя и вины, и потому бросилась в реку. Мы погрязли в долгах, потому что тетушка Доротея приносила нам каждый день еду, хотя и брала ее в кредит.

Капитан всё в большем беспокойстве ерзал в кресле, переключая тонкую глиняную трубку из одной руки в другую, словно она его обжигала. Если ему не нравится это слышать, то тогда зачем спрашивает? Хватит уже копаться в моей жизни.

— И вот в этих печальных обстоятельствах, — сказал он, — появился дядя и спас вас.

— Не совсем так.

— Вы сказали, что вашу матушку звали Херонима Паскуаль?

— Именно так.

— И что у нее есть брат на острове Маргарита?

— Мой дядя Эрнандо, именно так.

— Эрнандо Паскуаль из Сеговии! — весело воскликнул он. Мое сердце ухнуло в груди. Он знаком с дядей? Отвезет меня к нему? — Уже многие годы я веду торговлю с Паскуалем и его компаньоном Педро Родригесом. Оба они — милейшие люди! Они владеют мастерской по производству латунных изделий на острове Маргарита и продают превосходную продукцию.

Тут на пляже появился негритенок Хуанито, отправленный в мое жилище за документами, и возбужденно подбежал к капитану, держа в руке жестяной футляр.

— Надеюсь, что вы меня не обманули, — пробормотал капитан, поднимаясь и направляясь к Хуанито, который даже не запыхался.

— Вы это хотели, капитан? — отрывисто спросил он.

— Да. Благодарю. Возвращайся к работе.

Вернувшись на свое место, сеньор Эстебан открыл футляр и развернул документы. Наша длительная беседа удивила моряков, которые время от времени бросали на нас взгляды. Я заметила, что они стали расспрашивать Хуанито, как только он отошел от нас.

— Что ж... — произнес сеньор Эстебан, просматривая бумаги. Выражение его лица изменилось.

Он снова вытащил из кармана очки и поспешно их напялил, скривив рот, что мне совсем не понравилось. Он нашел мой брачный контракт? А коли так, может, ему это не понравилось, раз он был знаком с моим дядей и увидел имя сына его партнера рядом с моим в этом церковном документе.

— Так вы замужем за Доминго Родригесом! — воскликнул он.

— Заочно, сеньор, — кивнула я. — Мы заключили брак летом, перед путешествием, через несколько недель после смерти моей матушки. Такое условие поставил дядя, чтобы принять нас в своей семье на острове Маргарита.

Но капитан меня не слушал. Он разразился таким потоком брани, какой я не слышала даже из уст матросов на каравелле, хотя они были людьми весьма грубыми. Его крики и

проклятья привлекли внимание моряков, которые побросали факелы и побежали к навесу. Увидев это, сеньор Эстебан резко умолк и остановил их жестом, велел возвращаться к работе, а когда он повернулся ко мне, в его глазах читалась такая ярость, что мне показалось, будто на меня взирает сам Люцифер.

— Вы знаете, что натворили, девочка моя? Знаете, что натворили? — повторял он. Я испугалась по-настоящему.

— Говорите же, сеньор! — взмолилась я.

Он, сам того не осознавая, уже протоптал вокруг меня глубокую канавку.

— Доминго был здоровым и обычным ребенком, — начал он печальный рассказ, остановившись. — Я еще помню, как он бегал по улице рядом с латунной мастерской. Он во всем помогал отцу, пока в десять лет мул не лягнул его по голове, чуть не лишив жизни, и с тех пор он лишился рассудка. С того несчастного дня Доминго потерял дар речи и лишь пускает слюни, а когда он достиг возраста мужской зрелости, то стал преследовать и домогаться женщин. Его тело — как у взрослого мужчины, но разум — как у новорожденного младенца.

Я настолько растерялась, что не могла вымолвить ни слова.

— В одной из своих поездок на Маргариту я услышал от Педро Родригеса, — продолжал капитан, — что он готов положить в постель своего единственного сына хоть индианку или негритянку, да хоть портовую шлюху, лишь бы она родила ему здорового внука, который унаследует его часть предприятия. Проблема заключалась в том, что не нашлось ни негритянки, ни индианки, ни портовой шлюхи, которая бы согласилась лечь с этим пускающим слюни юнцом, омерзительным и похотливым, без одного уха и половины головы, и это в самом прямом смысле слова, потому что удар мула разбил ее на столько кусочков, что лишь некоторые хирургам удалось поставить на место. Отец держит его под замком, чтобы он не досаждал всем девицам Маргариты, а еще потому, что временами он ведет себя буйно.

По моему телу градом лил пот, и не из-за привычной жаркой погоды. Меня охватила паника. И этот омерзительный тип — мой муж? Но о чем думал дядя, когда предательским образом вручил меня этому безумцу, который больше заслуживает жалости, чем положенного мужу уважения? Наверное, он решил, вот мерзавец, выдать меня на скорую руку, да на долгую муку.

— Как я погляжу, — в дурном расположении духа закончил свою речь капитан, — похоже, вас заманили с помощью грязного трюка, чтобы вы дали жизнь внуку Педро Родригеса. Лучше бы вы оказались негритянкой, индианкой или портовой шлюхой.

И он разразился еще одним потоком ругательств в сторону тех двоих с Маргариты, которые сделали меня несчастной до конца дней. Как бы я когда-то ни жаловалась, сейчас я поняла, что на этот остров меня привела удача. И до окончания путешествия я встретила с ней еще тысячу раз.

— Оставьте меня здесь, сеньор, — попросила я капитана. — Не заставляйте встретиться с кошмарной судьбой. Умоляю, сохраните в тайне мое пребывание на этом острове, когда закончите работы с кораблем, и плывите с миром. Я могу сама о себе позаботиться, как до сих пор и делала.

Разъяренный и изможденный сеньор Эстебан рухнул в кресло.

— Замолчите, сеньора! — велел он. — Дайте мне подумать.

— Могу я пока вы раздумываете приготовить что-нибудь поесть? Ведь уже за полдень

перевалило. Не знаю почему, но несмотря на все несчастья, я проголодалась.

— Нет! — рявкнул он, не шевельнувшись.

Я тоже осталась неподвижной и сидела на песке, наблюдая, как моряки выбрасывают свои факелы в костер, вытаскивают из котомок большие рубанки и точат их о камни, радостно напевая мадригалы и баллады. Несмотря на грубое поведение, они были веселыми людьми, получающими удовольствие от жизни. Возможно, подумала я, удача по-прежнему на моей стороне, раз я попала в руки того, кто может решить мои проблемы.

— Вот что мы сделаем, сеньора, — внезапно произнес капитан, выпуская большое облако дыма. Недавно инквизиция выступила против курения табака, но, похоже, ничто не могло пронять тех, кто приобрел эту привычку. — Сохраните ваши документы в секрете. Вы больше не будете Каталиной Солис. Забудьте про нее. Твердая Земля — это огромное пространство, гигантское по размерам, но малонаселенное. И потому мы все друг друга знаем, хотя города и поселения отстоят далеко. Если Каталина Солис появится живой и здоровой, ваш дядя и свекр тут же потребуют вашего приезда, и вы не сможете ускользнуть от своей судьбы. Вы сами упомянули, что после Тридентского собора [\[13\]](#) церковь стала весьма внимательно относиться к моральным устоям народа. Каким бы недоумком ни был Доминго Родригес, в глазах церкви он ваш супруг, которому вы обязаны хранить верность и делить ложе, чтобы зачать сына, таковы брачные клятвы, а юноша, без сомнения, превосходно может исполнять супружеские обязанности. Вы также не можете появиться как Мартин Солис, по той же причине — известия достигнут ушей вашего дяди, и он затребует вас к себе, как единственный родственник, поскольку Мартин еще несовершеннолетний. Так ведь?

— У нас с братом была разница в два года и несколько месяцев, — с горечью ответила я, — так что теперь ему исполнилось бы пятнадцать.

— Как я и сказал, — кивнул он. — Значит, и Мартином Солисом вы быть не можете.

— Повторяю, сеньор, оставьте меня на острове, здесь я жила счастливо и в довольствии, пока вы не прибыли, и здесь могу прожить до конца своих дней, если меня оставят в покое.

— Хватит болтать глупости! — резко оборвал меня он. — Как вы можете остаться на малюсеньком островке, положившись на милость судьбы? Разве вы не понимаете, что эти воды кишат английскими и голландскими пиратами, которые рано или поздно пристанут к этим берегам, как это сделал я? Ваш островок, сеньора, известен морякам — и испанским, и чужеземным. Эта бухта со спокойными водами великолепно подходит для ремонтных работ, а пираты всегда находятся в поисках мест вроде этого, чтобы прокилевать корабль или пополнить запасы пресной воды, набрать дров и разделить награбленное, потому что не всегда они могут или хотят везти всё обратно в свои страны, на случай, если изменения в законах или война переменит их судьбу. Ведут они себя, как пчелы, перелетающие от цветка к цветку, для них гораздо безопаснее разделить сокровища на мелкие части на таких островах (а подобных на Карибах множество), чем тащить всё с собой обратно, рискуя нарваться на испанский военный галеон. Понимаете? В тот день, когда будете меньше всего этого ожидать, вы можете попасть в лапы пиратов или корсаров, и они попользуются вами, прежде чем убить.

— Но раз я не могу быть ни Каталиной, ни Мартином, так скажите же, в кого мне превратиться? Напоминаю вам, что у меня нет ни состояния, ни ремесла, я женщина и не знаю эти земли.

— Я уже обо всем этом подумал, — обиженно объявил он, — и нашел решение. Как я

уже говорил, из-за цвета кожи вы можете легко сойти за метиса, койота или квартерона, что автоматически означает, что вы происходите не из Испании. У местных индейцев к тому же отсутствует растительность на лице.

Теперь-то я поняла, кто такой на самом деле Эстебан Неварес! Он назвал себя креолом, сыном испанца, рожденным в Индиях, но в его жилах течет смешанная кровь. Похоже, его мать была не христианкой, а индианкой, и потому у него нет на лице волос, а кожа — цвета спелых фиников. Эстебан Неварес — метис.

— Таким образом, отсутствие растительности будет преимуществом, так же как и сросшиеся брови, волосы на висках и загорелая кожа. Вы достаточно высокого роста, волосы гладкие, руки мускулистые — вы легко превратитесь в моего незаконнорожденного сына, которого я прижил с индианкой пятнадцать лет назад и забрал от матери во время этого путешествия, чтобы сделать своим наследником. Не беспокойтесь о правдивости или лживости этой истории. Сыновья-метисы — это реальность в нашей части империи. Подумайте о том, что когда прибыли первые конкистадоры и колонисты, у них не было испанских женщин, и многим пришлось взять в жены дочерей местных вождей, и от них родились дети, которые хоть и зовутся креолами, да таковыми вполне законно и являются, на самом деле имеют в крови как чистоту испанских идальго, так и благородство индейских монархов, от коих происходят.

Я чуть не рассмеялась. Эстебан Неварес рассказал мне собственную историю, не упомянув при этом себя. Да, как он и сказал с самого начала, его отец прибыл в Индии с адмиралом Колумбом в его последнем путешествии, а мы говорили о первых конкистадорах и первых колонистах, так ведь? И судя по его преклонному возрасту, цвету кожи, волосам и всему прочему, теперь я уже не имела сомнений, что его мать была одной из тех благородных дочерей вождей — что бы это ни значило — которые подарили конкистадором детей. Полагаю, что те испанцы хотели вручить своим сыновьям, хоть бы и метисам, свое наследство, так что признали их законными и назвали креолами, не беспокоясь о чистоте крови. Этот вопрос начал их беспокоить, лишь когда много лет спустя в Новый Свет стали прибывать испанки.

Моряки Эстебана Невареса теперь столпились у корпуса корабля, соскребая с него обугленные остатки, оставляя с правого борта лишь гладкие и чистые доски.

— В чем заключается килевание, о котором вы говорили, сеньор? — полюбопытствовала я.

— Так что, мое предложение вас не заинтересовало, сеньора? Хотите оттянуть время этими вопросами, чтобы еще над ним поразмыслить?

Я на мгновение задумалась и сказала:

— Я приняла ваше предложение в тот самый миг, когда вы его сделали, сеньор Эстебан. Что еще мне остается? Я не возражаю превратиться в вашего сына, хотя и придется перестать быть женщиной, кем я предпочла бы оставаться. Однако я прекрасно понимаю, что в этой игре сама судьба сдает карты, и я лишь могу принять и согласиться с тем, что, безусловно, является сейчас для меня наилучшим.

— Хорошие слова, сеньора. Начиная с этой минуты и с вашего разрешения я буду считать вас своим сыном Мартином Неваресом, называть вас так и обращаться как с сыном даже наедине, как и перед всем светом, чтобы не совершить ошибку. С этого самого мгновения вы перестанете думать о себе как о женщине и навсегда забудете имя Каталины Солис. Согласны?

— Конечно, сеньор. Я весьма вам признательна.

— Не называйте меня ни сеньором, ни сеньором Эстебаном. Вы обязаны, хоть вам это и сложно, называть меня отцом и вести себя как сын отныне и навсегда. Знайте, что хотя вы и не унаследуете после меня никакого, даже скромного имущества, но во всем остальном будете моим сыном и должны откликаться на имя Мартин Неварес. И первым делом должны забыть про привычку смотреть в пол и научиться глядеть мужчинам в глаза, потому что с этой минуты вы — мужчина.

При воспоминаниях о настоящем отце меня охватила грусть, но он был бы доволен этой заменой, потому что, несомненно, это было для моего же блага.

— А ваши моряки... отец? — я так стеснялась произносить это слово по отношению к незнакомцу, что почувствовала, как покраснела до корней волос, но подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Они ведь знают, что вы нашли меня здесь.

— О них не беспокойся, сынок, — ответил тот на удивление уверенно, учитывая то, насколько неловкой для нас обоих была эта ситуация. — Как и о хозяйшке, которая дала свое имя этому кораблю, Марии Чакон, и о всей ее родне, с которой ты познакомишься.

— Вы женаты?

— Не в церкви, как ты. Но женат по совести и в ее глазах, и только это имеет значение. Я провел с этой чертовкой больше двадцати лет, — продолжил он, растянув губы в широкой улыбке, словно внебрачное сожителство было самым лучшим выбором, и, снова сев в кресло, взял в руки лютню. — Я ни разу об этом не пожалел. Хотя, несомненно, инквизиция приговорила бы меня за это, как поступила с вашим отцом.

И тронув струны, он запел своим приятным голосом ту же песенку, что я слышала утром из хижины:

Вам готов я услужить,

Такова моя судьбина.

Жизнь готов я положить,

Коли буду я покинут.

Услышав это, моряки бросили работу и приблизились к нам. Некоторые достали из корзинок буханки хлеба, сыр, говяжью и свиную солонину и сушеную рыбу, а кто-то притащил еще и бутылки с вином. Мы уселись в кружок на песке под навесом, за исключением сеньора Эстебана, сидящего на стуле, и перед тем как приступить к трапезе, мой новый отец обратился к своим людям:

— С сегодняшнего дня и навечно, — торжественно объявил он, — для всех вас этот молодой человек без дальнейших объяснений превратится в моего сына Мартина Невареса. Когда мы вернемся на Санта-Марту и во всех портах, куда мы зайдем, если вас спросят, вы будете всем объяснять, что я прижил его с индианкой из племени араваков в Пуэрто-Рико и забрал его во время этого плавания.

Все кивнули.

— А что скажет сеньора Мария? — спросил один из них с некоторым беспокойством.

— Поначалу, наверное, поднимет крик до небес, как вы можете себе представить, — спокойно согласился капитан, — но потом он просто станет еще одним ее сыном, и она будет оберегать его и заботиться, пока вконец не избалуется.

Моряки расхохотались и, обмениваясь шутками, начали довольно утолять голод. Тогда я впервые смогла рассмотреть их без спешки. Один юнга, Хуанито, был негритенком лет семи или восьми, а второй, Николасито, индейцем не старше шести. Из восьми моряков те, что

схватили меня, Антон и Мигель, были мулатами (Антон был плотником и конопатчиком, а Мигель — коком), штурман Гуакоа был индейцем и почти не размыкал губ, разве что для еды, всегда держась в сторонке, остальные пятеро — негр Томе, индеец Хаюэйбо и испанцы Матео Кесада, урожденный в Гранаде, Лукас Урбина из Мурсии и Родриго из Сории — все отличные ребята и умелые работники, как я позже смогла убедиться.

В тот же день после трапезы я присоединилась к команде как еще один моряк. Килевание состояло прежде всего в том, чтобы сжечь толстый слой ракушек и водорослей, которые прилипали к корпусу во время плавания и делали корабль более медленным и тяжелым. Потом с помощью скребков эту обугленную массу счищали и обрабатывали древесину смолой и серой, чтобы защитить ее от стихии. Наконец, чтобы закрыть щели и придать кораблю большую скорость, нужно было вручную положить толстый слой вонючего жира. Новый отец ничего не сказал про жалованье, но будет он мне платить или нет — я всё равно наслаждалась этим занятием.

Когда прилив снова поставил корабль на воду, мы отправились спать, а мне разрешили отдохнуть в своем жилище на холме в последний раз. Несмотря на усталость и боль от мозолей на руках, прежде чем рухнуть в постель, я собрала узелок с моим скудным имуществом и с грустью попрощалась с этим местом. На следующий день, на заре, оба юнги, Хуанито и Николасито, вошли в мое жилище, чтобы меня разбудить, помогли перенести мой стол-шлюпку и снова приставили к работе, поскольку мужчины, воспользовавшись первым отливом, начали опаливать правый борт корабля, лежащего теперь на левом борту. Мы трудились весь день, а с наступлением сумерек, когда начался прилив, корабль снялся с якоря и покинул риф.

Я уплыла с острова так же, как и прибыла туда: ночью и вымотанная до предела, но теперь я была довольна, что плыву на прекрасной шебеке, которую уже немного считала своей, потому что вложила в нее столько сил. Я пока не была с ней знакома изнутри и ничего не знала о грузе, особенностях и мореходных качествах. По правде говоря, я не имела ни малейших представлений об искусстве мореплавания, но первое плавание на «Чаконе» было поучительным и принесло много открытий. Пока мы отдалялись от острова, я поклялась, что сколько бы времени это ни заняло, когда-нибудь я на него вернусь.

Подгоняемые сильными ветрами, на следующий день мы пришвартовались в Тринидаде и в тамошнем порту сеньор Эстебан поприветствовал торговцев и жителей острова, которые пришли, как только узнали о нашем прибытии, и продал им продовольствие, что мы привезли: масло, мед, уксус, вяленую говядину, миндаль, вино и крепкое спиртное, каперсы, а из прочих товаров — часы, картины, мыло, буквари для детишек, чтобы учились читать и писать, железные фонари, сверла, зеркала, ножницы, иглы, нитки, кружева и шляпы, ткани, ножи, мотыги, лопаты, гребни, нотные листы и тексты песен, подушки, плуги, упряжь для мулов и лошадей, бумагу, молотки, духи и одеколоны, лекарства, и, что самое главное, — воск для освещения домов и церквей и парусину для починки кораблей.

Многие эти вещи отдавались не за деньги, а в обмен на другие товары, потому что, как мне сказали, в Индиях не хватало наличных, поскольку все металлы отправлялись в Испанию, как золото и серебро, так и медь, отсутствовал также жемчуг, который миллионами добывали на Твердой Земле, как и любые другие ценные предметы, которые можно было бы использовать в качестве монет. По этой причине мы загрузили в Тринидаде большое количество какао, гипса, говядины, кокосов (это оказались те самые орехи с белой сочной мякотью, покрытые коричневыми волосками), домашнюю птицу, деготь и уголь.

Ветра и течения в этом районе были направлены в сторону побережья, к Санта-Марте, так что плавание было быстрым и приятным, а расстояние между городами показалось довольно небольшим. После Тринидада мы проплыли мимо необитаемых островов Лос-Тестигос и всего через два дня прибыли на Маргариту. Глашатай объявил о нашем появлении, и вскоре порт наполнился торговцами и местными жителями, заинтересованными в наших товарах. Отец запретил мне сходить на берег, чтобы не никоим образом не рисковать нарваться на дядю Эрнандо, так что я осталась на корабле одна, наблюдая, как все весело удаляются в шлюпку. Я воспользовалась этим, чтобы опорожнить мочевой пузырь без обычных опасностей, поскольку во время плавания мы должны были пройти до галыонной фигуры ^[14] на носу и оттуда свеситься в море — к счастью, там мы находились не на виду, что позволяло мне справлять нужду, поскольку бьющиеся о борт корабля волны всё смывали.

В ожидании возвращения моего нового отца и товарищей я сильно скучала, правда, по крайней мере, получила возможность осмотреть весь корабль в свое удовольствие. «Чакона» была старой шебекой с тремя мачтами, без марселей (бизань на корме, грот посередине и фок на носу с маленьким развевающимся вымпелом), с латинским парусом ^[15], легким корпусом и единственной палубой, с неглубокой осадкой, высоким носом, а на юте возвышалась бизань, под которой находилась каюта моего отца, корабль был так быстроходен, что с легкостью мог опередить любой другой.

«Чакона» была водоизмещением около шестидесяти тонн и составляла тридцать вар в длину, двадцать в высоту и восемь в ширину. Ее корпус, как я позже выяснила, был обит бронзой с помощью деревянных шпилек, так что это был отличный корабль, надежный и с хорошими мореходными качествами. Ниже палубы находились кормовой и носовой трюмы, где хранились товары, отсек для припасов, якорное и канатное отделение и каюта боцмана, которую раньше использовали для хранения оружия и пороха, а теперь она превратилась в

мою личную каюту.

Если моряки сеньора Эстебана и возражали простив этой исключительной привилегии, которой капитан одарил незнакомого юношу, то ничего не сказали по этому поводу. Они спали на палубе, под открытым небом, в странных постелях, купленных у индейцев, которые звали гамаками. Гамаки делались из тонких хлопковых тканей и были длиной в две-три вары и отлично сшиты. С их концов свисали веревки, которые привязывали к такелажу, постель висела в воздухе, как качели. Днем они их снимали, расчищая палубу, чтобы можно было заниматься обычными делами.

Жизнь на борту была очень простой. Утром мы просыпались еще до зари, мылись в ведрах, завтракали, вычерпывали собравшуюся за ночь воду, проверяли и зашивали паруса (на море ни одна ткань долго не выдерживала) и осматривали такелаж. Только штурман Гуакоа не принимал участия в этих занятиях, потому что не мог оставить свой пост в рубке. Ближе к полудню мы обедали. У нас всегда была вода или вино, кукурузные галеты вместо хлеба, иногда мы ели рыбу с горохом или фасолью, а в другие дни — солонину с кашей. По воскресеньям дополнительно был сыр в оливковом масле.

Мулат Мигель, кок, готовил пищу в большом железном чане в очаге, который стоял прямо под открытым небом около грот-мачты. По вечерам мы скребли палубу с уксусом и солью и окуривали нижние отсеки и трюмы серой, чтобы не завелись крысы и тараканы. Потом мы ужинали тем же, что было на обед, а перед сном отец с моряками пели, сопровождая себя на лютне и флейте (на ней играл Лукас Урбина), или играли в карты — длинные и эмоциональные партии в короля, которые иногда заканчивались криками и ударами по столу.

Родриго из Сории несколько лет был хозяином игорного дома в Севилье и владел всеми шулерскими приемами в карточных играх: он знал, как крапить карты, прятать и добавлять нужные во время партии, как сдавать себе лучшие и подменить одну колоду на другую, как обмануть при тасовании, как подавать сигналы и прочее в таком же духе. По этой причине он никогда не принимал участия в игре и ограничивался лишь ролью судьи в спорах, коих было бесконечное множество. Хорошо хоть они играли не на деньги, иначе это могло бы довести до беды.

К счастью, тот долгий день в порту Маргариты, проведенный в одиночестве, с наступлением сумерек закончился, когда на корабль вернулась шлюпка с водой для плавания и новыми выменянными товарами: кукурузой, просом, маниокой, картошкой и ананасами — всё это было для меня незнакомо, но очень вкусно и питательно, в чем я убедилась в последующие дни, когда Мигель добавил их к рациону. Еще они привезли хлопок, табак и кофе, но не очень много, потому что, как оказалось, эти товары редкие и дорогостоящие.

От всех этих мелких торговых сделок в портах корона имела приличную часть. Отцу приходилось платить большие налоги, но самым серьезным был налог под названием альмохарифасго — десятая часть с каждой продажи, что откусывало весьма существенную долю. Города могли оказаться всего лишь кучкой домов из глины и дерева, без солдат и пушек для защиты от пиратов, а колонисты не имели ни продовольствия, ни одежды, но там всегда присутствовала пара чиновников королевского казначейства, занимающаяся таможенным осмотром и не позволяющая пронести мимо своего носа ни единой курицы без уплаты по тарифу.

— Я думал, что в этих землях все богачи, — сказала я отцу в ту ночь, — но, как я погляжу, здесь столько же бедности и нужды, как и в Испании. Почему у людей ничего нет?

— Потому что ежегодный флот не приходит, когда должен придти, — объяснил он, остановившись на минутку рядом со штурманом Гуакоа, который спросил, какой румб брать в сторону Кубагуа, нашего следующего места назначения. — Лишь Испания может поставлять все необходимые припасы на рынки Индии. Ни одна другая страна не имеет разрешения здесь торговать, так что если испанских товаров недостаточно, чтобы нагрузить ими корабли, или получены известия о пиратах на пути следования флота, то отправка задерживается до полной загрузки или до исчезновения английской, французской или голландской угрозы, таким образом, нам постоянно всего не хватает.

— Но ведь отсюда происходят горы золота, серебра и жемчуга для короны, — возразила я. Что-то ведь да остается.

— Ошибаешься, — очень серьезно ответил он. — Колонисты в этих поселениях всегда нуждаются во всем. Для чего нужно золото, если на него нечего купить? А кроме того, если ты обладаешь золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями, которые тоже здесь имеются, пираты отнимут всё во время своих регулярных рейдов на города. То небольшое богатство, которое остается, растрачивается на войны с индейцами, поскольку корона не предоставляет в достаточном количестве ни корабли, ни солдат, ни оружия, ни пороха; не строит достаточно крепостей для защиты своих подданных от атак еще непокоренных племен, ведь ей приходится вести войну за католическую веру в Европе. За всё местные жители расплачиваются своим имуществом, вдобавок, хотя земли здесь плодородные и благоприятны для возделывания и разведения скота, жители не могут получить к ним доступ, так как они принадлежат немногим богачам, которым выдала землю корона, заинтересованная лишь в добыче золота и серебра. Более того, если что и могло бы уменьшить бедность жителей этих земель, так это плоды собственного труда, но люди вроде меня платят в королевское казначейство высокие налоги. Так что, по правде говоря, для колонистов ничего не остается.

На Кубагуа я была почти освобождена от дел торговли и обращения с весами. По правде говоря, там почти не осталось жителей — недавно там исчерпались запасы жемчужниц, и жители покидали дома в поисках лучших мест для проживания, но я чувствовала себя королевой (или королем), продавая товары вместе с отцом. Кубагуа славился ловкостью своих индейцев, ныряющих за жемчугом.

— Об этом тебе может рассказать Хаюэйбо, — объявил отец за ужином. Он отсюда.

Матрос Хаюэйбо оторвал глаза от тарелки и через левый борт посмотрел на остров. В его взгляде читалась мука. Как и штурман Гуакоа, матрос Хаюэйбо был не слишком разговорчивым. Оба индейца оказались молчаливыми и замкнутыми людьми, хотя Хаюэйбо чаще смеялся и делил повседневные заботы с товарищами, а Гуакоа всегда держался отстраненно, с серьезным лицом и в молчании. Он безусловно был превосходным штурманом, который не нуждался ни в лоциях, ни в картах, чтобы вести корабль, днем он ориентировался по солнцу, а ночью — по звездам, но его молчаливость и осторожное поведение вызывало у меня определенное беспокойство. Хаюэйбо, происходящий из племени гуайкери, вел себя по-другому.

— Целый день мы плавали под водой, — начал хрипло объяснять он. Он был еще довольно молодым человеком, лет двадцати семи или двадцати восьми, с острым орлиным носом. — Целый день без отдыха... — печально повторил он. — С самого утра и до заката. Мы ловили ракушки на глубине в четыре или пять сажень [\[16\]](#), вытаскивая корзины, заполненные до отказа, как и наши легкие. Многие друзья и родные так никогда и не

вынырнули из-за акул, которые здесь водятся. Энкомендеро [17] заставляли нас погружаться без отдыха, — добавил он с горечью.

— Хаюэйбо — превосходный ныряльщик, — весело вставил отец. — И к тому же — свободный человек. Сейчас он законный подданный короны и добрый сын церкви.

Через несколько мгновений молчания все разразилось смехом, включая самого Хаюэйбо и даже Гуакоа. Тогда я поняла скрывавшуюся в словах отца иронию. Вскоре я поняла, что больше всего в Новом Свете страдали индейцы, которые уже находились на грани исчезновения из-за привезенных из Европы и с востока болезней и изнурительной работы под гнетом энкомендеро.

Система энкомьенды функционировала по всем Индиям и состояла в том, что завоеванных туземцев корона распределила между испанской знатью и прочими почетными гражданами. Индейцы были обязаны работать на них за жалованье, а также приобщались к христианскому учению, таким образом находились необходимые работники для извлечения богатств Нового Света. Хотя по закону индейцы были свободными людьми, на самом деле энкомендеро обращались с ними как с малоценными рабами, поскольку они ничего не стоили, в отличие от негров, которых приходилось покупать на рынке.

Следуя за ветрами, курсом на Куману, после Кубагуа мы прибыли в Борбурату — прекрасное место, хотя и малонаселенное по вине постоянных пиратских набегов. В ее порту многочисленные команды чинили корабли, пополняли припасы и набирали воду в ближайшей реке Сан-Эстебан. Там мы поменяли наши товары на другие, столь же странные, что и приобретенные в предыдущих портах, моим любимцем стал вкуснейший фрукт под названием банан. Также мы купили соль и апельсины.

Через четыре дня после Борбураты мы добрались до островов Коро, Кюрасао и Бонэйр, где наполнили трюмы сахаром, имбирем, медом, пшеницей, кукурузой, мясом, жиром и шкурами. Я в жизни своей не пробовала сахара, и мне он показался весьма вкусной приправой, которую я быстро полюбила. Воды здесь были гораздо более беспокойные и бурные, чем на остальном побережье. Корпусам кораблей угрожали страшные рифы, и Гуакоа пришлось проявить мастерство и осторожность, ведя судно через узкие бреши в коралловом барьере в гавань. На Кюрасао я впервые увидела, что отец отвергает работорговлю.

Один его знакомый из Буэнос-Айреса предложил по хорошей цене шесть превосходных рабов: двух мужчин, двух женщин и двух детей, негров с побережья Гвинеи.

— Я никогда не практикую эту подлую торговлю, — прошептал он мне на ухо, — недостойно приличному человеку владеть другим, как вещью. По природе своей все люди свободны, вне зависимости от цвета кожи.

И сказав это, он подошел к неграм и резким жестом оторвал пуговицы на рубаше одного из мужчин, обнажив его торс.

— А где клеймо? — раздраженно крикнул он продавцу. — Не вижу на этом рабе клейма королевского казначейства. Как вы смеете продавать незаконный товар, за который не уплачено налогов короне? Эй, сюда! — обратился он к чиновнику таможни, прохаживающемуся по рынку и жуящему фрукты. — Сюда!

— Убирайтесь отсюда! — рявкнул продавец живого товара. — Вечно вы устраиваете переполох, где бы ни появлялись, Эстебан Неварес!

— Ступайте с Богом, сеньор Алонсо Лопес, — высокомерно ответил отец, сделав чиновнику знак, чтобы тот не приближался.

Плотник Антон Мулато, кок Мигель Малемба, матрос по прозвищу Черный Томе и юнга Хуанито Гунгу посмотрели на моего отца с восхищением. Я поняла, что они без лишних раздумий отдали бы за него свою жизнь. Как я убедилась в последующие дни, это относилось и ко всей остальной команде. По этой причине, а также по другим, о которых я еще расскажу, они уважали моего отца больше, чем можно себе представить. Эстебан Неварес был человеком чрезвычайной честности и достоинства, с чистой совестью, которого возмущала несправедливость.

Отплыв с Кюрасао, мы прошли неподалеку от Арубы, Маракайбо и мыса Вела, не приближаясь к ним, и через два дня хода при сильных северо-западных ветрах прибыли в Риоачу. Мы уже находились совсем рядом с Санта-Мартой, как сообщил однажды вечером отец, и сеньора Мария уже учуяла наш корабль и начала готовиться к приему.

— И откуда она знает, когда мы приплывем? — удивилась я.

— За двадцать лет мне так и не удалось это выяснить, — ответил отец, ухватившись за снасти, чтобы подойти к штурвалу, — но она никогда не ошибалась.

Риоача была важным центром добычи жемчуга, где мы наторговали почти на тридцать пять песо и восемь реалов серебром, то есть на десять тысяч мараведи. Глашатай созвал всех колонистов на берег, поскольку уже несколько недель сюда не заходил ни один другой торговец, и отец преуспел в торговле, что мы отметили, выпив рома в одной из таверн города.

В тот день я многому научилась: первое, что ром — это отличная выпивка, сделанная из сахарного тростника; второе, что в тавернах не подают еды, только вино, ром, чичу и самогон, и по этой причине туда часто заходят всякие бродяги и преступники; третье — что в тавернах мужчины только и делают, что болтают всякую чепуху и глупости, сидя на скамьях или стульях; а четвертое и последнее — что то ли из-за того, что я женщина, то ли из-за недостатка опыта, но я не могу выпить столько же, сколько отец и мои товарищи.

Я не помню, ни как закончился вечер, ни как я добралась до корабля, ни даже как оказалась в своей койке, накрытая одеялом. Я лишь знаю, что на следующий день, когда мы уже направлялись к Санта-Марте, меня одолевали приступы тошноты, так что я многократно опустошала желудок и чуть не выблевала за борт свои кишки, как при чумной лихорадке; меня мучила такая головная боль, что разбивающиеся о борт корабля волны отдавались в ушах грохотом барабанов. Я помню, как смотрела на береговую линию, состоящую из ущелий в красной глине, пока мы удалялись от Риоачи.

— Умунулуну! Умунукуну! ^[18], — закричал Гуакоа тем вечером, когда я несла четырехчасовую вахту, а остальные драили палубу. Вытянутой рукой он указал на громадные горы, без сомнения, самые высокие в мире, чей силуэт вырисовывался на горизонте.

Все стали кричать и радоваться и побросали свои занятия, чтобы подойти к борту и посмотреть на огромные вершины. Прямо перед нами находился маленький островок. Гуакоа повернул, чтобы войти в невидимый проход между островом и побережьем, и обогнув скальный выступ, на котором стояла хижина, мы вошли в прекрасную бухту с бирюзовыми водами и красивым пляжем в форме морской раковины, где располагался городок с рядами низких домов из тростника и соломы. Вокруг домов простиралась широкая равнина, а за ней — дикие джунгли, густое зеленое одеяло, быстро поднимающееся по отрогам гор до громадных заснеженных вершин, что окружали Санта-Марту.

Отец, которого я уже начинала ценить, приблизился ко мне и положил руку на плечо.

— Тот островок, который мы только что прошли — это Морро. Бухта, где мы

находимся, называется Кальдера. Горы, которые Гуакоа назвал Умунукуну, это Сьерра-Невада. Она выходит оттуда, — махнул он в сторону устья реки, спускающейся с гор справа от поселения. — Это Мансанарес, она течет на юго-запад и названа так в честь одного мадридца, который много лет прожил в этих краях. Сейчас сухой сезон, и уровень воды низкий, но вот увидишь, какой она станет с июня по октябрь, во время сезона дождей. Вскоре ты посетишь и болота с трясинами, что находятся на другом берегу Мансанареса. Они самые большие в мире. Этот город, сынок, первый из тех, что основали в Новом Свете. Говорят, что им была Кумана, но это вранье. Первой была Санта-Марта в 1525 году, ее основал конкистадор Родриго де Бастидас. Раньше у нас было больше жителей, но после многочисленных нападений пиратов осталось лишь семьдесят. Похоже, отец внезапно разозлился. — Знаешь... Санта-Марту много раз грабили и сжигали дотла английские пираты. Всего пять лет назад корсар Фрэнсис Дрейк напал на город, отсюда, из Кальдеры, опустошил его и поджег. Лишь мой дом и дом губернатора уцелели. Мы еще не оправились от этого несчастья, когда немного погодя, в том же самом году, нас посетил омерзительный Энтони Ширли, еще один проклятый англичанин, укравший то небольшое, что еще оставалось.

Следуя по прямой и подняв паруса, «Чакона» направилась к пристани, где стояли еще два корабля (каравелла и каррака), и все мы выстроились в готовности для маневров по причаливанию. Жители городка стали собираться на пляже небольшими группами.

Как только мы бросили якорь и спустили трап, отец мигом сошел на берег, чтобы поприветствовать соседей, которые бросились к нему с распростертыми объятиями и хлопали его по плечам и по спине. Он отвечал широкими улыбками, как король, позволяющий подданным себя развлекать. Мои товарищи по команде махали руками с палубы и непрерывно расхаживали туда-сюда, спеша закончить суету с причаливанием. Я не знала, что делать. Несомненно, сказала я себе, я последую за отцом, куда он захочет, пытаюсь остаться как можно более незаметной.

— Смотрите, соседи! — воскликнул сеньор Эстебан, указывая рукой на меня, я как раз наполовину высунулась за борт. — Вот мой сын Мартин Неварес.

Стройная и изящная женщина с широким лицом и острым носом, примерно сорока с лишним лет, одетая в желтую юбку, белую блузку и корсаж, на котором сиял прекрасный шелковый платок, медленно приблизилась к отцу с выражением горечи на лице.

— И когда это ты завел сына, о котором мне ничего не известно? — громко спросила она, и многие жители быстрым шагом направились обратно в город.

Отец посмотрел на нее и улыбнулся.

— Какая радость снова с вами увидеться, моя госпожа! — воскликнул он, раскинув руки, словно на распятии.

— Повторяю вопрос, сеньор, если вдруг вы меня не слышали, — настаивала женщина угрожающим тоном, теперь уже множество соседей поспешили скрыться. — Откуда взялся этот сын, о котором я ничего не слышала до сегодняшнего дня?

Отец, не прекращая улыбаться, решительным шагом приблизился к ней, снял черную шляпу и отвесил элегантный поклон.

— Идемте, сеньора, сделайте милость, забудьте на время эти вопросы и примите меня как всегда, с радостью и удовольствием.

— Какой радости и удовольствия вы просите, купец дьявола! Не вы ли уверяли меня, что никогда мне не изменяли, мерзкий негодник?

Я в жизни не слышала подобного спора между мужчиной и женщиной, да еще и на улице, перед другими людьми. Мои родители, разумеется, никогда не разговаривали так грубо и непристойно. Но самое удивительное заключалось в том, что, насколько я знала, они даже не были женаты.

— Мартин, — обратился ко мне отец с удовлетворением, — это та самая Мария Чакон, прекрасная госпожа моих потаенных мыслей, моя королева и сеньора до самой смерти, которой я вверил себя с того дня, как мы познакомились.

Двое или трое отважных зевак, оставшихся, чтобы понаблюдать за этой сценой, ошеломленно молчали, как и я, поскольку просто потеряла дар речи при виде того, как отец смело обольщает создание, которое ждет ответа молча и мрачно подбоченясь. Мои товарищи на корабле собрались вокруг грот-мачты, подальше от глаз стоящей на причале Марии Чакон. Я уже начала по-настоящему тревожиться. Долгим взглядом обведя собравшихся, сеньор Эстебан сказал:

— Пятнадцать лет назад в Сан-Хуане на Пуэрто-Рико я навестил одну индианку из племени араваков, служанку самого важного в городе человека, и, как мне сказали, в тот же день она забеременела и родила моего сына, которого назвали Мартином. Вот этот сын, — сказал он, театральным жестом ткнув в мою сторону пальцем, — именно в этом качестве вам следует его рассматривать и обращаться.

Госпожа (хотя, по правде говоря, ее нельзя было назвать госпожой, поскольку она не была замужем) ревностно осмотрела его с ног до головы, а потом подняла голову, чтобы поглядеть на меня. В таком положении она оставалась некоторое время, переводя глаза с одного на другого, пока, наконец, не устала, после чего надменно дернулась, повернулась на каблуках и отправилась прочь, с силой погружая ноги в песок.

— Жду вас дома, сеньор! — бросила она отцу. — Нам нужно поговорить!

— Как пожелаете, сеньора, — ответил тот, весьма довольный.

Мои товарищи тем временем с явным облегчением снова начали двигаться, поднимая из трюмов припасы и товары, которые предстояло отнести на склад при лавке, а другие чистили корабль и заканчивали прочие дела на нем, собирая свои пожитки.

— Спускайся, Мартин! — приказал мне отец с берега.

Я натянула свою прекрасную красную шляпу и молнией спустилась, встав рядом с ним на пристани. Отец по-прежнему удовлетворенно улыбался.

— Всё прошло без сучка без задоринки, — сказал он, снова положив руку мне на плечо и подталкивая в сторону городка.

— Вы уверены, отец?

— Ты не знаешь ее так же хорошо, как я, — ответил он. — Она поумнее многих, уверен, что к этому времени она уже поняла почти всю правду. Ей не хватает кой-каких фактов, и она спросит о них, как только мы войдем в дом, но будь спокоен, она уже точно знает, что я ей не изменял и выдумал эту историю.

Отец оперся о мое плечо, как слепой, и таким образом мы прошли по пляжу, оставив позади пристань, и вступили на площадь в форме квадрата, с домами справа и слева и зданием ратуши напротив, с окнами в сторону моря — на северо-запад, в ту сторону, где пряталось солнце. Вскоре на шести имеющихся в городе улицах уже не осталось света.

— Завтра мы посетим ратушу и отдадим дань уважения дону Хуану Гуиралю, — провозгласил отец, — губернатору и военному наместнику этой провинции. Если он не в одном из своих походов против индейцев, я сообщу ему о твоём прибытии и о том, что ты

будешь здесь жить.

Мы прошли мимо ратуши и вступили в небольшую сеть узких пыльных улочек, словно собирались покинуть город с противоположной стороны. Более того, как раз когда я уже увидела перед собой тень от джунглей, отец свернул вправо и остановился перед входом в единственный, за исключением ратуши, дом, построенный на каменном фундаменте, с покрытыми белой штукатуркой стенами и черепичной крышей. Несомненно, это был самый роскошный и большой дом в Санта-Марте, насколько я до сих пор могла судить, и занимал площадь, равную двум или трем другим домам. Здесь я увидела деревянную дверь, которая, как сказал отец, вела в лавку, а чуть дальше находилась другая приоткрытая дверь, откуда слышались музыка и смех.

— Предприятие сеньоры Марии, — с улыбкой объяснил отец.

— Предприятие? — удивилась я.

— Мария — владелица этого публичного дома, самого известного на Карибах. Ты разве не видел большие корабли у причала?

Я бы и хотела ответить, да не смогла: узнав, что Мария — проститутка, матрона девушек, служащих для развлечения, я просто окаменела. Я никогда не знала ни единого подобного человека, а судя по тому, что мне рассказывала тетушка Доротея, они были кошмарными женщинами, бесформенными и старыми, которых многочисленные сношения с мужчинами и самих превратили в подобие мужчин, с бородой на подбородке, широкими плечами и кадыком на шее.

— Но... но, отец, — пробормотала я. — Она же потребовала от вас верности у причала.

— Как и я от нее с тех пор, как мы вместе, — довольно ответил он. — Я же сказал тебе, это ее предприятие, а не ремесло. Чтобы ты знал, Мария была самой известной куртизанкой Севильи целых десять лет. В собственном доме она принимала важных торговцев, дворян, духовенство и самых значительных персон, включая даже военных из королевской армады. В те времена она заработала больше, чем я за всю жизнь.

Мы вошли на крыльцо и увидели подпирающие толстые балки крепкие столбы из черного дерева. Это был великолепный дом — чистый, полный свежести и растений. Музыка и крики из борделя доносились издалека, из-за стены. Здесь стояли мул и огромная гнедая лошадь, привязанные к кольцам и жующие кукурузу. Отец подошел к ним и ласково погладил.

— Смотри, сынок, мула зовут Вентура, а это Альфана, мой скакун. Умеешь ездить верхом?

— Нет, сеньор.

— Значит, скоро научишься, — объявил он, подойдя ко мне и вновь положив руку на плечо, чтобы направить меня ко входу в жилое помещение.

Мы прошли в огромную гостиную, протянувшуюся вправо и влево, в центре которой виднелся длинный деревянный стол с канделябрами по краям. Канделябры имелись и на стенах. Везде горели свечи, прекрасно освещая помещение с полом из влажной и твердой земли. У завешенных гобеленами стен стояли железные стулья с кожаными сиденьями и небольшие столики, так что комната выглядела элегантно. И это дом торговца и куртизанки? А кроме того, насколько я помнила, сеньор Эстебан сказал на моем острове, что у него нет имущества. Если у него ничего нет, то как же он может себе позволить такую роскошь?

— Мария наверняка ждет нас в своем кабинете, — прошептал отец, направляясь к двери слева.

Я не слышала ничего, кроме постоянного жужжания мошкеры, такая тишина стояла в этой части дома. Если Мария Чакон и правда знала о нашем прибытии за несколько дней с помощью какого-то магического трюка или мистического предвидения и всегда организовывала радостный прием, то почему же как по волшебству исчезли все следы того праздника, который для нас готовили?

Отец открыл тяжелую дверь кабинета, и мы вошли. Я не могла понять, какими делами могла заниматься подобная женщина в этом месте.

Сеньора Мария сидела за письменным столом из темного дерева, откуда сияла свеча, и внимательно нас разглядывала, вдыхая дым из прелестной трубки, состоящий из длинного мундштука и крохотной чаши. Маленькая обезьянка с коричневой (или, может быть, сероватой) шерстью балансировала на ее плече и время от времени крепко обнимала ее за шею, словно испугавшись.

— Сядь здесь, — приказал мне отец, подтолкнув к резной деревянной скамейке, стоящей напротив стола, под окном, откуда просачивался свет и музыка из прилегающей комнаты. Сам он сел с другой стороны стола, в кресло, явно принадлежащее хозяину, как и то, в котором сидела Мария, и тогда обезьянка с радостным криком длинным прыжком перескочила с плеча Марии на плечо отца. Наверное, она совсем слепа, раз не заметила его раньше, видимо, уже старая.

— Привет, Мико! — поприветствовал обезьянку отец, погладив ее по спине. Животное забралось ему на голову, перелезло на другое плечо, вернулось обратно и снова прыгнуло к хозяйке. Похоже, моего присутствия обезьяна не замечала.

— Ты никогда не добирался до Пуэрто-Рико, — начала женщина, отложив трубку на глиняное блюдо и скрестив пальцы на столе. — И прекрасно знаешь, что даже лучшие лжецы мира не заставят меня поверить в такую невероятную историю о страсти на одну ночь с горничной-индианкой, которая ни с того ни с сего вручила бы тебе сына пятнадцати лет. А что ты скажешь о том долгом и пристальном взгляде на соседей, когда они это выслушивали? Выглядит как советы старой вруньи, ложь и мистификация, Эстебанито. Кто этот метис, который ни капельки на тебя не похож?

Отец снова довольно рассмеялся, что, похоже, рассердило сеньору Марию, которая вскочила на ноги и, взяв в руки свечу и оставив обезьянку на спинке кресла, поспешила ко мне, словно торнадо.

— Вставай, мальчик! — грубо приказала она.

Я умирала от страха лишь при мысли о том, что передо мной бывшая севильская проститутка и, более того, хозяйка борделя. Если бы мои благочестивые и настоящие родители могли меня видеть в тот момент!

— Ты что, меня не слышал? — повторила она, поднося пламя к моему лицу, пока сеньор Эстебан продолжал посмеиваться за ее спиной.

— Да, сеньора, — нервно забормотала я, прилежно приподнявшись и бросив шляпу на сиденье.

— Твои волосы... — произнесла она, поднеся руку к моей голове и проведя ей по волосам. — твои волосы, хотя и прямые, слишком шелковистые для индейца, а лицо у тебя слишком круглое, да ты и сам слишком привлекателен, чтобы быть... У тебя хорошая фигура и приятные манеры... Да ты же... да ты же женщина!

Я посмотрела на отца в поисках помощи, но он продолжал смеяться так рьяно, что чуть не лопался.

— Да, сеньора, — пролепетала я, умирая от страха. А ноги у меня дрожали, так что я долго бы не устояла.

— Девушка! — ошеломленно воскликнула Мария. — И тебе, наверное, семнадцать или восемнадцать лет, по меньшей мере, правильно?

— Да, сеньора.

— Эстебанито! — рявкнула она, повернувшись к отцу, который уже согнулся от смеха, а на глазах у него выступили слезы. Увидев его в таком состоянии, сеньора Мария подошла к столу, резко схватила трубку, сунула ее в рот и, рассерженно повернувшись к отцу, снова посмотрела на меня. — Откуда ты взялась, черт возьми? Эстебан, прекращай хохотать или сейчас же убирайся отсюда!

Но он не сделал ни того, ни другого, а продолжал веселиться, пока я рассказывала Марии, которая села рядом со мной на скамейку, всю свою историю и как меня спасли с острова две недели назад. Когда я закончила, отец, к счастью, уже пришел в себя и слушал нас.

— Теперь-то ты понимаешь, — спросил он Марию, когда я закончила рассказ. — Эти мерзавцы Эрнандо Паскуаль и Педро Родригес выдали ее замуж за бедного дурачка Доминго. Невозможно же было на такое согласиться, ведь правда? Единственное, что мне пришло в голову, чтобы ее спасти, это превратить ее в своего сына и привезти сюда, чтобы ты за ней присмотрела.

Не думал же отец, что я стану работать в борделе? Я встревожилась. Более того, испуганно повернувшись к сеньоре Марии, я увидела, что по ее лицу скатились две слезы.

— Она ведь никогда не станет... — всхлипнула сеньора Мария, прикрыв глаза одной рукой и опустив другую, с зажатой в ней дымящейся трубкой, на юбки. — Ты ведь это знаешь, правда?

— Ну конечно же, знаю, — согласился он, поднявшись с кресла и встав перед ней на колени, в то время как Мария отняла руку от лица и погладила его по голове. — Никогда. Она может стать приятной компаньонкой, если ты решишь сделать ее своей помощницей. Тебе следует забыть, что речь идет о женщине, и обращаться с ней, как с юношей, пока каким-либо образом не закончится ее брак с Доминго Родригесом. Без сомнений, ее считают погибшей, но если она появится, то она пропала. Но мы уже нашли способ это поправить.

— Сеньора Мария бросилась к нему, утирая слезы.

— Так и будет! — ответила она. — Но не думаю, что на нашем побережье можно вести размеренную жизнь. У нас тоже хватает проблем. Поищи ей какую-нибудь работу, Эстебан, что-нибудь подходящее юноше, но в то же время достаточно приличное для девушки из хорошей семьи.

— Предоставь это мне, — предложил он, вставая. Мария тоже поднялась и тут же застыла посреди комнаты, рассматривая меня с молчаливой сдержанностью. Пристальный взгляд этих бездонных черных глаз был не очень приятным. Я беспокойно заерзала на скамейке, и, казалось, это движение положило конец чарам.

— Еще кое-что, девочка, — пробормотала она с подозрительным взглядом. — В инквизицию на твоего отца донесла твоя дорогая тетушка Доротея.

— Что вы такое говорите? — оскорбленно бросила я. Эта женщина, что, совсем рехнулась?

— Конечно, она сделала это из любви к вашей матери и к вам двоим, — продолжила

она с жалостью. — Своим скудным умишком она вообразила, что если священники как следуют испугают вашего отца, он станет подлинным и благочестивым христианином. Простые умы почти всегда совершают ошибки в суждениях, — мне показалось, что она говорит с оттенком превосходства. — Это ведь она научила вас с братом молиться еще в детстве, потому что в вашем доме отец запрещал молитвы и ритуалы. В ее глазах он был великим грешником, который поставил под угрозу ваши души. Она должна была что-то предпринять, да к тому же видела, как ваша мать страдает от измен мужа. Не осуждай ее. Идея уж точно не принадлежала ей, и она, разумеется, не рассчитывала на то, что произойдет в дальнейшем. Она не хотела, чтобы твой отец заболел и умер, ни тем более чтобы мать покончила с собой. Она лишь хотела, несомненно, под влиянием пылких проповедей толедских святош, чтобы твой отец прекратил грешить и вернулся в лоно церкви и чтобы вы получили хорошее христианское воспитание. Тайный донос наверняка был идеей ее исповедника или еще какого-нибудь священника из прихода.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не веря своим ушам, я затрясла головой. Доротей? Тетушка Доротей причинила все эти несчастья? Слова сеньоры Марии казались правдивыми и уверенными, но всё равно причиняли боль. Еще какую.

— Успокойся, Мартин, — воззвал ко мне отец. — Я же говорил, что Мария — человек сдержанный и хорошо понимает, как всё происходит в мире. Ты привыкнешь. С ней всегда так. Не принимай близко к сердцу, она не хотела причинить тебе боль.

— И мне всё равно придется называть ее Мартином, даже когда я знаю, что это женщина? — посетовала сеньора Мария, взяв на руки обезьянку, прежде чем выйти из комнаты.

Ту первую ночь я провела на жестком матрасе, положенным на четыре гладкие доски, покоящиеся на двух скамейках. Эту первую кровать установили в маленькой зале между двумя комнатами в глубине дома, дверь из нее вела в большую гостиную. Прислуга, как объяснила сеньора Мария, сейчас занята другими делами, и я поняла, что работающие в борделе девушки также служат горничными в этом великолепном доме и к тому же называют Марию матерью, доверительно и совершенно не стесняясь этого.

На следующий день Мария Чакон выделила мне маленькую комнату, примыкающую к ее собственной и выходящую в кабинет, но находилась она, строго говоря, уже в самом борделе. Хозяйка приказала запечатать вторую дверь, выходящую в публичный дом, и сменить мебель на более простую, строгую и подходящую молодому человеку с хорошим образованием. Мой стол-шлюпка занял почетное место. Как мало я подозревала, когда плыла на нем по океану или накрывалась от солнца на пляже, что проведу за ним долгие часы за учебой, потому что мой новый отец посчитал, что лучшей работой для меня будут книги и счета.

Лукас Урбина, матрос из Мурсии, играющий на флейте, помимо многих других занятий на новых землях, был учителем начальных классов в школе Гаваны, что на Кубе, откуда он уехал, потому что, по его словам, ему мало платили, хотя ему и нравилась эта работа. И потому каждый день, не пропуская ни единого, он пунктуально покидал комнату, где жил с одной из девушек борделя, Росой Кампусано, и пересекал кабинет сеньоры Марии и большую гостиную, чтобы подождать меня в кабинете сеньора Эстебана, с серьезностью, которой он не отличался на корабле, перебирая кустистую бороду и листая страницы книг и книжиц, которые отец выделил для моего образования.

Когда куртизанки сеньоры Марии видели меня, убежденные в том, что я — юноша, да к тому же сын сеньора Эстебана («Как он на вас похож, сеньор! Одно лицо с вашей милостью. Никто не усомнится в вашем отцовстве»), то отпускали шуточки и лезли обниматься, а одна даже попыталась меня покорить в самые первые дни моего пребывания в этом безумном доме, хотя потом, увидев мое сопротивление, отступила, показывая обиду и раздражение, хотя я ничем этого не заслужила.

С самого начала марта я сосредоточилась на учебе. Отец решил, что помимо грамоты и арифметики, которым меня обучил мурсиец, я должна научиться ездить верхом и владеть шпагой, для чего велел, чтобы на рассвете я сначала на муле Вентуре, а потом на скакуне Альфане делала большой круг на окружающей город равнине. Затем матрос Матео Кесада из Гранады, который, по словам отца, был лучшим фехтовальщиком на Твердой Земле, показал мне секреты своего искусства.

Во время этих занятий с меня сходило семь потов, но как я ими наслаждалась! Мой истинный родитель наверняка вертелся в гробу, видя, как его дочь пользуется шпагой и кинжалом, делая выпады и нанося удары направо и налево, но он, вероятно, оценил бы мое прирожденное проворство и то, как я быстро овладела искусством обращения с оружием, а мне это напоминало о собственных корнях, о доме, том доме в Толедо, который я уже не помнила, как и холод, снег, обмороженные пальцы, изморось на окнах и теплую одежду...

И вот однажды вечером, в конце апреля, во время ужина в маленькой столовой сеньора Мария спросила:

— Эстебанито, ты приготовил всё для Мельхора?

В свете двух толстых восковых свеч я увидела, как отец побледнел и оторвал взгляд от тарелки. Каждое произнесенное слово давалось ему с трудом.

— Мне не хватает тридцати восьми песо до двадцати пяти дублонов. Уверен, что не смогу продать за четыре дня столько товаров.

Воцарилось тяжелое молчание. Не нужно было обладать большим умом, чтобы прийти к выводу, что отец должен денег некоему Мельхору, и день платежа близок, а он не располагает необходимыми деньгами (двадцать пять дублонов!).

— Не волнуйся, — виновато попросила Мария. — Мы добудем недостающее.

— Я сделаю всё, что смогу, — очень серьезно заявил он.

— Знаю. Я поговорю с девочками. Успокойся.

На следующее утро, до того, как вывести на улицу Альфану, отец сказал мне:

— Приготовься, Мартин. Завтра на заре мы отплываем.

— И куда, отец? — спросила я.

— В Картахену — продать то, что осталось в трюмах корабля, и посетить одного приятеля.

— Как скажете.

Прогулка на Альфане не развеяла мое беспокойство. У отца имелись проблемы, о которых мне ничего не было известно, а поскольку ни он, ни Мария никогда не говорили при мне о деньгах, я не знала, означает ли мое присутствие в этом доме, как мне начинало казаться, дополнительные расходы, которых они не могли себе позволить, несмотря на наружность обеспеченных людей и приносящие прибыль бордель, лавку и корабль. Я решила как можно скорее это выяснить. Если я для них — тяжкая ноша, то мне следовало об этом знать, и немедленно. Я поняла, что отец не скажет ни слова, хоть бы я приставала с расспросами до конца своих дней, и решила, что в Картахене не буду отставать от него ни на

шаг, даже для исполнения срочных потребностей организма. Я превращусь в его тень с самой швартовки и до того времени, как мы снова поставим паруса, вот так я и выясню, что на самом деле происходит.

Два дня спустя мы бросили якорь в огромном порту Картахены, всего в тридцати лигах пути от Санта-Марты, нагрузили в шлюпку товары и пошли на веслах к пристани. Сколько же здесь было судов и фрегатов! И какие гигантские верфи для строительства великолепных кораблей и галер! Очень похоже на порт Севильи в тот день, когда мы отплыли вместе со флотом.

— Это крупнейший торговый город в Индиях, — объяснил отец. — Сюда прибывают, чтобы вести дела, из всех внутренних провинций Нового королевства Гранады ^[19], со всего побережья Твердой Земли и даже из Новой Испании ^[20], Перу и Никарагуа.

Картахена была огромной, с прекрасным дворцом, служившим ратушей и резиденцией губернатора, изысканными особняками знати, арсеналом, домами для судей и чиновников, тюрьмой с охраняющими ее солдатами, элегантными гостиницами, кафедральным собором и многочисленными церквями и монастырями. И всё это было построено из толстенных каменных блоков, что совершенно удивительно в мире дерева и глины, каким являлись Карибы. С другой стороны, в ее кварталах и пригородах обитали не меньше двух тысяч человек, не считая рабов, свободных негров, метисов, мулатов, индейцев и представителей прочих каст. Санта-Марта же, со своими шестьюдесятью жителями, была просто жалкой деревушкой.

Мы ходили на рынок на Морскую площадь продавать свои товары, и торговля шла бойко. На Твердой Земле вечно всего не хватало. Если бы король позволил торговцам из других стран снабжать нас самым необходимым, когда Испания не могла этого сделать, то Новый Свет расцвел бы так мощно, как деревья в джунглях. Потому работа торговцев вроде моего отца была так важна, они забирали товары, которых в данном месте было в достатке, и увозили в другое, а потом наоборот, и начинали всё с начала. Только благодаря им колонии и выживали.

После второго утра на рыночной площади нам уже нечего было продать или выменять, и мы стали собирать свои пожитки. Не хватало только матроса Родриго, который испросил у отца разрешения пойти сыграть несколько партий в кости и карты в один известный игорный дом, коих в Картахене имелось множество, и Лукаса Урбины, моего учителя, который пошел побриться и подровнять бороду. Остальные, включая двух юнг, работали изо всех сил, чтобы успеть до уже приближающейся полуденной жары. Остальные торговцы, лавочники и лоточники закрывали свои лавки, чтобы заранее найти тень где-нибудь в уголке.

— На корабль, — приказал отец. — Мы закончили.

Это мне показалось несколько странным.

— Но не все в сборе, и к тому же ваша милость собирались в Картахене посетить друга, вы же сами мне это сказали в Санта-Марте вечером накануне отплытия. Хотите, чтобы я пошел с вами?

Он искоса бросил на меня взгляд, словно не веря моим словам, а потом неопределенным жестом руки отверг мое предложение.

— Отправляйся на корабль вместе с остальными, — велел он. — пусть Матео и Хаюэйбо вернутся на пристань и подождут Родриго и Лукаса в шлюпке, а я найму другую, чтобы вернуться на корабль, когда мне понадобится.

Я кивнула, словно послушалась, и продолжила работу, но как только он распрощался и ушел, покинула площадь, надела шляпу и сказала товарищам, чтобы выполняли, что велел капитан, а Матео и Хаюэйбо подождут на пристани и меня.

— Осторожней, Матрин, — предупредил меня Матео. — Ты еще очень молод, чтобы в одиночку ходить по Картахене. Твой отец рассердится, когда об этом узнает.

— Отец не должен ничего узнать! — крикнула я, свернув в тот же переулок, по которому удалился он. Он был не больше чем в пятидесяти шагах, так что я последовала за ним, не выдавая своего присутствия.

Мы пересекли центр квартала знати, улицы стремительно пустели под полуденным солнцем. Я боялась, что в конце концов мы с отцом останемся одни на пустынных улицах, потому что ни один человек, ни даже животное не осмелятся выйти на этот горячий воздух, которым невозможно дышать. Через некоторое время мы покинули центр города, вышли за стены, пересекли болото и оказались в бедном пригороде, состоящем из домов, сооруженных из кривых палок и с крышами из пальмовых листьев, такие даже индейцы считают лачугами.

Позже я узнала, что этот жалкий квартал называется Гефсиманским, и там живет картахенская беднота. Из-за влажной жары грязь на улицах здесь никогда не просыхала, смешиваясь с помоями, мусором и прочими человеческими отходами. Мы миновали лесопилку, фабрику черепицы, склады, кожевенные мастерские... все они в это время дня были закрыты. Но отец всё сворачивал на разные тропинки, обходил стада и пересекал пустыри, так что мне пришлось скрываться, где только можно (за тростником, кустарниками и кактусами, которые впивались в меня своими жуткими шипами), и, наконец, он добрался до гасиенды, расположенной на огромной поляне, расчищенной в джунглях, где находилось много индейцев и черных рабов, скованных цепями на шеях.

Эти несчастные тяжело трудились под палящим солнцем, одни рубили деревья, другие долбили огромные каменные глыбы кирками, лопатами, зубилами и молотками, а третьи засовывали поленья в странные и очень высокие печи в форме стаканов, откуда через многочисленные коленца вырывались языки пламени. Стоял жуткий грохот, усиливающийся по мере приближения. Насколько я могла разглядеть, снизу из этих высоких стаканов высыпался шлак, попадающий в небольшие водоемы. Без сомнения, здесь занимались извлечением драгоценных металлов.

И вот тогда, находясь менее чем в броске камня от этого места, отец остановился и повернулся ко мне.

— Я знаю, что это ты, Мартин, — сказал он сердито. — Могу я узнать, какого дьявола ты здесь делаешь?

Я вышла из-за своего жалкого укрытия, удивившись его пронизательности.

— Следую за вашей милостью, отец.

— А теперь подождешь меня здесь, ни шагу дальше.

— Как вы узнали, что я за вами слежу? — умоляюще спросила я.

— Думаешь, что можешь спрятаться, в этой-то своей красной шляпе? — рассмеялся он, отправившись к гасиенде и оставив меня жариться под палящим солнцем посреди поляны. Я увидела, как на тенистом крыльце большого белого дома с крепкими воротами он заговорил с отдыхающим в гамаке мужчиной. Они были далеко, и я могла лишь разглядеть, что мужчина, очевидно, хозяин всего вокруг, не принес гостю стул, вынудив его оставаться на ногах, пока сам удобно лежал. Произошел молчаливый обмен: отец дал ему кошель с монетами, который вытащил из кармана, а взамен мужчина протянул ему листок бумаги. И

всё. Потом отец сухо простился и вышел оттуда. Я видела, как он возвращается, удрученный и задумчивый, таким усталым шагом, словно несет на себе сотню бочек, хотя при нем не было груза. Вскоре он поравнялся со мной и, положив руку мне на плечо, как он любил, в полном молчании направился к городу, отказавшись отвечать на мои вопросы или комментарии. Что бы ни произошло в этой гасиенде, это точно было что-то плохое.

Как я и просила Матео с Хаюэйбо, они ждали меня на пристани вместе с Родриго и Лукасом, выпивая и дурачась, чтобы скоротать время. Завидев наше приближение, они стали как можно быстрее отвязывать шлюпку, повернувшись к нам спиной, чтобы скрыться от отцовского взгляда, но тот, однако, пребывал в такой задумчивости, что не обратил внимания на то, что они не выполнили его приказ. При виде Родриго мне пришла в голову одна идея.

— Родриго, — сказала я ему на ухо, — вытащи из кармана моего отца сложенную бумагу и дай ее мне.

Родриго из Сории отказал мне, быстро покачав головой, и попытался от меня скрыться, вцепившись в весло, словно вся его жизнь зависела от этого, но я не могла позволить, чтобы бывший севильский игрок и мастер шулерских трюков, чьи мозолистые пальцы могли заставить исчезнуть и появиться карты и даже целые колоды, словно по мановению волшебной палочки, отверг мою просьбу, какое бы уважение не питал к моему отцу. Так что я сама взялась за весло и уселась рядом с ним.

— Родриго, дружище, — взмолилась я шепотом, — не бойся совершить несправедливый поступок или получить наказание. Уверяю тебя, что если ты отдашь мне письмо, которое прячет отец, ты сможешь предотвратить несправедливость.

— Оно от Мельхора де Осуны? — к моему величайшему изумлению спросил он.

— Что ты знаешь об этом Мельхоре?

— Вы оба, замолчите! — рявкнул отец с носа. Мы уже подплыли к кораблю и маневрировали между многочисленными судами картагенского порта. — Гребите молча, мы здесь не для того, чтобы вы чесали языками.

Родриго хмыкнул и больше не открыл рта, но когда мы взошли на палубу, он схватил меня под руку и потащил в якорный отсек.

— Вот, читай, — протянул он бумагу. Я восхищенно посмотрела на него. Я так и не поняла, когда он успел вытащить письмо, но он был очень проворным мошенником. Его лицо было серьезным, а на загрубевшей коже пролегли белые линии вокруг глаз. Я заметила, что он недоволен. ^[L]_{SEP} — Читай быстрее, пока нас не застукали.

— Я бы прочитала, — разозлилась я, — но на это потребуется время — я ведь еще учусь. Лучше ты мне скажи, что там.

Он даже не моргнул, а свернул бумагу, и она исчезла в его громадной ручище.

— Это платежный документ. Мельхор де Осуна объявляет, что получил от твоего отца двадцать пять дублонов за первую треть сего года в счет долга, который за ним числится.

— Что за долг?

— Мне кажется, Мартин, — ответил Родриго, разворачиваясь, — что мне не следует разговаривать с тобой об этих вещах. Это дела твоего отца, и если он захочет, то сам расскажет.

Я набросилась на него, как хищный зверь, и схватила за рубаху, чтобы он не ушел.

— Хорошо тебе говорить, Родриго, и ты произносишь правильные слова, но ты ведь знаешь, что мой отец держит эти вещи в секрете, и я уже понял, что сам он мне ничего не

расскажет. Я лишь знаю, что сеньора Мария в последние дни была очень встревожена, поскольку, по-видимому, не хватало денег на выплату долга. Они оба мучились, а я ничем не мог им помочь. Мне показалось, что если ты мне обо всём расскажешь, я пойму, как поступить, когда выдастся случай, и кто знает, может, я в чем-то и помогу. Видел бы ты лицо отца, когда он выходил из гасиенды этого Мельхора.

Мои слова, похоже, тронули угрюмого Родриго, он несколько мгновений раздумывал, а потом тревожно сказал:

— Сейчас не время для разговора. Подожди меня здесь, я верну бумагу капитану, пока он ее не хватился.

Он ушел и очень быстро вернулся.

— Что ты хочешь узнать? — спросил он, уже успокоившись и усаживаясь на бухту каната.

— Кто такой Мельхор де Осуна? — спросила я, усевшись рядом.

— Самый отвратительный мерзавец на Твердой Земле. Проклятый жулик, обкрадывающий твоего отца под прикрытием закона и суда. Если бы он не был родственником братьев Курво, я бы лично уже давно врезал бы ему по ребрам.

— Такой мерзавец? — охнула я.

— Худший из людей.

— А братья Курво? Это кто такие?

— Братья Ариас и Диего Курво, выходцы из Лебрихи, что в Севилье. На Твердой Земле их знают как братьев Курво. Они самые могущественные и богатые торговцы Картахены. Мельхор де Осуна — их кузен, они покровительствуют ему и его делам. Такие влиятельные семьи обычно прибегают к помощи родственников, когда им нужны доверенные служащие, и оказывают им всяческие услуги. В Севилье живет другой их брат, Фернандо, который собирает у родни заказы и отправляет их на Твердую Землю Ариасу и Диего. Фернандо числится в списке поставщиков товаров в Индии и отправляет их своим братьям на кораблях, что путешествуют с ежегодным флотом.

— И почему отец должен этому Осуне? — мои тревоги всё возрастали. Когда встаешь на пути богатых и могущественных, то твои дела плохи, если ты в положении низшего.

Родриго стер испарину с лица.

— Твой отец подписал с Мельхором контракт на поставку определенного количества парусины и ниток для шитья парусов, которые должен был привезти на склады этого мерзкого мошенника на Тринидаде, в Борбурате и Коро. Это был очень выгодный контракт, от которого капитан получил бы хорошую прибыль, но всё пошло наперекосяк. Испанские галеоны каждый год привозят парусину и нитки в достаточном количестве, и потому твой отец хотел купить их по хорошей цене на ярмарке в Портобело, что открывается, когда прибывает флот из Испании, и отвезти товар на склады Мельхора, чтобы разжиться деньгами. Но по несчастному стечению обстоятельств в том году, 1594, флот не привез этих товаров, и Мельхор де Осуна, вместо того, чтобы войти в положение, воспользовался условиями договора, по которым в случае невыполнения сеньор Эстебан должен был выплатить неустойку за причиненный ущерб.

Я с трудом поняла, о чем толкует Родриго, потому что никогда не сталкивалась с подобными вещами, хотя я сообразила, что шесть лет назад отец не смог выполнить торговое соглашение и по этой причине ему приходится выплачивать Мельхору определенную сумму.

— Этот Осуна, — продолжал Родриго, — пошел к чиновнику в Картахене, который

зарегистрировал контракт, и потребовал конфисковать всё имущество сеньора Эстебана и передать в его владение, это называется исполнение договора по размеру общих активов. Чиновник призвал альгвасилов, и твой отец потерял дом в Санта-Марте, корабль и право на торговлю. Он остался ни с чем. Всего за день они с сеньорой Марией остались без гроша в кармане, потому что бордель тоже закрылся из-за конфискации дома. Но тогда Мельхор де Осуна притворился щедрым и предложил твоему отцу другой выход: постоянный контракт, от которого он не сможет отказаться до конца своих дней. Ему оставлялось всё имущество в пользование до тех пор, пока он три раза в год выплачивает определенную сумму — семьдесят пять дублонов.

— Семьдесят пять дублонов [\[21\]](#)! — в ужасе воскликнула я. Да на такую сумму можно много лет кормить целую семью. Это же целое состояние.

— Он должен платить без опозданий, иначе отправится на галеры именем короля. Поэтому твой отец продолжает трудиться, несмотря на преклонные года. Если он хочет сохранить свой дом и корабль, то должен вручать Мельхору двадцать пять дублонов каждые четыре месяца. Иногда ему это удается, а иногда нет, тогда сеньора Мария добавляет недостающее, а если и у нее нет денег, то просит займы у девушек из заведения, и мы, моряки, тоже добавляем до нужной суммы для этого проклятого прощельги, чтобы его черти взяли. Если бы матушка не имела стольких девушек, — он имел в виду сеньору Марию, — то долг не удалось бы выплачивать. А хуже всего, что в тот день, когда сеньор Эстебан умрет, всё имущество перейдет в руки этого плута, поскольку в глазах закона он владелец всего состояния твоего отца.

— А разве ростовщичество не запрещено? Этот ежегодный платеж в семьдесят пять дублонов выглядит... Ростовщичество было запрещено и преследовалось по закону. Христиане не могли им заниматься, по католическим устоям оно считалось еврейской профессией.

— Это не ростовщичество, Мартин, это называется торговлей. Ты еще слишком молод, чтобы уловить разницу.

Я всем сердцем опечалилась. Эти добрые люди приняли меня в своем доме и защитили от несчастной судьбы, не говоря уж о том, что спасли от одиночества на острове. Они давали мне хлеб, кров и постель, а тем временем едва наскребали деньги для выплаты разорительного долга, который высасывал из них все соки. Родриго понял мое горе и, вставая, утешительно хлопнул меня по спине и молча удалился, оставив меня в одиночестве среди канатов, тросов и якорей.

Нужно что-то предпринять. Наверняка есть какое-то решение. Убийство Мельхора, как объяснил Родриго, было бы несправедно, хоть и весьма заманчиво. Я мало смыслила в контрактах и законах. Королевское правосудие было неумолимым, все знали, что невозможно оспорить решение чиновников, прокуроров и судей, когда речь идет о влиятельных людях, а в случае с Мельхором де Осуной вдобавок имелись и его кузены, братья Курво, так что сеньор Эстебан попал в ловушку, как мотылек в паутину, и ни свидетели, ни доказательства ему бы не помогли.

Так я и сидела, погрузившись в раздумья, когда с палубы меня громко окликнул отец:

— Мартин! Вот несносный мальчишка! Где тебя носит? Ты что, решил отлынивать от работы? Даже и не думай, бородой клянусь! Корабль отчаливает, и нам нужны твои хилые ручонки!

— Иду! — откликнулась я, вскакивая.

Приличные люди должны платить добром на добро, и я хотела так и поступить со своим приемным отцом, пока меня не покинут последние силы, так что сейчас для меня не имели значения ни его крики, ни грубые слова. В тот миг я поклялась, что спасу сеньора Эстебана и сеньору Марию из ловушки Мельхора де Осуны, или не зватьея мне Каталиной Солис... или Мартином Неваресом... В конце концов, как бы меня ни звали, в данном случае это неважно.

На закате мы отправились в обратный путь к Санта-Марте, но плыть на запад — это совсем не то же самое, теперь ветер и течение нам не благоприятствовали, так что на тридцать лиг в Картагену нам понадобилось чуть более одного дневного перехода, а на те же тридцать лиг в обратном направлении — по меньшей мере два или три дня. Гуакоа пришлось управлять кораблем, постоянно меняя галсы, чтобы поймать ветер, а остальные моряки работали не покладая рук с такелажем и парусами, чтобы не сбиться с курса и не налететь на скалы у побережья. Хорошо хоть труды на острове меня закалили, а поскольку я выглядела как паренек лет пятнадцати или шестнадцати, никто не ждал от меня многого.

Незадолго до прибытия в порт, когда уже почти опустилась ночь, юнга Николасито, несущий в котелке ужин, вдруг вскрикнул в тревоге, и все повернули головы в его направлении. У правого борта, со стороны земли, перемещались огоньки, похоже, кто-то взмахивал факелами и фонарями, чтобы привлечь наше внимание. Гуакоа бросил молчаливый взгляд на капитана, а тот с непроницаемым выражением лица приказал убрать паруса и остановиться, хотя ничего не сказал о том, чтобы бросить якорь или спустить шлюпку.

— А что, если это ловушка, Матео? — спросила я стоящего рядом моряка, не сводя глаз с загадочных огней.

— Это бухта Таганга, — ответил он, опершись руками о борт и кивнув в ту сторону, — она так близко к Санта-Марте, что группа жителей вполне могла убежать оттуда в случае нападения пиратов на город.

— Или это сами пираты, — предположил испуганный юнга Хуанито.

— Лукас, — сказал отец, — окликни-ка их по-английски, посмотрим, ответят ли.

Я удивилась, узнав о том, что мой учитель Лукас говорит на языке врагов Испании, поскольку мы находились в состоянии войны с Англией уже двенадцать лет, с тех пор как англичане разбили Непобедимую Армаду в водах Ла-Манша. Мурсиец поспешил выполнить приказ своим зычным голосом и выкрикнул несколько слов, которых я не поняла. С пляжа никто не ответил. Огни замерли на несколько мгновений, а потом снова начали свой танец.

— А теперь по-французски и по-фламандски, — велел отец.

И Лукас, хотя я не поняла ни слова, так что с тем же успехом он мог бы кричать и по-турецки, также повиновался, но снова никто не откликнулся, и, как и раньше, огни застыли, но потом снова начали двигаться из стороны в сторону. Вскоре до нас донесся голос:

— Эстебан Неварес! Это вы?

Отец не ответил.

— Сеньор Эстебан, хочу с вами поговорить!

— Осторожней, отец! — встревожилась я, вспомнив злодеев, пробирающихся по пляжу Сокодовер в Толедо. — Это может оказаться какой-нибудь пройдоха и убийца.

— А еще раб, — пробормотал отец, перегибаясь через борт, чтобы рассмотреть, кто окликнул его с берега. — Я здесь! — крикнул он. — А вы кто такой и чего вам надо?

Огни застыли.

— Я король Бенкос!

Мои товарищи изумленно открыли рты. Черный Томе, Антон Мулато, кок Мигель и юнга Хуанито сгрудились у правого борта с радостными восклицаниями. Отец, весьма раздраженный, велел им заниматься своим делом.

— А ну, прочь отсюда, придурки! — набросился он на них. — Если бы в вас выстрелили из аркебузы или мушкета, вы бы уже были мертвы!

— Так ведь темно и ни зги не видать! — возразил Хуанито.

— Эстебан Неварес! — настойчиво повторил голос с берега. — Вы еще здесь или померли с испугу?

— Да больно ты известен вместе со своими подвигами, чтобы я испугался беглого раба вроде тебя!

— Тогда высадитесь на берег, купец! У меня есть к вам дельце!

Отец погрузился в раздумья.

— И какие ты мне дашь гарантии? — спросил он наконец.

— А какие надо?

— Пошли вплавь кого-нибудь из своих людей, и моя шлюпка подберет их на полпути. Они останутся на корабле, пока мы с тобой будем разговаривать.

— Годится! — согласился некий король Бенкос. — Более того, в качестве заверений моих добрых намерений я пришлю вам в заложники одного из своих сыновей!

— Спустить шлюпку! — приказал отец.

— Но в качестве гарантий с вашей стороны, — продолжал король, — я попрошу привезти вашего сына Мартина.

— Стоять! — рявкнул сеньор Эстебан, прекратив маневр. — Откуда беглому рабу знать, что у меня есть сын? — пробормотал он.

— Так вы согласны, сеньор? — спросил король.

— На этом наши переговоры закончены! Откуда ты знаешь, что у меня есть сын и как его зовут?

— Я король Бенкос, — крикнул тот. — Все черные рабы Твердой Земли доносят до меня слухи, сеньор купец! Я знаю всё и всех, и потому здравый смысл говорит мне, что мы придем к соглашению!

Отец скривился, словно увидел привидение или призрак. Похоже, он сомневался, но в конце концов быстро махнул рукой, чтобы шлюпку все-таки спустили на воду, и приказал Хаюэйбо и Матео забрать из воды заложников, но слишком близко к берегу не приближаться. Мы бросили якорь и молча стояли, прислушиваясь к плеску весел.

Когда шлюпка вернулась, стукнувшись о корпус корабля, я поняла, что вот-вот произойдет нечто важное. Об этом говорило мне чутье и липкий пот, выступивший на теле, несмотря на свежий ночной бриз.

На палубу прыгнули четверо вымокших и босых негров в лохмотьях и с непокрытыми головами, а с их кудрявых волос стекала вода. Они недоверчиво огляделись. Оружия при них не было, но мы всё равно с ними не справились бы, поскольку они были крепкими, высокими, широкоплечими и с мускулистыми руками. Одному из четверых, видимо, сыну короля Бенкоса Бьохо, было всего четырнадцать или пятнадцать (столько же, сколько моему брату в день смерти), и он имел самую гордую осанку и смотрел уверенно. Его кожа и черные кудри блестели, словно он намазался маслом.

— Давай, Мартин, — позвал отец. — Пошли.

Некоторое время мы молча гребли к берегу вместе с Хаюэйбо и Матео, разбивая воды веслами. Когда огни на берегу стали служить не только для того, чтобы указывать путь, я смогла различить в центре пляжа человек пятнадцать-двадцать — негров с короткими пиками и шпагами за поясом, которые пристально вглядывались в нашу сторону. Единственной одеждой на них были изодранные и грязные штаны, а торсы они оставили обнаженными. Перед ними стоял старый, но крепкий мужчина, босой, как и все остальные, погрузив ноги и кончик пики в песок в ожидании. Ему было лет сорок, но казалось, что его не сокрушит и ураган, так высокомерно он держался. Без сомнений, это и был король Бенкос.

Хаюэйбо и Томе спрыгнули в воду, когда до берега оставалось десять шагов, и подтащили шлюпку к пляжу.

— Приветствую вас, сеньор Эстебан! — воскликнул Бенкос, приблизившись и склонившись перед отцом, который уже направился ему навстречу. — И тебя, — добавил король, обращаясь ко мне. — Несомненно, ты и есть Мартин Неварес, его сын, уж больно похож. Проходите же и присядьте с нами.

Кружок беглых рабов раздвинулся, чтобы дать нам пройти, и кто-то развел костер из заготовленной кучки хвороста. Рядом ожидали два пустых стула, приготовленные для беседы. Отец и король Бенкос сели. К ним подошел негр с двумя стаканами вина. Остальные уселись на песок.

— Как идет торговля, сеньор Эстебан? — с улыбкой поинтересовался король, подняв стакан с вином. — За ваше здоровье!

Отец тоже отпил и вытер губы ладонью.

— Мои дела уж точно идут лучше, чем твои, Доминго. Ты очень скоро попадешь в руки закона.

— Меня зовут Бенкос, — обиделся тот.

— А когда ты прибыл в Картахену, крестили тебя именем Доминго.

— Когда я прибыл в Картахену, я превратился в скелет под ударами хлыста, живого места на теле не осталось. Я даже не понял, что произошло, когда тот монах окунул меня с головой в воду прямо в порту. Я не понимал по-испански, сеньор, и согласия у меня не спрашивали. В Африке я был королем и никогда вновь не стану рабом, ни в какой части света. Меня зовут Бенкос Бьохо, и если хотите оставаться со мной в добрых отношениях, так меня и называйте.

— А с какой стати мне вести с тобой дела?

Меня очень удивило, что отец, противник рабства, ведет себя подобным образом. Тогда я еще не понимала, что эта ситуация для нас опасна, нас превосходят числом, и отец лишь пытается показать силу, которой не обладает.

— Мы оба в этом нуждаемся, сеньор, — заявил король с насмешливой улыбкой. — Вы должны выплачивать Мельхору де Осуне двадцать пять дублонов три раза в год, а мне необходимо оружие, чтобы защищать наши жилища. У меня есть для вас дублоны, а вы можете купить для меня аркебузы и мушкеты.

— Что еще за жилища? — шепотом спросила я Черного Томе, сидящего рядом.

— Поселения беглых рабов. Многие рабы бегут в болота и горы вслед за королем Бенкосом и основали там несколько поселений, где живут по своим африканским обычаям.

— А ты не хочешь уехать в одно из них? — с любопытством спросила я.

— Я — свободный человек, — гордо прошептал Томе. — капитан купил меня и выдал

бумагу об освобождении уже много лет назад. Мне нет нужды сбегать и прятаться.

— А позволь узнать, — спросил отец, — где я раздобуду арбалеты, стрелы, аркебузы, мушкеты и порох в нужном тебе количестве, не возбуждая подозрения властей? Да и кроме того, Доминго, ты ведь знаешь, что в прошлом году галеоны не приплывали, а в нынешнем, хотя я и не хочу впадать в грех прорицательства, но боюсь, что тоже не придут [\[22\]](#). Откуда мне взять это оружие, если его и колонистам-то не хватает?

— Конечно же, незаконным путем, — улыбнулся король Бенкос.

— Контрабандой! — воскликнул отец, рассердившись. — Ты выжил из ума, Доминго! Ты же знаешь, какое наказание полагается за торговлю с другими странами. Могут отправить на галеры, откуда уже не вернуться, или даже на эшафот.

— Или можно заработать столько денег, чтобы выплатить долг Осуне и жить как князь до самой смерти в покое и уюте.

— Мой долг Осуне невозможно выплатить, — с достоинством возразил отец.

— Даже если и так, вы могли бы позабыть о нужде и страданиях, когда приходится собирать причитающиеся выплаты. Многие из тех, кого называют пиратами и корсарами, что нападают на это побережье, не кто иные, как обычные чужеземные торговцы, превратившиеся в контрабандистов лишь потому, что отказываются подчиняться королевскому запрету. Свяжитесь с ними и привезите мне то, что поможет защитить мой народ.

— Этим оружием вы будете убивать испанцев, — заявил отец.

— И как испанцы убивают своих рабов? Сами знаете, да это известно всем, что я уже как год с лишком сбежал из Картахены и ни разу ни на кого не напал, только защищался. Когда сторонники предупреждают меня, что наши бывшие хозяева устроили на нас охоту, мы убегаем в болота, джунгли или горы, куда не смогут добраться лошади и собаки. Но нам надоело сбегать. Мы хотим защищаться, чтобы нас боялись и больше не беспокоили.

— А что это за сторонники такие?

— Все рабы Твердой Земли! — воскликнул король Бенкос, грубо расхохотавшись. — Все, сеньор, все рабы Твердой Земли подслушивают, а потом передают новости из уст в уста, пока через несколько часов они не достигают и самого отдаленного поселения. Нас никогда не могут поймать, потому что все негры хотят, чтобы мы оставались на свободе, живые и невредимые, в надежде когда-нибудь к нам присоединиться. Но нам нужно оружие, сеньор, — продолжал настаивать он, отхлебнув большой глоток из стакана. — Оружие и ваша помощь, чтобы его добыть. Мы хорошо заплатим. У нас есть серебро, которое перейдет в ваши руки в качестве благодарности за услуги и в уплату за ту опасность, которой вы подвергаетесь. Что скажете, сеньор?

Ответа не последовало. Тишину прерывал лишь шум прибоя. Сидящие вокруг костра двадцать человек даже не кашлянули. Через некоторое время король Бенкос потерял терпение.

— Сеньор, — напирал он, — так что вы решили?

— Я бы не согласился, если бы так не нуждался в средствах, — пробормотал отец, понутив голову. — Но будь что будет, я согласен, — он поднял глаза и твердо посмотрел на беглого раба. — Приготовь это проклятое серебро, Доминго, потому что я собираюсь рискнуть своей жизнью, жизнью сына и команды, — голос его звучал хрипло от злости на самого себя. — Я заключу сделку с чужеземными еретиками, нарушив целую кучу законов короны, займусь запрещенной контрабандой, обману королевское казначейство, в общем,

совершу всё это, Бенкос, и тебе придется хорошо мне заплатить.

Тот удовлетворенно улыбнулся.

— Привезете мне оружие, а я расплачусь добрым серебром из Перу, что перешло в мои руки прямым от черных рабов, которые переносили его на своих плечах в Картахену и Портобело, потеряв по пути множество жизней, из самого рудника Серро-Рико, что в Потоси, чтобы их хозяева, энкомендеро и испанские торговцы, могли надуть королевское казначейство, укрыв это богатство от налогов. А теперь как вы смотрите на то, чтобы скромно отпраздновать наше маленькое соглашение?

Отец, хоть и немного удрученный, приказал шлюпке вернуться на корабль, чтобы забрать заложников и моряков, ждущих там развития событий. Тем временем негры вытащили мясо, вино, сыр, хлеб и фрукты в таком количестве, что мне показалось достаточным для королевского угощения. И правда, это было угощением короля, короля Бенкоса Бьохо, который когда-то правил в Африке целым народом, а теперь по странному капризу судьбы повелевал всё возрастающим числом подданных, беглыми рабами, скрывающимися в болотах Матуна в Новом Свете.

Думаю, что последующие месяцы потребовали от отца всей твердости и силы, в противном случае мы бы не прошли через многочисленные трудности и опасности и не выполнили бы своих намерений.

В глазах окружающих всё шло своим чередом, будто ничего не изменилось. Каждые полтора или два месяца мы отплывали, чтобы совершить привычный маршрут из Санта-Марты на Тринидад и обратно. Когда мы возвращались домой, где проводили пару недель, отец заставлял меня заниматься, и в результате я быстро выучилась довольно бегло читать и писать, и лишь тогда он показал мне книги, которые держал в секрете — те самые, что были запрещены списком Кирогги от 1584 года и будили во мне дурные воспоминания.

Он сказал, что их печатали на испанском в лютеранских странах, и привозили их чужеземные контрабандисты, заключившие контракт вроде того, на который согласился он, получая хорошую цену, потому что в Новом Свете те идеи, что находились под запретом в Испании и процветали в Европе отступников, вызывали живейший интерес, в особенности антиклерикальные, а также открытое обсуждение народной нищеты, как в книге «Ласарильо из Тормеса». Отец покупал их не таясь на маленьких рынках во время остановок, где прежние владельцы продавали прочитанные книги, боязливо стремясь от них избавиться.

По приказу отца в мои занятия с Лукасом Урбиной включили также начала латыни, поскольку все научные трактаты писались именно на ней, и если бы я ей не овладела, то упустила бы половину мировых знаний. Не знаю, чего он от меня ожидал, я ведь всего лишь обычная женщина, которую учеба заставляет понервничать, не потому что не нравится, а как раз наоборот. Когда начались затруднения с арифметикой, меня стала учить ей сеньора Мария, она сама вела все счета своего предприятия.

Вскоре я привыкла называть ее матушкой, как и все остальные девушки заведения, живущие в доме, хотя это слово для меня всегда значило не больше, чем просто обязанность, потому что в глубине души я хранила образ родной матери, о которой так грустно было вспоминать. Упражнения со шпагой и кинжалом, должно быть, являлись попыткой выработать у меня дисциплину, и я весьма ловко овладела этим искусством, как и верховой ездой и мореплаванием — отец, уж не знаю по какой причине, велел Гуакоа научить меня основным принципам навигации, и я проводила ночи напролет на пляже с молчаливым штурманом, учась управляться с астролябией, компасом, квадрантом, песочными часами и лотом.

Морских лоций у него не было, как и ни у кого другого помимо штурманов флагманских кораблей королевского флота, более того, карты считались столь ценным имуществом, что пираты во время нападений охотились за ними, как за сокровищами. Однако Гуакоа считал карты и портуланы ^[23] бесполезными, как, впрочем, и остальные инструменты своего ремесла, используя их не для мореплавания, а во время лекций о небесных светилах, чтобы запечатлеть в моей памяти названия и расположение всех созвездий (Скорпиона, Рака, Рыб, Лебедя, Льва, Пегаса...), как и самых ярких звезд на небосклоне (Антареса, Прокциона, Плеяд Денеба, Регула...), тех самых, что индейцы, хотя и под другими именами, используют с начала времен, чтобы пересекать воды Карибского моря. Как сказал Гуакоа, с ними я никогда не заблужусь и смогу вернуться домой, когда только пожелаю.

Только Гуакоа не знал, что у меня нет родного дома, куда я могу вернуться, здесь я лишь временно и однажды покину этот дом. Но мне очень нравилось запоминать названия звезд, нарисованных на песке во время этих прекрасных южных ночей.

Однако я так и не поняла, зачем мне столько всего учить. Я не собиралась всю жизнь оставаться Мартином Неваресом, а Каталине эти знания были бы ни к чему. Нет образа более смехотворного, говорила я себе, потирая после занятий усталые глаза, чем мой собственный в женской одежде и с секстантом или астролябией в руках. Но жаловаться отцу мне было неудобно, ему и так хватало проблем (а с тех пор как мы повстречались с королем Бенкосом в бухте Таганга, он был более энергичен, чем когда либо), так что я молча училась, считая всё это бесполезным занятием и потерянным временем.

Вот так обстояли дела, когда однажды во время сезона дождей мы вышли из Санта-Марты с полными трюмами бананов, кешью, имбиря, папайи, тростникового вина, кожи и табака, и отец собрал всех на палубе и провозгласил с кормы:

— Не пристало больше заставлять Бенкоса ждать, иначе он найдет другого купца для исполнения своего заказа. В последние месяцы я слушал и вникал, как вести незаконные дела в этих водах.

Мои товарищи по команде кивнули. И действительно, в последнее время мы зачастили в портовые таверны, где отец вел долгие беседы с владельцами, пока мы пили. Я, к счастью, научилась растягивать содержимое своего стакана, чтобы не пить много вина, рома или чичи, которых не выносил мой организм, и никогда не выпивала больше квартиль [\[24\]](#), зная, когда следует остановиться, чтобы не шумело в голове и не выворачивало внутренности. Что доставило мне еще больше неприятностей и трудностей, так это курение, но я приучилась втягивать ртом дым, чтобы не огорчать товарищей, а со временем мне даже стал нравиться табак, который к тому же, как утверждали индейцы, имел целебные свойства.

— Что ж, прекрасно, — продолжал отец, — после долгих раздумий я решил, что мы найдем пиратов и корсаров, прибывших на Твердую Землю из мятежных провинций Фландрии. Как я знаю, предыдущий король, Филипп II, покарал их за неповиновение и завершил долгую войну, закрыв португальские порты, после того как овладел Португалией в 1581 году [\[25\]](#). Это решение серьезно сказалось на фламандцах, поскольку они добывали соль в Сетубале для засолки рыбы, а это, как вы знаете, их основное занятие и главный источник доходов, ведь они продают всем остальным народам мира селедку, колбасу, сало и сыры, коими кормятся команды кораблей. Это наказание не испугало фламандцев, они взялись за дело и вскоре нашли новые источники соли взамен Сетубалью. На кораблях под названием флейты [\[26\]](#) они достигли африканских островов Кабо-Верде и стали привозить соль оттуда, пока два года назад король не наложил новый запрет, так что они обратили взоры к нашим землям. Первый соляной флот фламандцев прибыл несколько месяцев назад и нашел необходимый источник соли в том месте нашего побережья, который мы всегда игнорировали и презирали, считая бесплодным и пустынным, но им, как оказалось, он как раз пригодился. Я говорю о полуострове Арайя, всего в трех лигах к северу от Куманы.

— Арайя? — удивился Матео. — Но там же ничего нет. Это выжженная солнцем земля, на которой нет места жизни. Там нет воды, нет деревьев, растений, даже жалкой тени, чтобы укрыться, и то не найдешь.

— Но там есть соль. И много, как говорят те, кто видел фламандские гукоры [\[27\]](#), нагруженные солью по самые реи. Это подтверждает слухи, что соляные копи там — самые

обширные в мире.

— Что за гукоры, капитан? — спросил Хаюэйбо.

— Огромные торговые суда, — объяснил отец. Они широкие и пузатые, с высокими бортами, те, кто их видел, говорят, что у них всего две мачты. Начиная с сегодняшнего дня внимательно следите, не появятся ли похожие корабли, потому что, как я сказал, мы собираемся вести дела с фламандцами, более того, не сомневаюсь, что такие вместительные корабли не могут идти из Фладрии пустыми. Наверняка они везут груз контрабанды, который продают на Маргарите, Кумане и Кубагуа. Но есть и другая важная причина, чтобы иметь дело именно с фламандцами. Что еще помимо соли они производят и продают в больших количествах?

Все молчали, потому что это был риторический вопрос.

— Оружие, — заключил отец. Фламандцы делают самое качественное оружие. Уверен, что на своих гукорах они привозят много оружия на продажу.

Мы поплыли курсом на полуостров Арайя и прибыли туда почти через две недели по вине встречных ветров и течений. Остановивались мы только чтобы запастись водой и дровами на одном пустынном пляже, и капитан велел мне постоянно оставаться в рубке с Гуакоа, если я не несла вахту или не учила, опять же по его приказу, фламандский язык, который знал Лукас Урбина, хотя и не слишком хорошо, по его же признанию:

— Достаточно, чтобы понимать врагов, когда я служил солдатом.

— Но сможем ли мы договориться с пиратами?

— Когда на кону всё имущество, Мартин, то обо всем можно договориться.

Однажды я спросила отца, какова разница между контрабандистом, пиратом и корсаром. Он улыбнулся.

— Пираты нападают и грабят, — объяснил он. Корсары тоже нападают и грабят, но говорят, что у них есть на то письменное разрешение своего сюзерена. Контрабандисты ведут незаконную торговлю, но при случае тоже грабят и тогда превращаются в пиратов или корсаров, если получают королевское позволение. Пират, прежде чем грабить, когда-то торговал. Как и корсар. А контрабандист раньше, может, и грабил, чтобы потом мог торговать. Я понятно объяснил?

— Что ж, отец... там видно будет, — пробормотала я.

— Именно, — радостно отозвался он, отвесив мне легкий подзатыльник. Похоже, он полностью позабыл о существовании Каталины Солис. — Взять фламандцев, которых мы ищем. Они прибыли сюда, чтобы забрать соль. Они крадут? Разумеется, потому что эта соль им не принадлежит, они берут ее, не имея никаких прав и не выплачивая налоги. Если они крадут ее, не имея от короля корсарского патента, а у нас с ними один король, и он запрещает трогать соль, то значит, они пираты. Если бы у них был патент, то они стали бы корсарами, а их так и называют, потому что многие их мятежные дворяне выдают такие патенты. Если они ведут незаконную торговлю, а так оно и есть, то они контрабандисты. Ну так кто же на самом деле эти фламандцы, ворующие соль с Арайи?

— Пираты? — предположила я.

— Возможно, сынок, возможно...

За время путешествия мы не заметили ни одного гукора, но как обычно встретили на пути несколько торговых судов вроде нашего в районе бухты Маракайбо и небольшой посыльный корабль, быстрый как ветер, который меньше чем за три недели пересек море, чтобы привезти из Испании королевские письма и указы из Совета по делам Индий, а также

почту для губернаторов и других высокопоставленных лиц Твердой Земли, Никарагуа и Перу. С корабля нам прокричали, что за ними следует еще забра [28], посланная севильской Палатой по делам колоний, с письмами для самых крупных торговцев Твердой Земли и Новой Испании. Это были такие важные письма, что послали эти быстроходные корабли, а бумаги не только были написаны шифром, но их следовало выбросить в море, если корабли атакуют и захватят пираты или враги.

Письма же обычных граждан перевозились на кораблях ежегодного флота, так что многие колонисты ничего не знали о своих семьях в Испании (а те — о них) уже больше года. Окликнувшие нас моряки также видели корабли английских пиратов у Подветренных островов, но обладали большей скоростью и смогли без проблем улизнуть от больших и тяжелых британских кораблей.

Прежде чем они скрылись вдаль, отец спросил, не привезли ли они известия о выходе галеонов, но те ответили, что ничего об этом не знают, они не слышали об отправке флота к Твердой Земле и не видели кораблей в севильском порту.

— Очень скоро, — с грустью сказал отец, — начнет ощущаться недостаток необходимых товаров. Положение усложнится.

— Да, я уже видел, — произнес фехтовальщик Матео, — как народ носит одежду из одеял и шторм.

— Точно, и я тоже, — подтвердил Хаюэйбо.

— Так значит, скоро снова увидишь, — откликнулся отец, направившись на корму, в свою каюту.

На всем изнурительном пути к Арайе нас сопровождал дождь, заставив откачивать воду не только по утрам, но и весь день кряду, больше того, у Борбураты нас настиг страшный шторм, так что пришлось крепко-накрепко привязать груз к бортам и позволить кораблю плыть навстречу волнам с убранными парусами, доверившись верной руке Гуакоа у румпеля, противостоящего воле волн. Хуанито и Николасито страшно страдали от морской болезни, и отец отправил их в трюм, присмотреть за товаром, поскольку, по его словам, такое постоянно происходит то с одним, то с другим, и в конечном счете мы все почувствуем себя плохо.

Мы вышли из шторма неподалеку от Арайи и, устранив повреждения корабля, сразу же поставили паруса и направились в сторону соляных копей в надежде натолкнуться на фламандский гукор и по-быстрому решить нашу проблему. Но, как мы позже выяснили, гукоры пересекали моря в составе флотилий из шести или восьми кораблей, держась вместе весь путь туда и обратно, и потому невозможно было наткнуться лишь на один из них. Напротив, стоило нам вскоре после полудня приблизиться к порту Арайя, мы увидели полную флотилию пузатых судов, выстроившихся в оборонительную позицию, с выкаченными и готовыми к выстрелу пушками.

Громовой раскат пушечного выстрела предупредил, чтобы мы не двигались дальше. Это был предупредительный выстрел, каменное ядро погрузилось в море, подняв гигантский столб воды, примерно в шестидесяти варах от нашего носа, со стороны правого борта.

— Останемся здесь, — сказал отец, оглядывая фламандский флот, — а не то потопят.

— Возможно, стоит с ними поговорить, капитан, — предложил Лукас.

— Вот и займись этим. Сообщи, что мы хотим торговать.

Лукас залез на бушприт, что располагается на носу, и, обхватив его ногами, словно мартышка, приставил ладони ко рту и прокричал свою галиматью. Фламандцы что-то

крикнули в ответ. Потом Лукас спустился с бушприта и вернулся к отцу.

— Сеньор Эстебан, они просят прислать парламентаря.

— Так и сделаем, — ответил отец с серьезным выражением лица.

Всё это ему не нравилось, и лишь грядущее разорение заставило его прибегнуть к подобным сделкам, а хуже всего, что с того мгновения, как он заключал договор с фламандцами, сам он становился в глазах закона контрабандистом, что для такого гордого и благородного идальго было тяжким грузом, не говоря уже о том, что отцу пришлось заключить соглашение с беглецами, разыскиваемыми законом. Столько неприятностей, да еще в таком преклонном возрасте, я даже начала опасаться за его жизнь и здоровье, потому что видела, как день ото дня он ослабевает и иссыхает.

Мы спустили на воду шлюпку, и отец, Лукас, Хаюэйбо и Антон отправились к главному судну флотилии. Они довольно долго не возвращались. Дождь усилился, и все оставшиеся на «Чаконе» играли в карты, хотя в тот вечер даже Родриго казался «невинной овечкой» — так, по его словам, называли в картежных притонах новеньких и наивных игроков. Когда Николасито, следивший за фламандцами, прокричал, что шлюпка возвращается, все побросали карты, тут же вскочили и выглянули за борт, не успели еще карты упасть на палубу, до того всех снедало беспокойство.

Отец первым поднялся на борт. Однако, не проронив ни слова, он с задумчивым видом проследовал в свою каюту. Хаюэйбо и Антон остались, чтобы поднять шлюпку, а мой учитель Лукас уселся на мокрой после дождя палубе, чтобы поведать нам о том, что произошло.

— Сдается мне, что с этими фламандцами трудновато вести дела, — начал рассказ мурсиец, поглаживая бородку. — Говорят, что взамен оружия им нужен лишь табак, а больше никакие товары их не интересуют, и хотят они его много.

— Не знаю, сможем ли мы столько найти, — встревоженно заявил Родриго.

— В шлюпке я всё твердил капитану, — продолжал рассказ Лукас, — что на те припасы, что мы храним в трюмах, мы сможем купить табак на рынках Картахены, Кабо-дела-Велы, Куманы и Маргариты, где расположены основные плантации Твердой Земли. Сколько сможем раздобыть табака, много или мало, столько и привезем этим фламандцам. Они дадут нам оружие, а мы вручим его беглым рабам, которые, в свою очередь, заплатят нам серебром Потоси. С этими деньгами мы, по возможности, на сей раз отправимся к плантаторам, выращивающими табак в упомянутых местах, и поскольку по всей Твердой Земле не хватает денег, а мы привезем достаточно серебра, то сможем заключить соглашение о приличных количествах и по хорошей цене, и если повезет, получим товар за меньшие деньги. Загрузим корабль табаком, вернемся сюда и начнем всё сначала. С каждой поездки будем выручать немного больше.

— Но вы выпросили хоть немного оружия? — поинтересовалась я.

— Нет, эти мерзавцы отказались от всех предложений, — ответил мой учитель, — но сказали, что чем больше табака, тем больше оружия. На этом пузатом двухмачтовом судне есть один человек из Мидделбурга по имени Мушерон ^[29], он и командует на этой земле. Похоже, он больше всех склонен торговать. Другие капитаны гукоров говорят, что на соли уже зарабатывают достаточно, так что ежели нам нужно оружие, придется купить им достаточно табачного листа — товара, что на антверпенских рынках продается на вес золота. Они злы на короля Испании, утверждая, что тот по совету губернатора близлежащей Куманы, дона Диего Суареса де Амайи, подумывает о том, чтобы отравить соляные копи,

дабы они не могли добывать соль.

— А почему вместо того, чтобы портить соляные копи, — удивленно спросила я, — не добывать соль самим, чтобы Испания могла продавать ее другим странам? От этого все только выиграют, поскольку корона получит свой доход от налогов, а добытчики соли заработают свои мараведи.

— Ты многого не знаешь о жизни, Мартин, — лукаво произнес Родриго. — Тебе следует знать, что король хочет всеми средствами повергнуть этих мятежных фламандцев, чтобы сохранить единство империи, так что помимо войны, которую ведет армия, он закрыл для них рынки и запретил торговать с Испанией. Лишь в нынешней войне потратили уже больше трех с половиной миллионов дукатов ^[30], эти деньги поступают от доходов казны, и потому королю вечно не хватает средств на подданных, у него нет денег и приходится занимать у европейских банкиров. Более того, Испании не хватает мужчин для армии и флота, не хватает никаких отцов, братьев и сыновей, ни детей, ни родителей, чтобы их насытить. Мы потеряем Фландрию, Мартин, в этом можешь быть уверен, но тем временем Испания снова и снова будет ее разрушать, как уже и происходит, и возможности для выгодной торговли, как здесь, в соляных коях Арайи, оказались в руках людей более сообразительных, чем мы. Предложи губернатору Суаресу де Амайе, чтобы отправил своих людей работать на соляных коях, и он ответит, что не может, потому что должен добывать жемчуг и не располагает людьми для защиты от фламандских пиратов, ведь сам король требует от него как можно больше жемчуга для казны и не присылает ни солдат, ни кораблей, ни оружия в достатке. Так что, Мартин, мы потеряем Фландрию, потеряем соль Арайи, потеряем империю, а Испания навсегда останется банкротом.

— Хватит, Родриго! — голос моего отца прозвучал как гром от той грозы, которая только что снова разразилась над нашими головами. — Я тебе много раз твердил, что не желаю выслушивать эти причитания! За работу! Отходим курсом на Маргариту. На обратном пути зайдем в Куману.

Клянусь, что те годы бесконечной работы, контрабанды, ссор с фламандцами из-за оружия (им вечно было мало табака), страха перед законом, тайных встреч с Бенкосом, торговли с плантаторами, плаваний вдоль побережья Твердой Земли, что в хорошую погоду, что в плохую, постоянной боязни наткнуться на английских пиратов с грузом табака для Мушерона из Мидделбурга, который играл роль посредника между нами и капитанами гукуров, или же встретиться с властями или другими знакомыми торговцами, будь то друзья или враги, включая и королевских таможенников, клянусь, что те годы для всех были крайне сложными, но несмотря на это я должна тайно признаться, что они также были для меня самыми радостными и полными приключений, и по сравнению с годами, проведенными в Толедо, я чувствовала себя счастливейшей из женщин, наслаждаясь свободой и равноправием и возможностью жить такой же полной опасностью жизнью, как и все вышеназванные персоны. Мои чувства, вероятно, были похожи на то, что ощущали беглецы короля Бенкоса, когда стремились из рабства к свободе болот и гор.

Однако для моего отца дела обстояли по-другому. Он немало заработал, без сомнений, но состояние его духа, прежде радостное, стало горьким, нрав ожесточился, а вести он себя стал, как усталый старик. Матушка (сеньора Мария) так за него переживала, что окружила его излишней, почти материнской заботой, накликав его гнев, на который он стал теперь скор, и вызывая многочисленные ссоры, от которых я сбегала через кухонную дверь вместе с Мико, маленькой старой обезьянкой, которую тоже пугали крики хозяев.

Каждые четыре месяца мы посещали Мельхора де Осуну, чтобы заплатить ему положенную треть суммы, и я обещала себе, что однажды спасу отца от этого пройдохи, хотя, поскольку теперь у нас водились деньги, нам не сложно было выплачивать требуемые двадцать пять дублонов. Не то чтобы мы купались в роскоши или стали такими же крупными торговцами, как братья Курво, кузены Мельхора, с чьей славой я познакомилась на рынках и в городах Твердой Земли, но все же жили мы хорошо, если не считать того, что мы постоянно опасались, что нас раскроют. Ради этого контракта мы забросили всю остальную торговлю и покупали только табак, так что скоро разнеслась молва, что сеньор Эстебан стал контрабандистом. У нас оставалось совсем немного времени, и единственное что имело значение — это отсрочить то мгновение, когда власти и альгвасилы найдут достаточные доказательства против нас или готовых говорить свидетелей.

На Санта-Марте, что вполне естественно, все соседи (за исключением губернатора) знали о перемене в интересах отца, хотя настолько его уважали, что никогда не болтали об этом. Поскольку меня считали его сыном и в основном любили, многие горожане подходили ко мне, чтобы сообщить завуалированными фразами, что им нет дела до того, чем занимается мой отец, так что они ничего не знают и не скажут. Чтобы не закрывать лавку, матушка посадила туда одну из своих девушек и тайком покупала товар у торговцев, посещающих бордель.

В конце сухого сезона 1601 года мы едва ускользнули от английского корсара Уильяма Паркера, который появился у берегов Маргариты как раз когда мы отплывали с грузом табака. На выходе из бухты мы столкнулись с кораблем «Пруденс» водоизмещением в сотню тонн, а за ним следовал семидесятитонный «Перл», но, к счастью, они нас проигнорировали. Отец приказал поднять все паруса и искать попутный ветер, чтобы как можно скорее оттуда уйти и дать знать о присутствии в наших водах корсара всем кораблям, с которыми мы встретимся по пути, и во всех городах, куда зайдем.

Так мы и поступили, однако это ничем не помогло, поскольку, как мы позже узнали, следуя тем же курсом, что и мы, после нападения и разграбления Маргариты и Кубагуа Паркер высадился в Кумане, сразился с маленьким отрядом солдат и перерезал их, после чего забрал приличное количество жемчуга. После Куманы он направился на Кабо-де-ла-Велу, где взял на бордаж португальское судно с грузом из трехсот семидесяти черных рабов, и пока мы стояли на якоре в Санта-Марте (которую он, по счастью, миновал), взял Картахену, где, несмотря на многочисленных солдат и оборонительные сооружения, почти не встретил сопротивления, и уплыл оттуда со значительной добычей. Из Картахены он двинулся к Портобело, завладел королевской казной, взял более десяти миллионов дукатов, и, как я впоследствии выяснила, вернулся обратно в Англию.

Но Паркер был не единственным, кто угрожал нашим берегам в тот год. В середине сезона дождей другой британец атаковал Кюрасао, Арубю и Портете. Мы так и не узнали его имени. Вскоре после этого корсар Саймон Бурмэн опустошил все поселения между Куманой и Риоачей. Хорошо еще, что этого схватили. И в довершение всего, как будто нам было недостаточно грабежей со стороны англичан, фламандцы тоже начали заниматься таким прибыльным промыслом, как похищения и грабежи. Когда отец при помощи Лукаса упомянул об этом Мушерону, который в тот день пригласил нас посетить соляные копи, тот сказал, усердно почесывая голову, что это деяния голландцев из других провинций, и пусть берут то, что им по вкусу, потому что раз его величество закрыл рынки империи, они вольны делать всё, что душе угодно.

Этот Мушерон мне совсем не нравился, хотя должна справедливо признать, что он был хорошим управляющим и организатором работ на копиях. Положив мне руку на плечо, словно был моим отцом или добрым другом, он провел нас, освещая дорогу факелом, по огромным доскам, служившим мостками над гигантскими соляными копиями, составляющими полторы лиги в поперечнике. Стояла ночь, поскольку днем невозможно было там ни работать, ни вообще находиться из-за всепоглощающей жары, которая, по его словам, могла убить.

Но что под солнцем, что под луной, соль была такой едкой, что разъедала толстые кожаные подметки башмаков и оставляла язвы на ногах рабочих, так что им приходилось использовать деревянные сабо, да и те служили недолго. Мушерон показал, как работают фламандцы: некоторые кирками и ломami долбили камень, а другие поднимали готовые блоки с помощью больших железных рычагов и грузили их на баржи, которые тянули к мосткам пятеро или шестеро сильных мужчин. Оттуда в маленьких двухколесных тележках, запряженных лошадьми, соляные блоки отвозили к берегу, на расстояние примерно в семьсот шагов, чтобы погрузить в шлюпках на гукоры, в чьих трюмах соль покоилась до прибытия во Фландрию и продавалась там по хорошей цене.

— Не могу не думать о том, — с негодованием пробормотал Родриго, — что эта соль наша, и у нас ее попросту крадут.

— Забудь об этом покуда, — отозвался отец, тоже вполголоса. — Король пришлет войска, и всё решится. А нам просто нужно оружие.

И мы его получили, и очень хорошее. Превосходное, по правде говоря. С этим оружием король Бенкос защищал свои всё увеличивающиеся в числе поселения, раскинувшиеся от Картахены до Риоачи. Какие-нибудь из них постоянно подвергались нападению, о чем предупреждали его сторонники, и Бенкос просил нас продолжать поставки. Мы отправляли ему прекрасные аркебузы с колесцовым замком, мушкеты с колесцовым замком и с пружинным фитильным замком, именно их он больше всего жаждал, а также в больших количествах порох, свинцовые пули и фитили.

Ближайшее к Санта-Марте поселение основал его сын на правом берегу реки Магдалены, и Бенкос подолгу там задерживался, во время этих его постоев отец, поскольку мы жили всего в нескольких часах езды верхом, наносил ему длительные визиты. Теперь он разделял с королем Бенкосом нечто важное — оба скрывались от правосудия, а их жизнь была отмечена страхом попасть на королевские галеры, это еще в лучшем случае, а в худшем — на эшафот.

Иногда я его сопровождала, получая удовольствие от танцев и странных африканских церемоний, которые устраивали беглые рабы, счастливые тем, что могут вести себя согласно древним традициям, вдали от плохого обращения, наказаний и обязательств чуждой им религии. Матушка тоже время от времени ездила с нами и вскоре подружилась с женой Бенкоса (одной из жен Бенкоса, главной, поскольку имелись и другие), так что, когда в сухой сезон 1602 года тогдашний губернатор Картахены дон Херонимо де Суасо Касасола собрал многочисленное войско, чтобы атаковать поселения в Матуне, король Бенкос, предупрежденный об этом, оставил детей и женщин селения в Санта-Марте, на попечении матушки, и встретился с людьми губернатора в суровом сражении, которое длилось несколько дней.

Если бы не превосходное оружие, которое мы ему продали, он потерпел бы поражение, однако благодаря этому оружию ни единый беглый раб не попал в руки солдат, и после победы, увидев разрушенные хижины и погубленные поля, Бенкос решил сменить место,

найти более отдаленное и труднодоступное, подалее от Картахены. Именно тогда он основал большое поселение в горах Марии, что на юго-востоке, которое так никогда и не покорили.

В тот год случилось и еще одно важное событие. Однажды, когда я занималась учебой, наслаждаясь пребыванием дома после плавания на «Чаконе», отец вошел в мои покои с бумагой в руке. Он улыбался — весьма редкая вещь в те времена, к нему вернулась прежняя живость и решительность, как в прежние времена.

— Что произошло, отец? — спросила я, тоже улыбнувшись.

— Хочешь послушать, о чем говорится в этом письме?

— Если ваша милость того желает, разумеется, — ответила я, усаживаясь поудобнее и отложив книгу на свой стол-шлюпку. Преимущество штанов заключается в том, что можно без проблем положить ноги на кровать, во всех этих юбках это сделать затруднительно.

Он сел на другой стул и надел очки.

— Писано тридцатого мая 1602 года, — начал он читать своим громоподобным голосом. — Эстебан Неварес, идальго, житель города Санта-Марта, расположенного в провинции Твердая Земля, испросил у его величества разрешения признать законным своего сына, которого прижил с индианкой из племени араваков в Пуэрто-Рико, незамужней, как и он сам, и подданной его величества, чтобы тот смог унаследовать всё его имущество и земли, поскольку других законных наследников он не имеет. Эстебан Неварес признает тем самым своего сына, и тот имеет право наследовать и получить все прочие титулы и свободы, как если бы был рожден в законном браке. Просьба рассмотрена его величеством, и его величество приказывает ее удовлетворить.

Он поднял глаза от бумаги, проглядел ее поверх очков и добавил:

— Документ подписан и заверен мной и писарем Балтасаром де ла Вегой и направлен его величеству Филиппу III. Мне отдали лишь копию, поскольку оригинал две недели назад отправили на корабле в Севилью.

— Благодарю, отец... — пробормотала я. У меня стоял такой комок в горле, что я не могла вздохнуть. — Как я погляжу, вы просто сумасшедший.

— Тебе от этого будет не легче, — довольно ответил он. — Я просто ставлю тебя в известность о том, что тебя касается.

— И что со мной станет? — улыбнулась я со слезами на глазах. — Вы хотите усыновить Мартина Невареса шестнадцати лет, который на самом деле не кто иной, как Каталина Солис, замужняя женщина двадцати лет. Потому я и говорю, что ваша милость просто сошли с ума и совершаете одни безумства.

— Какое королю Филиппу дело до того, что Мартин — это Каталина или Каталина — это Мартин? Если со мной приключится беда, — серьезно заявил он, — я хочу, чтобы ты, как мой сын, звать тебя Мартин или Каталина, позаботился о Марии, как о собственной матери, а также о моряках с «Чаконь» и девушках из борделя, и чтобы доделал все незавершенные дела. Хочу, чтобы вы все держались вместе, чтобы процветали и были счастливы, а всего этого, если у тебя не будет документов о законном наследовании, ты не достигнешь. Ты же знаешь, что когда я умру, Мельхор де Осуна заберет дом, лавку и корабль. Ты должен будешь позаботиться о наших людях и двигаться дальше вместе с ними, кем бы ты ни был. Таков мой договор. Принимаешь его или нет? Прими его, мальчик мой, иначе я выкину тебя в окно.

— Принимаю, отец, принимаю, — улыбнулась я.

— Так тому и быть! — довольно воскликнул он, поднялся и с любовью потрепал меня по голове. — Твои новые документы придут через несколько месяцев. Дела по усыновлению из Нового Света обычно не встречаются при дворе. Все получают одобрение, так что тебе следует подготовить другой футляр для бумаг с твоей новой личностью, — он посмотрел на меня с еще более широкой улыбкой, чем когда вошел. — Кто знает? Может, однажды ты используешь обе личности, как тебе будет удобно. И если такое случится, мне бы хотелось до этого дожить, чтоб взглянуть хоть одним глазком.

Он расхохотался и вышел, оставив меня растроганной и в слезах. Бумаги прибыли в следующем, 1603 году, в тот год, когда умерла Елизавета, королева Англии, и это могло означать заключение мира с этой страной, что положит конец проклятым набегам пиратов и корсаров. Сей год обернулся особенно тяжелым для короля Бенкоса из-за участвовавших нападений на его поселения и травли злобными собаками, выдрессированными для охоты в горах и зарослях тростника на чернокожих, которых они раздирали на части.

Но тем не менее с каждым днем становилось всё больше беглых рабов, присоединяющихся к Бенкосу, и их хозяева начинали впадать в отчаяние. Чиновники в Картахене и Панаме много раз обсуждали, как разрешить эту проблему, и в результате решили засылать к беглым рабам агентов, которые получали свободу за то, что вели солдат тайными тропками к поселениям. Таких нелегко было найти, несмотря на призывы и уговоры по всей Твердой Земле, но всех, кто соглашался на роль Иуды, находили зарезанными на тех самых улицах, куда они мечтали вернуться, обретя свободу за счет чужих жизней.

В 1603 году мы тяжело трудились. Мы бесчисленное число раз совершали плавания на «Чаконе», поскольку фламандцы хотели всё больше табака за то же количество оружия. Мушерон, гордо раскуривая свою тонкую изогнутую трубку и притворно улыбаясь, предупредил, что однажды, если мы не привезем больше, он лично донесет о нашем контрабандном промысле испанским властям и позаботится о том, чтобы нас поймали, при этом безо всякого риска для себя, потому что его отношения с этими властями были просто превосходными благодаря заключенному с ними незаконному соглашению. Отец переменялся в лице и сглотнул с таким видом, будто принял яд, но промолчал.

Я знала, что в тот год флот под предводительством адмирала Херонимо Португальского привез очень мало товаров и плохого качества, и на ярмарке в Портобело почти нечего было купить. Колонисты, включая власти, не имели другого выхода, как прибегнуть к контрабанде.

С тех пор, если это был не сезон сбора урожая, мы стали пользоваться поездками в Картахену для выплат, чтобы купить там несколько арроб [\[31\]](#) табака низкого качества, испорченного во время сушки. Раз Мушерон хотел больше табака по той же цене, мы без зазрения совести примешивали в недавно собранный табак низкосортного. Также с той поры наше плавание пролегало между Пуэрто-Рико и Санто-Доминго, что на острове Эспаньола [\[32\]](#), в поисках больших табачных плантаций, раз уж мы не могли изменить законы природы и собирать три урожая в год вместо двух, как бы мы в этом ни нуждались. Так что с сентября по ноябрь и с апреля по июнь мы не отдыхали ни дня, пересекая Карибское море с востока на запад и с севера на юг.

После стольких плаваний к концу сухого сезона 1604 года «Чакона» продвигалась уже с трудом, слишком погружаясь в воду из-за водорослей и ракушек, выросших на корпусе. Потому через несколько дней после того, как мы забрали груз табака в Кабо-де-ла-Веле и

находились в нескольких часах хода от Борбураты, отец решил заняться кораблем в живописной мелководной бухте под названием порт Консепсьон.

Мы все обрадовались этой новости, поскольку в Борбурате, где добывали жемчуг, в ее лучшие времена находился полный жизни порт. Это была маленькая деревушка, окруженная стеной, хотя и бедная, чье гостеприимство привлекало многочисленные суда, нуждающиеся в ремонте. По этой причине по порту всегда слонялось так много моряков. Находящаяся неподалеку река Сан-Эстебан позволяла пополнить запасы воды, местные игорные дома не просто славились по всем Карибам, но и слыли превосходным местом, чтобы обменяться новостями с Твердой Земли и встретиться со старыми знакомыми. Там имелся и бордель, хотя не пользовался той же славой, что и заведение моей матушки.

В первый день пребывания в Борбурате мы надрывались, отскабливая корпус корабля, с тех пор как начался первый отлив. Мои товарищи, по примеру Гуакоа и Хаюэйбо, ничуть не стесняясь помочились на руки (индейцы утверждали, что моча отлично заживляет раны, царапины и ожоги), а мне пришлось по-тихому удалиться, чтобы приложить к пальцам тряпку и унять боль.

Наконец, на закате, наскоро поужинав на пляже, мы уже больше не могли продолжать и направились на площадь, где столько раз посещали рынок, прежде чем превратились в контрабандистов. Многие прохожие приветствовали отца, а многие, наоборот, старались, чтобы два альгвасила, гордо прогуливающиеся вверх-вниз по узким переулкам Борбураты, не увидели их в компании моего отца. Альгвасилы следили за пьяными моряками, уличными музыкантами, попрошайками, бродячими торговцами и задирами со шпагами, которые тут крутились.

Вскоре мы разделились, все нашли себе место по вкусу. Отец по привычке направился в самую оживленную таверну, а меня, следующую за ним по пятам, вдруг остановил окрик Родриго:

— Братец Мартин! — позвал он, прибавив еще что-то неразборчиво. — Братишка! Хочешь зайти в игорный притон?

Отец, услышав, посмотрел на меня и покачал головой.

— Отец, сделай милость! — попросила я, загоревшись идеей посещения настоящего игорного дома. — Даю слово, что не потеряю благоразумия. Я лишь хочу посмотреть, клянусь.

— Как можно потерять то, чего не имеешь, голубчик? — ответил он, смягчившись.

— Честно, отец, я правда лишь хочу взглянуть! — пылко взмолилась я и поклялась, что буду вести себя хорошо и осторожно, призвав в свидетели Родриго, который дал слово за мной присмотреть, так что с моей головы и волос не упадет. Мы оба так настаивали, что отец наконец сдался и дал мне разрешение.

— Но никаких игр, Родриго, — велел он, повернулся и пошел прочь.

— Он не прикоснется ни к одной карте, капитан. Клянусь.

— Правда? — огорченно прошептала я.

— Правда, Мартин, — подтвердил бывший игрок, потащив меня по оживленным улицам. — Тебе не повредит увидеть игорные дома и научиться тем штучкам, которыми там занимаются, чтобы избежать того зла, которое приносят карты, они стольким разрушили жизнь, но я беру тебя туда только лишь для этого, чтобы, став мужчиной и действуя по собственной воле, ты знал об опасностях игры.

Я не это хотела услышать, но если он решил прочитать мне нотацию для успокоения

совести, то пусть читает, лишь бы не жалел о том, что взял с собой. Я не возражала против того, чтобы выслушать его советы в качестве расплаты за посещение одного из известных игорных домов, которые также называют притонами или логовами льва. По дороге мы столкнулись со множеством зазывал, которые занимались ни чем иным, как заманивали игроков, чтобы опытные шулеры могли их обчистить.

Игорный дом, в который мы вошли, представлял собой большой барак и состоял из множества комнаток, которые все называли будками. В каждой из таких будок под свисающим с потолка канделябром имелся стол, покрытый толстой тканью, он занимал центральное место. За ним сидели игроки с картами в руках, далекие от всего, что их окружает, а вокруг них стояла толпа зевак, лишая воздуха. Я последовала за Родриго по узким и темным коридорам, по обеим сторонам которых располагались «будки», пока, наконец, мы не добрались до одной из них, где как раз начиналась партия. Насколько я поняла, в этот вечер за всеми столами играли в примере [\[33\]](#), а я знала, что Родриго в этой игре нет равных, и потому развеселилась.

Родриго уселся на незанятый стул и положил на стол деньги. Там играли короткие партии и на деньги, а потому никто не шутил и не подначивал других игроков, как это было на «Чаконе». Все сидели с серьезными лицами, а быстро начавшие собираться зрители группировались по кучкам, как вражеские армии. Тут же появился и хозяин игорного дома — мужчина суровой внешности в сопровождении не то помощников, не то слуг, и среди этих людей с дерзкими физиономиями я заметила ростовщика, который вручил деньги человеку, сидящему справа от Родриго.

Он не дал ему на подпись никакой бумаги — похоже, что тому всё равно не удалось бы выбраться отсюда, не выплатив долг или не расставшись с жизнью. Позже я узнала, что среди всех людей, работающих в игорном доме, есть один, называемый счетчиком, он помнит все счета проигравших и выигравших во всех партиях и все одолженные суммы, выданные и уплаченные хозяину.

Как я уже сказала, вошел хозяин и положил на стол новую колоду.

— Играем без шулерства, подтасовок и обмана, дорогие сеньоры, — заявил он, и некоторые зрители злоеще заулыбались, хотя и не отводили глаз от стола.

Родриго взял колоду и неуклюже ее перетасовал. Я поняла, что он хочет сойти за невинную овечку, хотя сомневалась, что он решит накапливать прибыль от партии к партии, скорее, он задумал получить все одной удачной партией, когда никто не будет к этому готов. Помимо того, кто рисковал на заемные деньги, за столом сидели еще двое игроков, один — и вправду невинная овечка, старый фермер из Сантьяго-Де-Леона [\[34\]](#), весьма воспитанный и вежливый, которого завлекли в игорный дом интриганы-торговцы, а второй был местным, из Борбураты, управляющий с какой-то гасиенды, недавно получивший жалованье, так что карманы его оттопыривались от монет.

Этот бедняга, молодой и сильный квартерон, однако не очень сообразительный, был вдрызг пьян и не придумал ничего лучшего, как попросить одного из зрителей принести ему еще рома, хотя стакан перед ним был полон. По традиции зрители обслуживали игроков, когда те просили, а по окончании партии игрок давал им чаевые, поскольку зеваки были слишком бедны и не имели никакого другого способа заработать на хлеб. Несмотря на это, обслуживающий управляющего человек вскоре устал выполнять его распоряжения и выносить презрение и насмешки, и, поскольку у Родриго и остальных уже имелись свои прислужники, покинул комнату в поисках другой партии и другого игрока, менее пьяного и

грубого. В общем, тем вечером моему товарищу предоставилась прекрасная возможность подзаработать денег.

Родриго сдал карты, и игра началась. Несмотря на видимое невежество, Родриго с изяществом искусно не давал смотреть в свои карты тем, кто стоял за его спиной, и когда через довольно долгое время на последней раздаче ход перешел к фермеру (как и деньги), я поняла, что он заманивает противников в игру. Играющий в кредит улыбнулся, словно знал, что происходит, а много потерявший пьяный управляющий закричал, что у него был флеш (самая удачная комбинация, при которой всегда выигрывают — четыре карты одной масти, следующие подряд), хотя на самом деле всего лишь примера (четыре карты, по одной каждой масти).

Вторая партия была гораздо более захватывающей, чем первая, и наша комната наполнилась любопытными. Я не знала и не могла понять, какие трюки использует Родриго, но была уверена, что использует, хотя до сих пор он еще ни разу не выиграл. Теперь, после часа игры, фермер из Сантьяго-де-Леона снова открыл карты с пятьюдесятью пятью очками. Игрок в кредит больше не мог продолжать и церемонно поднялся и простился с присутствующими, его место занял капитан каравеллы, которая стояла здесь уже неделю, нуждаясь в ремонте.

Но когда в третьей из длинных партий этого вечера мой товарищ наконец-то забрал со стола весь выигрыш, пьяный управляющий загрохотал, как бомбарда [\[35\]](#), изрыгая оскорбления и стукнув кулаком по столу, и стал угрожать убить всех присутствующих.

— Мошенники! — заорал он, словно сам дьявол. — Меня ограбили! Немедленно позовите альгвасила! За этим столом шулер, и я вырву у него сердце собственными руками! Никто не смеет надувать Иларио Диаса, управляющего на службе у Мельхора де Осуны, что в родстве с братьями Курво из Картахены! Призываю слуг закона! — продолжал он кричать. — Альгвасилы, стражники, здесь грабят верного хранителя склада, который лишь хотел честно сыграть на несколько мараведи!

Когда пьяница упомянул Мельхора де Осу, я впилась взглядом в Родриго.

Тут же появился хозяин игорного дома со своей свитой. Кто-то схватил квартерона, который теперь направил кулак в сторону старика-фермера из Сантьяго-де-Леона.

— Вы... мерзавец, мошенник! Шулер, лишивший меня денег! Верните их сейчас же, сукин сын!

— Заткни пасть! — огрызнулся хозяин, посторонившись, чтобы его люди могли вытащить Иларио Диаса из помещения. — Ты мне всех клиентов распугаешь!

— Альгвасилы, стражники!

Через мгновение удар в челюсть закрыл ему рот, игрок затих и мешком повис между двумя помощниками хозяина.

Родриго, во время этой суматохи державшийся рядом со мной, прошептал:

— Помнишь, я рассказывал тебе о контракте, который десять лет назад подписал твой отец с Мельхором де Осуной?

Разумеется, я это помнила. Отец должен был поставить на склады Мельхора в трех городах Твердой Земли определенное количество полотна и ниток для шитья парусов. Без сомнения, Иларио Диас был главным хранителем склада на Барбурате, бригадиром поденщиков, работающих на Осу. Поскольку флот в 1594 году не привел этих товаров, отец не смог выполнить договор, и Мельхор потребовал конфискации всего принадлежащего отцу имущества, присвоив его себе.

— Лучшие трюки шулера, — вполголоса сказал Родриго, — это те, которые позволяют узнать карты противника, а из них самый главный — тот, когда сообщник держит зеркало за спиной соперника. Не превратить ли нам этого пьянчугу в зеркало, чтобы увидеть то, что скрывает Мельхор де Осуна? — спросил Родриго.

— Лучше и не придумаешь, — ответила я, схватив свою красную шляпу.

Родриго быстро забрал деньги, засунул их в карман и распрощался с присутствующими, бросив несколько мараведи в воздух на радость зрителям и служащим.

Мы быстро вышли из игорного дома и снова оказались на улице, в этот час опустевшей, увидев, как служители игорного дома выкинули наружу Иларио, который приземлился в лужу у кучи отбросов.

— Помоги мне! — велел Родриго.

Мы оба бросились к бригадиру и вытащили его из вонючей воды, куда он уже погрузился по самый нос и чуть не захлебнулся. Бедолага кварталон больше не ругался, а закашлялся и опустошил желудок, оказавшимся и без того пустым. Он застонал, словно под пыткой.

— В порт, Мартин. Ему нужно освежиться.

Если бы не наша помощь, бедняга кварталон к рассвету утонул бы на улицах Борбураты, так что, с какой стороны ни посмотри, у нас было право с ним прогуляться, как мы того и хотели. По пути мы стянули с него грязный коричневый плащ и черный камзол, оставив только в хубоне и плундрах, грязные чулки свалились почти до самых ступней. Море было теплым, Родриго окунул его несколько раз, пока не смылась грязь с лица и одежды. Вскоре его взгляд немного прояснился, и он начал приходить в себя.

— Что такое? — изумленно спросил он. Индейская кровь наградила его слегка раскосыми глазами и острым длинным носом, а испанская — белой мраморной кожей с многочисленными веснушками.

Мы усадили его на берегу, а сами сели рядом на песок, лицом к морю, так что скудные огни города падали на лицо бригадиру, а мы оставались в тени, освещенные лишь лунным светом. Тень «Чаконь» вырисовывалась в сотне шагах вглубь моря, среди прочих кораблей, стоявших там на якоре.

— А то, что нынче ночью мы спасли тебя от неминуемой смерти, — объяснила я.

— Вы что, женщина? — удивился он.

Мой голос, темнота и остатки рома приоткрыли истину.

— Следи за языком, паскуда! — поспешно взвилась я. Родриго промолчал. — Я мужчина, более того, мужчина, который может дать тебе такую оплеуху, что позабудешь собственное имя!

Он пробормотал какие-то извинения и потер глаза, словно пытаясь проснуться и увидеть реальность вместо фантазий.

— Поговорим о твоём хозяине, Мельхоре де Осуне, — сказал Родриго.

— О моём хозяине? Зачем?

— Потому что мы так хотим.

— А кто вы такие?

— Не твоего ума дело, важно лишь то, что мы говорим, — ответила я с достоинством, пытаясь восстановить свою мужскую честь бравадой и прочей чепухой.

— Ну, тогда я ухожу, — заявил он, поднимаясь на ноги.

— Куда это ты собрался? — буркнул Родриго, пнув его по коленям, так что тот

споткнулся и упал.

Бригадир перепугался.

— Позвольте мне уйти, сеньоры, не задерживайте меня, Бога ради! — взмолился он. —

Чего от меня хотят ваши милости?

— Мы уже сказали, придурок, — хохотнул Родриго. — Хотим поговорить о Мельхоре де Осуе. Рассказывай, что знаешь, то да сё, нам интересно всякое.

— Но, но... вы же меня убьете!

— Ну как же мы можем тебя убить, идиот ты эдакий, мы же твои хорошие друзья и желаем тебе только добра! Говори, и мы не причиним тебе вреда.

— Врете! Собака свою кость не выпустит!

Мой товарищ потерял терпение, и в ту ночь я получила ценный урок: если человек не хочет говорить, приставь ему нож к горлу, и он запоет, как канарейка. Иларио Диас пел охотно и сладко. Больше его уговаривать не пришлось, и помимо всякой путанной чепухи относительно своего происхождения — оказалось, что этот карибский квартал сам из семьи Осуны, брат Мельхора и состоит в родстве с Курво, и слезливых рассказов о несчастьях, оскорблениях и унижениях, которые причинил ему обожаемый хозяин на протяжении всей жизни, он поведал нам многочисленные сплетни и слухи о Мельхоре: что тот содержит несколько любовниц, что выбил глаз своей жене во время ссоры, что много играет в карты и однажды потерял десять миллионов мараведи разом, что у него семьдесят детей-метисов, что он хладнокровно убил двух человек...

— Расскажи о его делах, — потребовала я, устав от стольких подробностей. — Что за товары он держит на складе, который находится под твоим присмотром?

Квартал повернулся и покрылся испариной, он явно был взволнован.

— Какие товары я храню? — возмутился он с дрожью в голосе. — Обычные, как и у всех, на любом складе или в лавке.

Родриго ткнул кинжалом, и квартал завопил.

— Дружище Иларио, — произнес он с сарказмом, — погляди, как мне легко тебя прикончить, тем более, что, выйдя из притона, ты сам чуть не утонул в канаве. Если будешь кричать, я перережу тебе глотку.

— Нет надобности мне угрожать! — выкрикнул бригадир, откинув голову назад, подальше от острия. Ладно. Я расскажу всё, я уж понял, что вы хотите знать. Конечно, вы интересуетесь товарами, которые мой хозяин продает по хорошей цене, когда их не хватает из-за того, что флот их не привозит, так ведь?

— О чем это ты? — удивилась я.^[SEP] Мой спутник пожал плечами.

— Объяснись-ка, шельмец!

— Клянусь, сеньоры, я не знаю, как так выходит, что у моего хозяина всегда в достатке товаров, но дело в том, что когда он накапливает на своих складах крупные партии плугов, к примеру, или полотна из Сеговии, или воска, или посуды... всегда выходит так, что следующий флот не привозит этих товаров. Потому он и продает их так дорого, ведь их нет и в ближайшем времени не предвидится. Вас это заботит, сеньоры?

Что пытается рассказать этот мерзавец? Что Мельхор де Осуна заранее знал, каких товаров не будет хватать на Твердой Земле? Что он заранее знал, что привезет флот? Если это правда, хотя кажется настоящим безумием, то, несомненно, речь идет о мошенничестве гигантского масштаба, потому как эти сведения Мельхор мог получить только через своих покровителей и кузенов, братьев Курво. Но как, в свою очередь, их добывали братья Курво?

Более того, кто в Испании решал с целью извлечения собственной выгоды, какие товары отправить в Новый Свет, а затем каким-то образом сообщал об этом братьям Курво? У меня голова пошла кругом, как и у Родриго, который глядел блуждающим взглядом, словно вставший на дыбы конь.

— Ты уверен в том, что говоришь, мерзкий ты прохвост? — накинулась я на бригадира. — Смотри, если всё это враки, то твоя голова будет насажена на пику еще до восхода солнца!

— Я лишь говорю о том, что вижу на собственном складе, не более! Я знаю, что туда поступает, сколько времени хранится и когда продается, так что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два.

— И ты уверен, что тебе не известно, откуда твой хозяин заранее узнает, каких товаров будет не хватать? — спросил его побледневший Родриго, пытаясь выглядеть незаинтересованным.

— Да откуда ж мне знать? — возмутился бригадир, но это возмущение было явно фальшивым, он, несомненно, врал. — Думаете, я могу заставить такого знатного хозяина, как мой господин, рассказать мне столь важные вещи?

Охотники, превратившиеся в дичь — вот кем были мы с Родриго. Если бригадир начнет болтать, мы покойники. Это было не в его интересах, но если однажды по какой-то причине он всё же проболтается, Мельхор де Осуна и его влиятельные родственники отправят нас на дно морское с привязанным к ногам камнем.

— Возможно, — робко добавил квартерон, — конечно, в случае, если вы решите убрать кинжал от моей шеи, возможно, я рассказал бы вам еще кое-что, что вас заинтересует.

Мой товарищ, полумертвый от страха, кивком подал мне знак, что мы отклоняем предложение, и безжалостно нажал на кинжал, порезав шею бригадиру, так что тот застонал от ужаса.

— Хватит, братец! — воскликнула я. — Пусть говорит.

— Во имя...!

— Хватит, говорю же! Отпусти его, и пусть говорит.

Родриго опустил руку с кинжалом.

— Весьма признателен, сеньор, — промычал квартерон, погладив кадык.

— Говори! — приказала я. — Говори, а не то не выйдешь отсюда живым.

— Уверен, вы захотите узнать, — начал рассказ квартерон, — что мой хозяин, воспользовавшись своими знаниями о том, что привезет флот, годами надувал некоторых купцов Твердой Земли, подписывая с ними контракты на поставку товаров, которых как раз и не будет. И когда эти купцы не могли выполнить условия контракта, он по закону завладевал всем их имуществом, а поскольку все они уже были в годах, главную прибыль получал, заставляя их выплачивать ежегодную ренту за то, что сдавал внаем их же собственное имущество, так что эти люди всю недолгую оставшуюся им жизнь были связаны по рукам и ногам и боялись попасть на галеры. Эти деньги были значительным довеском к его прибылям. Могу указать троих из таких торговцев: Фернандо Веласко из Коче, ныне покойного, Эстебана Невареса из Санта-Мари и Фелипе Альмагро из Риоачи, также скончавшегося от старости. Знаю точно, что есть и другие, но мне неизвестны их имена.

Я не могла поверить в то, что рассказывает этот прохиндей. Мельхор де Осуна, действуя в одиночку, чтобы не впутывать своих прославленных кузенов, был бессердечным мошенником и вероломным вором, заслуживающим повешения на главной площади

Картахены. Мой отец стал не только жертвой обмана, который вынудил его сделаться вопреки своей совести контрабандистом, но и попал в ловушку могущественного семейства мерзавцев, бандитов и лжецов.

На Твердой Земле были и другие несчастные вроде него, по меньшей мере два или три торговца, из которых Осуна до самой смерти высасывал всю кровь, и, видимо, они принесли ему не меньшую прибыль. Я ощутила, как в груди вскипает ярость, хотелось закричать, наброситься на Осуну со шпагой, побежать за альгвасилами и вручить им этого подлеца Иларио Диаса, чтобы они выслушали его рассказ, как слушали мы, и чтобы Осуна, братья Курво и все прочие подобные им очутились в темнице, перед лицом закона, на эшафоте и в аду. Но мне было понятно, что только по свидетельству пьяного бригадира ни один судья не выступит против родственника братьев Курво, даже если этот пройдоха доживет до суда, что весьма маловероятно. Если Осуна и правда хладнокровно убил двух человек, то чего ему стоит убить еще одного, тем более своего служащего и квартерона?

Будучи женщиной, всю кипевшую во мне ярость я выплеснула в слезах, к счастью, сумерки их скрыли, так что ни Родриго, ни омерзительный бригадир ничего не заметили, и именно тогда я начала хладнокровно ковать план, идею необходимой, справедливой и жестокой мести.

— И что теперь будем делать? — спросил меня Родриго.

— Отпустим его.

— Благодарю вас, благодарю, сеньор!

— Что, вот так просто? Завтра же он обо всем донесет хозяину.

— Я не скажу ни слова! Что я могу сказать, сеньоры, ведь он тут же обвинит и меня!

— Он не проболтается, братец, — ответила я очень спокойно, вытерев слезы, как стирают пот. — Его жизнь зависит от этого.

— Я скорее проглочу собственный язык, чем скажу хоть слово! Клянусь, сеньоры!

— Мы полагаемся на милость этого пропойцы, братец. Подумай над этим.

— Он даже не знает наших имен, — напомнила я, в этом я была уверена, поскольку мы ни разу не назвали друг друга по имени в его присутствии. Проблема заключалась в том, помнил ли он, что играл с Родриго в карты. — Чем ты занимался нынче вечером, прежде чем оказался здесь с нами? — спросила я.

— Ну... не помню... — он задумался и, похоже, искренне. — Я поужинал дома, это я помню, и очутился в таверне, а потом пошел в игорный дом, по крайней мере, вышел из таверны с этим намерением, чтобы сыграть на полученное жалованье, а потом ничего не помню. Нужно сосчитать мараведи в карманах.

Нас он не помнил. Тем лучше для него.

— Братец, — сказала я Родриго, — надавай ему столь пинков и оплеух, сколько пожелаешь, избежь до полусмерти, чтобы никогда не забыл эту ночь и наш разговор. И чтобы почувствовал из твоих рук, что если проболтается, если хоть раз что-нибудь скажет, мы его найдем — мы или наши друзья, где бы он не скрывался, вытащим из убежища и заткнем рот навечно.

— Я ничего не скажу! — заныл трус. — Что я этим получу, кроме вреда и убытков? Хозяин меня живьем на куски порвет, если узнает, что я вам понарасказывал. Он же уверен, что я просто дурачок и простофиля. Отпустите меня!

Родриго посмотрел на меня немного удивленно, то ли оттого, что я дала ему такой приказ, то ли потому что сомневался, что я и правда имею это в виду, но мое молчание его

убедило. Устало махнув рукой, он поднялся, проворно отряхнул песок и задал бригадиру такую трепку, что под конец тот действительно выглядел мертвым, а одежда Родриго насквозь промокла от пота и чужой крови.

— Достаточно? — спросил меня он, облизав раны на костяшках пальцев.

— Он жив?

— Как по мне — жив, хотя уже совсем близко к воротам святого Петра.

— Ну и оставь его, пусть его найдут поутру.

— А если мы столкнемся с ним на улице, и он нас узнает?

— Мы отплывем из Барбураты, прежде чем он снова сможет ходить.

Я говорила так холодно, что Родриго посмотрел на меня с тревогой. Да я и сама была встревожена. Я не знала, что со мной происходит и сомневалась в своем рассудке, пока мы шли в сторону таверны, где остался отец и остальные. Вероятно, они уже беспокоились о нашей задержке.

— А ты подумал, Мартин, что Осуна получает сведения о флоте от своих кузенов Курво? — прошептал мне Родриго, пряча окровавленные руки за спину.

— Разумеется, — ответила я, замедлив шаг. До двери таверны оставалось меньше тридцати шагов.

— А откуда их получают Курво? Об этом ты подумал?

— Мне не пришло в голову ничего другого, кроме как что от третьего брата, того, что живет в Севилье и руководит семейным предприятием.

— Фернандо?

— Он самый, — кивнула я. — Фернандо Курво наверняка имеет связи в севильской Палате по делам колоний, а именно там, насколько я знаю, определяют, сколько кораблей войдет в состав флота и сколько и какие товары они повезут.

Родриго остановился прямо посреди улицы.

— Определяют, говоришь. Определяют в Палате по делам колоний, но кто на самом деле решает, так это Консульство в Севилье.

— Консульство? Что за консульство?

— Консульство по торговле с Индиями ^[36]. Все торговые сделки между Севильей и Новым светом должны быть записаны в его книги. Тем самым отстраняют от таких сделок иностранцев. В последние годы его власть так возросла, что именно консульство, а не Палата по делам колоний организует флот, и тот, что отправляется из Новой Испании в Веракрус, и галеоны, прибывающие в Картахену и Портобело, и с тех пор как король начал предлагать должности в Палате по делам колоний на продажу, богатые купцы завладели всем.

— И как это король допустил, чтобы такая важная торговля ускользнула из его рук?

— Бога ради, Мартин! А сам-то как думаешь? Ради денег, разумеется, как и всегда! Консульство в Севилье делает существенные подношения королю Филиппу, чтобы получить его благоволение, и потому он прощает разные огрехи в торговле, в особенности мошенничество с учетом, потому как ему одалживают значительные суммы, которые его величество и не думает возвращать. Не говоря уже о тех многочисленных случаях, когда король просто отбирает товары, привезенные флотом в Севилью. В общем, ради этого король и продал права Палаты по делам колоний за многие тысячи дукатов.

— Филипп II тоже так делал?

— Филипп III, его отец Карлос I, а теперь и Филипп III. Все эти проклятые Габсбурги

Им вечно не хватает денег на войну за какие-то далекие земли! Испания в долгах, как в шелках, и всё по их вине, как и по вине основных европейских банкиров: Фуггеров, Гримальди, Грилло...

— Ладно, — сказала я, — вернемся к нашему делу. Предположим, что Фернандо Курво имеет в Севилье доступ к решениям Консульства относительно флота.

— Не сомневайся.

— Согласен. Фернандо получает эти сведения, — кивнула я. — И из Севильи отправляет братьям письма в Картахену на тех посыльных кораблях, которые снаряжает Палата по делам колоний для торговцев Твердой Земли и Новой Испании, тех самых, что мы столько раз встречали в этих водах, а в письмах сообщает, каких товаров не будет. Курво собирают эти товары на складах.

— И не забудь, что у них есть и собственные торговые суда, — добавил Родриго.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, о каком серьезном мошенничестве идет речь, если выяснится, что Фернандо, принимающий решения, что отправить из Севильи с флотом, сам имеет в собственности торговые суда.

Я поразмыслила над этим несколько секунд.

— А мы можем узнать, не покупал ли он какой-нибудь груз в Палате по делам колоний или в Консульстве?

— И как мы это узнаем? — удивился Родриго. — Фернандо Курво — в Севилье, а мы — на Твердой Земле. Он — один из самых известных торговцев, а мы, если я правильно помню, бесславные контрабандисты.

— В Картахене кто-нибудь наверняка знает, — возразила я.

— Естественно. Его братья, Ариас и Диего Курво. Собираешься их спросить?

Раздраженное ворчание отца из-за двери таверны застало нас врасплох. Я увидела его, резко и рассерженно жестикулирующего и зовущего нас. Родриго тут же умолк, ожидая моего ответа с озорной ухмылкой.

— Может, и спрошу, братец, может, и спрошу, — ответила я. — И сделай милость, не рассказывай ничего моему отцу.

— Почему это? — удивился он. — Для него это важно!

— Доверься мне, Родриго. Я знаю, что делаю.

— Это же предательство!

Отец по-прежнему голосил во всю глотку, подзывая нас, несмотря на то, что мы остановились. Вскоре все жители Борбураты выбегут на улицу с оружием в руках, решив, что на город напали пираты.

— Нет, Родриго. Ты же знаешь, что отец никогда не решит проблему с Мельхором. Ты знаешь, что он вынужден будет платить ему до конца своих дней. Более того, ты наверняка знаешь, что некоторое время назад он попросил меня позаботиться о матери, о вас и девушках борделя после его смерти, потому что мы останемся без дома, лавки и корабля. Родриго засопел, и я поняла, что до него начинают доходить мои намерения. — Не выдавай меня. Позволь мне подумать обо всем, что нам рассказал нынче ночью этот подлец Иларио Диас, и найти способ выбраться из этой трясины, а ты тем временем сохрани тайну.

На загорелом лице бывшего игрока, любителя трюков за карточным столом, появилась улыбка.

— Ладно, — ответил он. Но я тоже с тобой. Ты должен рассказывать мне всё.

— Клянусь честью, так и будет, — сказала я, пустившись бежать в сторону отца.

Три месяца спустя мы вернулись на Санта-Марту, с шебекой, нагруженной оружием и порохом до самых бортов. Стоял август, сезон дождей был в самом разгаре, а это означало жесточайшие шторма, тайфуны и ураганы, бушующие в Карибском море. Отец не торопился отдать груз Бенкосу. Он сказал, что устал и хочет наконец-то обедать в собственном доме и спать в своей постели. Вопреки его желаниям, в скором времени подходил срок выплаты очередной трети ежегодного платежа. До наступления тридцатого дня месяца нам следовало явиться в Картахену, чтобы посетить Мельхора и вручить ему двадцать пять дублонов.

При нашем появлении матушка просияла. Она подготовила нам королевский прием, праздник длился целых два дня кряду. Она была так рада, что даже у отца поднялось настроение и он немного позабыл о своих заботах. Музыканты нашей команды присоединились к оркестру борделя и по вечерам играли на улицах Санта-Марты импровизированные концерты перед соседями, которые болтали у дверей своих домов, гуляли по берегу или направлялись к реке Мансанарес, чтобы окунуться. Чича, ром и самогон разогрели сердца, и девушки работали без устали, пока остальные танцевали, пировали или дремали во время сиесты — в те часы, когда нещадно жгло солнце. Неделей спустя после нашего приезда из джунглей явились пьяные соседи, которым было невдомек, что праздник уже закончился.

Вскоре после окончания пирушки, во вторник утром, матушка вызвала меня к себе в кабинет. Когда я вошла, отец мирно разговаривал с ней о доходах и расходах борделя. Для моего обучения арифметике матушка использовала вместо учебника свои учетные книги, и оба знали, что я в курсе всех дел борделя.

— Проходи, Мартин, — сказала матушка, покуривая толстую сигару. — Садись, сынок.

Я подтащила кресло и села рядом с отцом.

— Ну вот, вы оба здесь, — произнесла матушка, бросив на нас довольный взгляд. — Хочу вас порадовать, ибо в последние годы, когда вы занимались контрабандой, мы собрали достаточное количество денег, чтобы вытащить наше имущество из рук Мельхора де Осуны.

Отец задумчиво склонил голову. С тех пор как меня удочерили, точнее, усыновили, матушка обращалась со мной с любовью, почти как родная мать. Но всё же между нами всегда оставалась стена, которую ни одна из нас не хотела ломать.

— Зачем ты упорствуешь, Мария? — обратился к ней отец, едва сдерживая гнев. — Ты же знаешь, что нашу собственность невозможно выкупить.

— Нет ничего невозможного, Эстебан.

— До моей смерти это невозможно, разве я когда-нибудь тебе врал? — закричал он. — Когда это случится, то Осуна всё продаст. Прибереги эти деньги, Мария. Сохрани их до той поры, а в день моей смерти отдай Мартину. Он знает, как ими воспользоваться.

— Да чтоб мне пропасть, Эстебан, если ты не потерял рассудок! Что мы потеряем, если попытаемся? Ты столько твердишь о своей смерти и не задумываешься, что, может, Осуна уже ее дождался. А ты что скажешь, Мартин? — неожиданно спросила матушка, судя по выражению ее лица, ожидая, что я ее поддержу.

С того вечера, когда мы разговаривали с Иларио Диасом в Борбурате, голова у меня шла кругом. Мы с Родриго никому ничего не сказали, но время от времени тайно встречались в отсеке для якорей и канатов, где в скудном освещении, проникающем через клюзы, терзались воспоминаниями о бесчинствах братьев Курво и Мельхора. Родриго тысячи раз

повторял, что подписанный отцом контракт, позволяющий использовать дом, лавку и корабль до самой его смерти — это вещь неизменная и законная, его невозможно отменить кроме как по воле Осуны, который наверняка имеет подкупленных судей и королевских чиновников в Картахене, чтобы нотариусы официально признали эти контракты. Мы думали, что Курво наверняка кому-нибудь из них платят.

— Мне кажется, — пробормотала я, — что отец прав, матушка. Мельхор де Осуна не позволит выкупить наше имущество, потому что тогда он потеряет деньги.

— Какие деньги он потеряет? — возмутилась она, выпустив изо рта струю дыма. — Мы лишь хотим, чтобы он сам назвал сумму и сделал нам предложение!

— И сколько же дублонов мы собрали? — поинтересовался отец.

— Четыреста. Я смогла сберегать по сотне в год, помимо выплаты семидесяти пяти Мельхору.

Отец помрачнел.

— Он и слышать ни о чем не захочет за такие деньги, — сказал он.

Я вздрогнула. Я знала, что Осуна не хочет ничего продавать, но чтобы даже за четыреста дублонов? Боже ты мой! Знает ли отец, сколько это будет в мараведи?

— Он попросит по меньшей мере вдвое больше, — продолжил он.

— И что еще? — рассмеялась матушка. — Испанскую корону? Трон небесный?

— Я же сказал, что он не хочет продавать! — взорвался отец.

— Так попробуй! — в свою очередь выкрикнула матушка. — Чего тебе стоит спросить? Сделай это ради меня, Эстебаньито! Я не хочу ждать твоей смерти, чтобы получить обратно свой дом! — она помолчала несколько мгновений, а потом пылко поправила себя: — Наш дом, Эстебан. Разве ты забыл, что здесь родился наш маленький Алонсо и здесь провел свою недолгую жизнь, в этих комнатах?

Я онемела от удивления. У отца и Марии Чакон был сын, который незнамо когда умер, еще в детском возрасте. Я никогда не слышала и не знала об этом ребенке, никто не произносил о нем ни слова, словно его имя и существование были стерты из воспоминаний.

Но благодаря своей хорошей памяти я припомнила одну маленькую деталь из того дня, когда впервые вошла в этот дом и в этот кабинет. Узнав, с помощью какой хитрости мне удалось избежать брака с несчастным Доминго Родригесом, матушка тогда сказала, что как бы мне не хотелось сойти за сына Эстебана Невареса, я никогда не стану как... И тут она остановилась. Отец быстро поднялся со стула, встал перед ней на колени и погладил лицо. Без сомнений, оба думали об одном и том же, но в тот день ничего не сказали, как и потом. Теперь, однако же, сеньора Мария упомянула об этом болезненном воспоминании, чтобы отец отправился на переговоры к Мельхору де Осуне.

— Ты слышал меня, Эстебан? — настаивала матушка.

— Я слышал тебя, женщина, — грустно ответил он.

— И что ты решил?

Отец казался таким старым и усталым, как никогда, он посмотрел на нее, слегка кивнув.

— Я попробую, — наконец произнес он. — Но Осуна не уступит.

Матушка вышла из себя.

— Предложи ему четыреста дублонов! Вот увидишь, он от них не откажется. Кто бы мог отказаться от целого состояния!

Отец пожал плечами, медленно поднялся на ноги, сделав над собой усилие, и направился к двери.

— Идем, Мартин, — приказал он мне. — Нам нужно осмотреть груз на шебеке. Я не хочу, чтобы произошло несчастье, слишком много пороха на борту.

Матушка, отрешившись от своих смутных грез, тут же отреагировала.

— Ты должен был отвезти оружие Бенкосу, а не держать его столько времени в Санта-Марте!

— Так я и поступлю! — ответил он уже из большой гостиной. — Мартин, я тебя жду!

Я собиралась уже бежать, но на секунду задержалась.

— Мне жаль, что не смог вам помочь, матушка, — пробормотала я.

— Иди же. Оставь меня.

— Я с ним поговорю, — сказала я, прежде чем выбежать из кабинета. — Предоставлю ему самые веские аргументы самыми убедительными словами, и он с большей готовностью согласится переговорить с Мельхором и убедить его.

Она взглянула на меня и попыталась спрятать свою благодарность за плотным облаком дыма от сигары.

— Знаешь, что сказал бы любой другой мужчина на месте Эстебана в самом начале этого разговора? Что он будет делать то, что хочет, а обязанность женщины — склонить голову и слушаться его, не споря, повиноваться его желаниям. Ты не сможешь предоставить отцу больше аргументов, Мартин, это дело слишком его беспокоит. Он прекрасно знает, как обращаться с Осуной. Он же не просто так посещал его все эти десять лет.

— Да, матушка.

— Так что ступай на корабль и веди себя тактично, — попросила она.

Мы отплыли в Картахену, и, как было заведено в последнее время, когда подходили к концу ежедневные заботы, а небо еще оставалось светлым, отец усаживал меня на палубе вместе со всеми моряками вокруг и читал вслух какую-нибудь из своих любимых книг. Таким образом он прочитал пять книг о бесстрашном и непобедимом рыцаре Тиранте Белом, четыре книги об Амадисе Гальском, книгу об Оливеросе Кастильском, хронику кабальеро Сифара и историю прекрасной Мелосины, которые все слушали с огромным удовольствием, поскольку не было книг более занимательных, чем те, что рассказывали истории о рыцарских приключениях.

С тех пор как мы занялись контрабандой, наше пребывание в Картахене стало очень коротким. Первым делом мы все вместе отправлялись в шлюпке на берег, за исключением Гуакоа и Николасито, они оставались сторожить корабль. В порту юнга Хуанито шел в мастерскую плотника, один из рабов которого передавал наши сообщения королю Бенкосу.

Этот раб передавал послание другому, которого мы не знали, тот, в свою очередь, еще одному, а тот — следующему, и так, через множество курьеров, быстроногих и знающих горы и болота, сообщение достигало Бенкоса чуть более чем за день, так что на обратном пути, когда мы проходили мимо устья большой реки Магдалена, беглые рабы уже нас поджидали, чтобы забрать товар.

Пока Хуанито передавал послание, остальные, наняв в порту мулов, направлялись вместе с моим отцом в дом Мельхора. Мы взяли в привычку ждать у двери, пока отец не закончит, это не занимало много времени, а мы находились близко к плантации, с которой вели дела. Покинув этот дом, мы нагружали мулов табаком, отец расплачивался с управляющим, и мы возвращались в порт Картахены, где за несколько приемов переправляли тюки на шлюпке и складывали их в кладовку для припасов, потому что к этому времени наши трюмы были заполнены оружием для Бенкоса. Мы ужинали и проводили в порту ночь, а на рассвете отплывали из Картахены.

В тот день, однако, кое-что изменилось. Во-первых, отец задержался в гасиенде Мельхора дольше обычного. Я знала, что он обсуждает выкуп нашего имущества, и потому не стала волноваться. Однако, когда он покинул дом и пошел к нам, спотыкаясь, словно пьяный, у меня ёкнуло сердце и отхлынула кровь. Я поспешно шагнула вперед, но не могла ничего произнести.

— Отец, — только и пробормотала я.

Он поднял голову, глаза его были затуманены.

— Мартин! — удивленно воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Вы хорошо себя чувствуете, отец?

Он пошарил в хубоне, словно что-то искал.

— Нет, — буркнул он. — Безусловно, нет. Принеси-ка мне выпить.

— Но... Мы должны забрать табак с плантации!

— Я сказал — принеси мне выпить! — гневно рявкнул он.

Я махнула рукой своим спутникам, и они подошли ближе, весьма обеспокоенные.

— Ваша милость, дайте Лукасу деньги, чтобы он смог расплатиться за табак, — попросила я, — а я принесу вам выпивку из таверны.

Отец не стал спорить, вытащил кошель с деньгами и вручил его моему бывшему учителю грамматики.

— Идите с мулами на плантацию. Заберите табак и расплатитесь, а потом возвращайтесь в порт, — приказала я остальным. Вообще-то, поскольку стоял конец августа, речь шла о табачной крошке, которую мы потом подмешаем в хороший табак и продадим Мушерону.

Лукас помедлил несколько мгновений, поглядывая на кошель, развернулся и молча ушел вместе с Родриго, Томе, Матео и Хаюэйбо. Я осталась наедине с отцом. После разговора с Мельхором де Осуной он словно лишился рассудка и превратился в новорожденного младенца.

— Что произошло в гасиенде Мельхора? — спросила я, медленно подойдя к нему, в тайном страхе, который никогда не забуду.

— Мельхор де Осуна! — заорал отец в ярости. К счастью, мы были одни среди зарослей тростника. — Вор, мерзавец, сукин сын! Знаешь, что он мне сказал, Мартин?

— Нет, отец. И что он сказал?

— Что каждый день молится о моей смерти, что он и так уже прождал слишком много времени и что когда предлагал мне подписать контракт на аренду, то не ожидал, что я проживу так долго.

Если и для меня слова Мельхора были как кинжал в сердце, то что же они значили для отца, который слышал их из уст человека, лишь жалеющего его оскорбить, потому что во время этого столь долгого, по его словам, ожидания Мельхор получил кучу денег. Я поклялась, что Осуна заплатит за оскорбления, сколько бы времени мне ни понадобилось, я не остановлюсь, пока не отомщу.

— Он не хочет возвращать мне имущество, — продолжил объяснения отец, хотя настолько был охвачен негодованием и яростью, что заикался. — Он сказал, что не желает четырехсот дублонов, что он зарабатывает больше губернатора и даже за миллион мараведи не расстанется с «Чаконой», лавкой и домом в Санта-Марте. Сказал, что хорошая мебель или недвижимость его привлекают больше, чем металл, потому как монет он уже имеет в избытке, а дома, корабли и лавки — это богатство, которое с течением лет лишь прибавляет в цене.

— Успокойтесь, ваша милость, — взмолилась я, потянув его за собой, потому что он вдруг остановился, — и не волнуйтесь ни из-за Мельхора де Осуны, ни из-за кого другого. Мы продолжим всё как раньше. Будем платить каждые четыре месяца и поглядим, чем закончится эта история.

— Но, Мартин, разве ты не видишь, сынок? Я умру, не вернув в собственность ни корабль, ни дом. И что скажет Мария?

Материнское имя, казалось, вернуло ему здравомыслие. Он поднес руку ко лбу, словно был ранен в голову, а когда опустил ее, лицо и дух успокоились. Он оглядел тростник по обеим сторонам дороги и повернулся ко мне.

— А где остальные? А табак?

— Вы не помните, отец? — от жалости к нему у меня кольнуло в груди. — Ваша милость сказали, что вам нужно пойти в таверну и выпить и велели...

— Выпить, в такой-то час? — удивился он. — Но ведь мы должны забрать табак!

— Ваша милость отдали деньги Лукасу, чтобы он купил табак от своего имени.

— Да чтоб мне провалиться! Я отдал деньги Лукасу?

— Да, отец. И развы не желаете пить, то я провожу вас в порт, и там найму шлюпку, чтобы вернуться на корабль, а вы обещайте, что ляжете спать и отдохнете до обеда. Я найду остальных, и мы вернемся с табаком.

— Боюсь, они подумают... — посетовал он, но не стал отклонять моего предложения отдохнуть у себя в каюте, хотя я этого и опасалась.

— Ничего такого они не подумают, — ответила я. — Они знают, что ваша милость — не какой-нибудь там мальчишка.

Я поступила именно так, как и сказала: отвела его в порт, наняла шлюпку, заплатила лодочнику и подождала, пока шлюпка скроется среди многочисленных кораблей в гавани. После чего я бросилась бегом по улицам под палящим солнцем, и вылетела из города в поисках товарищей. Я застала их на последней плантации, с почти полностью нагруженными мулами. Все хотели знать, как себя чувствует капитан. Я объяснила, что он пришел в себя и отправился на корабль отдыхать, но с ним всё в порядке.

— Братец Родриго, мне нужна твоя помощь, — вполголоса обратилась я к своему товарищу. — Можешь навесить вместе со мной кой-кого в Картахене?

— Естественно, братец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я коротко поведала ему, что случилось в доме Мельхора, и объяснила, чего хочу. Он выглядел вполне довольным и готовым на всё.

Когда мы с мулами прибыли в порт, мы с Родриго покинули остальных и направились на рынок, где торговали старые друзья отца — купец Хуан де Куба и лавочник Крестобаль Агилера. Мы переговорили кое с кем, посетили несколько таверн и пару игорных домов и еще до захода солнца узнали, что братья Курво занимаются теми же делами, что и Мельхор: как болтают злые языки, когда флот прибывает в порт Картахены, рабы братьев Курво разгружают их корабли со всей возможной спешкой, чтобы королевские чиновники, имея в эти дни слишком много дел, не могли проверить записи, оценить товары и собрать приличествующие налоги.

Поскольку, согласно королевскому указу, торговцы не обязаны показывать содержимое тюков, ящиков, сундуков, бутылок и бочек, задекларированных в Севилье перед отплытием, то никто не знал, что на самом деле выгружают Курво, знали лишь, что рабы очень торопятся, чтобы доставить все эти товары на большие склады за пределами Картахены. Поговаривали, хотя и шепотом и с оглядкой, что хотя Фернандо, севильский брат Курво, и заявлял, будто отправляет всякую мелочевку вроде фитилей для свечей, холстины или пакли, на самом деле на этих кораблях везли парчу, шелк и атлас из Дамаска.

Все также были уверены, что у Курво всегда имелись в достатке любые товары, и что в тот год, когда не флот приплывал или не привозил необходимого, они, в отличие от всех остальных крупных торговцев, старались продать свои товары подороже, чаще всего торговцам из Перу, поскольку у тех имелось серебро из Серро-Рико, что в Потоси, и они единственные обладали достаточной наличностью, чтобы заплатить такую цену.

Все это не могли обсуждать открыто, но нам с Родриго хватило и знания того, что Мельхор де Осуна лишь подражает своим могущественным и жуликоватым братьям, явно не являющимися примером честных торговцев. Я должна была освободить отца от этих людей. Все четыре года, что я провела рядом с ним, я видела, как его пожирает это несчастье. Он был человеком преклонных лет, но Курво и Осуна превратили его в настоящего старика. Его здравый рассудок пошатнулся, и я не могла терпеть, чтобы его последние дни были

наполнены сознанием вины и неудачи.

— Я должен что-то предпринять, Родриго, — сказала я своему другу по дороге обратно в порт. — И поскорее, иначе отец не доживет до следующего года.

— Осторожней, Мартин! Что ты задумал?

— Ты ведь так много знаешь о трюках и обмане в картах, мог бы мне посоветовать.

— Хотел бы я! Но гораздо легче надуть азартного игрока, чем Курво, это уж точно. Они опасные люди.

— Опасные или нет, но им придется иметь со мной дело.

Родриго вздохнул.

— Ты не понимаешь, что говоришь! Не только у твоего отца затуманился разум.

Эти слова почему-то напомнили мне о трюке с зеркалом. Всё-таки разум мой был не так уж плох, как считал мой приятель.

— Бегом в порт! — воскликнула я. — У меня есть дело для Хуанито.

— Для Хуанито?

Я не ответила, а помчалась по улице в сторону моря, словно у меня горели пятки.

Наш юнга, которому шел двенадцатый год, превращался в сильного и привлекательного юношу. Он терпеливо дожидался нашего возвращения к шлюпке, сидя на последних тюках с табачной крошкой, которые следовало отвезти на корабль. Увидев, как я мчусь к нему во всю прыть, он тут же вскочил на ноги и схватился рукой за кинжал.

— Спокойно, Хуанито, ничего не случилось, — сказала я.

— А почему ты бежишь?

— Сделай мне одолжение.

— Конечно, — твердо ответил он. — Говори.

— Ты никому не должен рассказывать о том, что я тебя сейчас попрошу.

— Даю слово.

— Если проболтаешься, юнга, — добавил Родриго, согнувшись, чтобы отдышаться, — я с тебя шкуру спущу.

Хуанито и Николасито очень уважали Родриго, думаю, из-за его грубоватого обращения, он вечно их бранил.

— Я ничего не скажу, — с опаской повторил мальчишка.

— Хочу, чтобы ты вернулся в мастерскую плотника и сказал нашему эмиссару, чтобы отнес Бенкосу мое послание, — велела я. — А сообщение такое: капитан попал в переделку, и ради его блага я прошу Бенкоса помочь мне, чтобы его уши в Картахене стали моими. Понял?

— Да, но что он должен узнать?

— Про братьев Курво, Хуанито. Я хочу знать о них всё, особенно то, что они скрывают: их секреты, пороки, стремления и незаконные дела. Хочу знать то, что они ни за что в жизни не хотят открыть.

— Ясно. Иду в мастерскую.

— погоди! Еще кое-что. Король Бенкос должен хранить это в секрете. Эти сведения могу узнать только я. Никто больше, понятно? Ни капитан, ни матушка. А теперь иди. Беги быстрее в мастерскую и поскорее возвращайся.

Юнга бросился бежать, а отдышавшийся Родриго бросил на меня суровый взгляд.

— То, что ты делаешь, — пробурчал он, — это такое безрассудство, что мне кажется, будто ты выжил из ума. Это опасная игра, Мартин, более того, ты останешься в долгу перед

Бенкосом Бьохо, королем изгоев.

— По счастью, я не нуждаюсь в твоих советах, — язвительно ответила я. Хотя в глубине души знала, что он прав, я и сама говорила себе то же самое. Но всё равно я должна была рискнуть, что же касается обязательств перед королем Бенкосом, то это была небольшая цена за то огромное одолжение, которое он сделал бы мне, если согласится. Слухов, гуляющих на рынке, мне не хватало для того, что я собиралась предпринять.

В Санта-Марту мы вернулись в печали. Матушка огорчилась, узнав новости про наше имущество. В последующие дни она обдумывала, не купить ли новый дом, не хуже нашего, где-нибудь в другом месте на Карибах, чтобы перевезти туда бордель и лавку. Она сказала, что устала бороться с Мельхором и склонялась к тому, что лучше прекратить выплачивать ему причитающееся, и пусть мерзавец заявится к альгвасилам и потребует реквизировать собственность.

Она бы так и поступила, если бы это не означало также, что ее любимого Эстебана могут отправить на галеры. Несмотря на охватившее весь дом уныние, отец оправился и восстановил способность рассуждать здраво. Он сказал, что не помнит, как вышел из гасиенды Мельхора, и пришел в себя лишь рядом со мной, на дороге у зарослей тростника. Словно он задремал, объяснил он матушке, которая не открыла рта, но на ее лице отразилось вся горечь, которую она чувствовала. Хорошо хоть, что до середины сентября нам не было нужды выходить в море, чтобы снова покупать табак второго за год урожая. Эти две недели оченьгодились отцу, чтобы он смог отдохнуть.

Однажды вечером, через несколько дней после возвращения из Картахены, послышался стук в парадную дверь, я вышла из своей комнаты и направилась к крыльцу, чтобы узнать, кто явился в столь поздний час. Наверняка какой-нибудь заблудившийся моряк, который не может найти вход в бордель, решила я.

Но это оказался не моряк. Приоткрыв дверь, я уже хотела что-то сказать, но столкнулась лицом к лицу с негром в рванине и со сломанным носом, который обычно передавал капитану сообщения от короля Бенкоса. Это могло означать лишь одно: Бенкос находится неподалеку от Санта-Марты, и беглый раб воспользовался темнотой, чтобы проникнуть в город и передать отцу приглашение. Курьер как всегда пришел безоружным и с непокрытой головой, он поднес руку ко лбу в качестве тайного знака, хотя в этом и не было необходимости.

Я открыла дверь, чтобы позволить ему войти, но он приблизился и прошептал:

— Попозже идите к реке Мансанарес по дороге к садам. Там вас ждет полный отчет о вашем дельце.

Он говорил так быстро и тихо, что я не была уверена в том, что он сказал, но он уже проскользнул в большую гостиную. Не придя в себя от удивления, я закрыла дверь и вернулась в дом, где он разговаривал с отцом, уже успевшим натянуть на голову ночной колпак. Он извинился перед отцом за то, что король Бенкос немного приболел и не сможет пригласить его в свое поселение. Я призадумалась о том, как выбраться из дома незамеченной.

Когда беглый раб удалился, снова растворившись в ночи, отец вернулся к себе, а матушка направилась в бордель, чтобы провести некоторое время с девушками и клиентами. Я не знала, что делать. Я колебалась — улизнуть незаметно или придумать какой-нибудь предлог для матушки, но чтобы добраться по джунглям до реки, мне был необходим конь, так что не оставалось другого выхода, как поговорить с ней. Я пошла в бордель,

поприветствовала музыкантов и попросила у матушки дозволения выйти. Я лишь хочу немного прогуляться верхом по окрестностям города, объяснила я, пытаясь не смотреть ей в глаза. Её весьма удивила моя просьба, и хотя я и решила, что она мне не поверила, матушка не стала мне препятствовать, но только лишь велела взять оружие и двух молодых псов, Фулано и Мирона, которые вместе со скакуном, мулом, обезьянкой и двумя живущими в борделе попугаями составляли все увеличивающееся поголовье домашних животных.

И вот я с Фулано, Мироном и Альфаной выехала на улицу и направилась к Мансанаресу, по дороге к садам. К счастью, в последнюю минуту я позаботилась о том, чтобы захватить из лавки хороший факел и хоть немного осветить темную тропу, накрытую густым куполом спутанных ветвей, через который не проникал ни свет луны, ни звезд. Я слышала близкое журчание воды, и вдруг из ниоткуда возникло несколько фигур, преградивших мне путь.

— Мартин!

Это был голос Сандо, младшего сына Бенкоса, мы познакомились, когда его взяли в заложники во время нашей первой встречи с беглыми рабами в Таганге.

— Я тебя не вижу, — сказала я.

Он засмеялся.

— Слезай с коня, дружище, и я подойду. Мы прекрасно тебя видим, с этим-то факелом.

Я спешила и привязала Альфану к дереву. Сандо явился в сопровождении молодого испуганного негра, в страхе оглядывавшегося по сторонам. Он выглядел образованным и галантным в поведении и манерах. Одежда его была из дорогой ткани, хотя грязная и порванная, к тому же, к несчастью, бывшие хозяева решили поставить клеймо на его левой щеке, изуродовав привлекательное лицо.

— Вот, Мартин, это Франсиско, еще неделю назад паренек работал в доме Ариаса Курво. Уже много месяцев Франсиско просил нас его освободить, но твоя просьба о помощи вынудила нас на время оставить его в Картагене. Он еще очень напуган, ведь с тех пор, как покинул хозяина, он постоянно в бегах и никогда прежде не бывал ни на болотах, ни в горах. Он расскажет тебе обо всем, что тебе интересно. Он родился в доме Ариаса и там прислуживал ему и много чего слышал.

Похоже, Франсиско не замечал порванной рубахи. Темнота джунглей и их ночные звуки заставляли его трястись. Он вздрагивал и подпрыгивал каждый раз, когда шуршала листва или раздавался крик какой-нибудь обезьяны. Он походил на элегантного кабальеро, вырванного из бального зала.

— Ты знаешь, чего я хочу, Франсиско? — спросила я, чтобы привлечь его блуждающее внимание.

— Да, сеньор, — пробормотал он, немного успокоившись, — и я могу помочь вам в этом, потому что никто лучше меня не знает братьев Курво.

Какая жалость, что ему испортили лицо клеймом. У него был тонкий нос, как у индейца, и тонкие маленькие губы. Скорее всего, он был темнокожим самбо — сыном негра и индианки. Без клейма он был бы очень привлекательным.

— Расскажи мне о них, Франсиско. Расскажи про их секреты, те, за которые они готовы убить.

— Их столько, сеньор! — выдохнул он. — Лучше бы вы объяснили, зачем вам эти сведения, тогда бы я рассказал что-нибудь нужное.

— Рассказывай всё! — потребовала я.

Он снова вздохнул.

— Нам и трех дней на это не хватит, сеньор, но могу предложить вам то, что наверняка вам пригодится. Самый последний трюк хозяина, если о нем станет известно, то это подорвет всю его торговлю и запятнает его имя.

— Именно это мне и надо! — воскликнула я.

— Ну тогда слушайте внимательно, сеньор, — начал он. — На самом деле семья Курво — это пять человек, хотя об этом почти никто не знает. Три брата и две сестры. Они принадлежат к известному севильскому роду. Фернадо, старший из пяти, занимается торговлей с Индиями и владеет в Севилье торговым домом. Ариас и Диего, другие два брата представляют его интересы на Твердой Земле. Фернандо много лет назад женился на Белисе де Кабра. Знаете, о ком речь? Вам о чем-нибудь говорит эта фамилия?

— Совершенно ни о чем.

— Белиса де Кабра — единственная дочь Бальтасара де Кабры, севильского аптекаря, который благодаря торговле с Индиями превратился в самого богатого и могущественного банкира города. Используя свои сбережения, Бальтасар де Кабра начал под десять процентов ссужать деньги капитанам, нуждающимся в средствах для оснащения кораблей, и торговцам, которым не доставало денег для покупки товаров. Тем самым он так обогатился, что закрыл аптеку и стал ростовщиком, то есть занимался тем же самым, но только уже законным образом. Сейчас он владеет самым могущественным торговым домом в Севилье, и многие корабли берут кредиты лишь у него, разумеется, впоследствии возвращая эти ссуды с большой прибылью.

Мы с Сандо не смогли сдержать изумленных восклицаний. Это были серьезные слова.

— Вижу, что произвел на вас впечатление, — довольно заявил Франсиско, — нам стоит присесть, а то история будет долгой.

Мы последовали его совету, воткнув факел прямо в середину тропы, и расселись втроем вокруг вместе с собаками. Животные вели себя спокойно. Если бы кто-нибудь появился поблизости, они бы подняли лай.

— Семья Курво, — продолжал Франсиско, не выказывая больше страха перед окружающими нас джунглями, — много внимания уделяет брачным союзам. Старший, Фернандо, женился на Белисе де Кабра, вторая сестра из их пятерки, Хуана, вышла замуж за Лухана де Коа, вы его тоже не знаете, да?

Мы покачали головами.

— Лухан де Коа возглавляет севильское Консульство. Вы когда-нибудь слышали о севильском Консульстве?

Я кивнула, а Сандо не пошевелился.

— В таком случае, сеньор, раз вы знаете, что такое Консульство, вам не составит труда связать концы с концами и понять, как оно связано с торговлей братьев Курво здесь, на Твердой Земле.

Уж конечно, мне это не составило труда! Хуана Курво была источником ценной информации относительно флота и его грузов, и именно по ее наущению на Твердой Земле вечно не хватало нужных товаров. Для жены главного консула это совсем не сложно. Как мы с Родриго и предположили в Борбурате после разговора с Иларио Диасом, Фернандо Курво знал относительно флота всё, мы лишь не могли вычислить, что эти сведения передавала ему сестра, выданная замуж за главного консула.

Я еще до конца не переварила эту новость, когда Франсиско начал говорить о третьем брате Курво.

— После Фернандо и Хуаны следует Ариас, мой хозяин... бывший хозяин. Ариас прибыл в Новый Свет двадцать лет назад. Он был всего лишь юнцом, когда покинул Севилью, чтобы работать в качестве энкомендеро у одного важного торговца из Мексики, что в Новой Испании, дальнего родственника его матери, который хотел, чтобы племянник выучился секретам профессии торговца. От имени своего покровителя он совершил три или четыре плавания между Севильей и Новой Испанией, налаживая дружеские связи и знакомясь с тонкостями ремесла и всеми торговцами Нового Света. С помощью материнского родственника он вскоре женился на Марселе Лопес де Пинедо, дочери известной семьи торговцев из Новой Испании, получив значительное приданое. С этим приданым он переехал в Картахену и обосновался там, став подрядчиком своего брата Фернандо.

— Как удачно женились все Курво! — воскликнула я.

— Вы и представить себе не можете, сеньор, — кивнул Франсиско. — Но удачнее всего был брак другой сестры — Исабель вышла замуж за Херонимо де Монкаду, главного судью и счетовода севильской Палаты по делам колоний, главу Трибунала по уплате пошлин... Знаете, что это такое? — спросил он, увидев наши недоумевающие лица. — Нет? В общем, есть налоги, которые платят все отправители грузов, чтобы разделить между собой расходы на галеоны, охраняющие флот и армады, защищающие плывущие в Индии корабли. Так вот, вернемся к Херонимо де Монкаде. Могу сказать, что именно он сделал своих шуринов богатыми, потому что те представляли его во всех вопросах и сделках в Новом Свете, а их было немало. Как видите, семейные связи и интересы братьев Курво так обширны, что обо всем и не расскажешь. Занятия Херонимо де Монкады в Палате по делам колоний тесно связаны с делами Лухана де Коа в Консульстве по делам торговли, также как и с Бальтасаром де Каброй, ростовщиком и банкиром, дающим флоту кредиты. Все трое вместе обладают такой властью, которая и не снилась королям и министрам, но очень немногие осведомлены об этих обстоятельствах.

— Да чтоб мне пропасть! — выругалась я. ^[SEP]Знал бы это Родриго!

Я представила Фернандо и Белису в его севильском доме вместе с Луханом, Хуаной и Херонимо. Все шестеро ужинают за роскошным столом и за бокалом вина принимают чудовищные решения, которые влияют на жизнь всех бедолаг Нового Света: сколько и какие товары отправить, сколько кораблей выйдут с ближайшим флотом, чтобы Ариас и Диего, своевременно получившие весточку в письме, отправленном на быстром корабле (причем принадлежащем самой Палате по делам колоний), могли собрать на своих складах нужные товары и продать их по завышенным ценам.

— Что ж, ладно, — продолжал Франсиско, не ведающий о моих размышлениях, — теперь остается рассказать только о браке младшего брата, Диего Курво, еще одного представителя торгового дома Фернандо в Картахене. Поскольку я служил личным камердинером Ариаса и знаком с самыми интимными сторонами его жизни, я давно уже узнал о его амбициозных планах относительно женитьбы Диего, эта свадьба вознесет семью Курво на самую вершину. Есть одна прелестная девушка шестнадцати лет по имени Хосефа, дочь покойного графа Риасы, она и есть тайная невеста Диего. Тайная, потому что помолвка и свадьба зависят от решения матери девушки, вдовствующей графини Беатрис де Барболья, а она примет его, если Диего Курво предоставит в королевскую канцелярию в Санта-Фе, что в Новой Гранаде, грамоту о чистоте крови и дворянстве. Дело в том, что юная Хосефа, выйдя замуж, получит право на наследование всех земель и титула и потеряет его, если не

заключит брак. У семейства де Риаса нет денег, граф ничего им не оставил перед смертью, разве что позволил девушке благородного происхождения выйти замуж за простого торговца, потребовав, чтобы тот был по крайней мере христианином без примеси крови мавров, евреев или негров, и чтобы тоже имел хоть какие-то дворянские корни.

— И...? — поторопила его я. Франсиско наслаждался, рассказывая эти истории и вдавался в подробности, которые мне не казались особо важными. Он говорил о Курво с гордостью, будто член семьи, а не с естественной ненавистью раба. Фальшивый блеск хозяев словно бы возвеличивал и его самого.

— Ну, что касается Курво, сеньор, то никакие они не дворяне, и даже христианами стали не так давно, как я слышал, их предками были евреи.

— Вот мошенники! — засмеялась я. — Своего не упустят.

— Так и есть, сеньор, и вам следует знать, что Курво, чтобы разрешить эту проблему, отделяющую их от дворянства, самого заветного и грандиозного желания, заказали услуги Педро де Саласара-Мендосы, знаменитого кастильского специалиста по генеалогии, попросив того подправить кое-какие их корни, то есть сфальсифицировать происхождение за приличную сумму. С помощью старшего брата Фернандо они попросили помощи у Педро де Саласара, чтобы состряпал фальшивые доказательства и бумаги, которые превратят Диего в дворянина и покажут чистоту его крови. А Диего, как только получит грамоту, сможет представить ее в королевскую канцелярию в Санта-Фе и в результате брачных уз получит титул и поместье своей супруги, вознеся всю семью на новый уровень в обществе.

Я задумалась. Курво обладали огромной властью и неисчислимыми денежными средствами, но всё равно оставались лишь плебеями. Получение дворянства с помощью младшего брата стало бы их последним и решительным прыжком в те круги, доступ к которым сегодня был им закрыт. Для них это была важнейшая операция, в которую, несомненно, вовлечена вся семья с многочисленными финансовыми ресурсами, все их знакомые и партнеры, а также использованы все привычные трюки и плутовство.

— Вот где кроется слабость Курво, — произнесла я вслух. — Учитывая их стремление возвыситься на новую ступень в обществе, любой скандал, запятнавший их честь, может лишить Диего шанса стать графом.

— И вся семья будет об этом сожалеть, — добавил Франсиско, — ведь этот брак откроет им новые двери и подарит очень важные связи с людьми, которые нынче на них и не взглянут. Я знаю, что они вынашивают грандиозные планы на будущее, когда Диего женится на юной Хосефе, но не знаю, какие именно. Я лишь слышал, как мой хозяин... бывший хозяин сказал как-то, что эта свадьба — словно те пушки, которые пираты прячут на необитаемых островах.

— Пираты прячут пушки на необитаемых островах? — удивился Сандо. Я онемела от удивления. Как и мой приятель, я не знала, о чем говорит Франсиско, но прекрасно помнила тот день, когда я находилась на своем острове, в пещере летучих мышей на вершине горы, и ударилась о старые бронзовые фальконеты. — И с какой же целью? — поинтересовался Сандо.

— Ваши милости никогда не слышали поговорки «Я бы отдал всё за пиратскую пушку»?

Мы с Сандо отрицательно покачали головами. Франсиско посмотрел на нас с жалостью, и я решила, будто он подумал, что свобода рядом с такими невежественными людьми — это совсем не то, о чем он мечтал, будучи камердинером в богатом доме.

— Что ж, сеньоры, всем известно, что пираты используют старые негодные пушки

вместо сундуков для сокровищ, чтобы спрятать награбленное на многочисленных необитаемых островах. Один купец из Маракайбо несколько лет назад нашел старые бомбарды, закопанные в песке на одном пустынном острове, куда высадился, чтобы пополнить запасы воды. И внутри оказались несметные сокровища в золотых монетах, серебре и драгоценных камнях. Он так разбогател, что смог купить еще кораблей и вернулся в Испанию весьма преуспевающим человеком. Бронза пушек защищает сокровища гораздо лучше, чем дерево сундуков, которые уже через несколько месяцев начинают гнить из-за высокой влажности и дождей.

Теперь я поняла, почему эти фальконеты поместили в такое странное место — в пещере на моем острове! Когда я их нашла, дула покрывал слой экскрементов, и мне не пришло в голову, что внутри может быть что-то еще. Более того, наличие рядом каменных ядер окончательно сбilo меня с толку, и я решила, что пушки притащили сюда, на такую высоту, чтобы стрелять по приближающимся к берегу кораблям, хотя было очевидно, что ни один корабль не рискнет пристать с этой стороны, поскольку здесь гора резко обрывалась в море, образуя опасные водовороты и буруны.

Прямо под ногами у меня лежали пресловутые пиратские сокровища, которые позволили бы отцу бросить занятия контрабандой, а я оставила их из-за своего невежества. Дура! Дура! Дура! — в тысячный раз повторяла я, постаравшись, однако, чтобы эти мысли не отразились на моем лице. Мне совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил мое изумление и недовольство.

— Теперь ваши милости понимают, — сказал Франсиско, и я подпрыгнула от неожиданности, — почему мой бывший хозяин говорил, что свадьба Диего с Хосефой де Риаса — это как пиратская пушка? Он говорил о том, что этот брак принесет огромные богатства и удачу всей семье.

— Мне кажется, что нам пора, Франсиско, — провозгласил Сандо. — Хочешь узнать что-то еще, Мартин?

— Благодарю, Сандо, этого достаточно, — с трудом выдавила я.

— Если понадобится от Франсиско что-то еще, то знай — он живет в моем поселке. Отец сказал, что он должен оставаться как можно дальше от Картахены. Он очень ценный раб, такие стоят в Индиях очень дорого, и Ариас Курво непременно пошлет отряд солдат на его поиски.

Сандо неторопливо встал и расправил плундры, я тоже поднялась и стряхивала грязь с одежды. Франсиско, в свою очередь, поднялся очень элегантным и утонченным образом. Мне было печально увидеть на его лице прежнее выражение страха.

— Сожалеешь о том, что сбежал, Франсиско? — спросила я.

— Нет, сеньор, — пробормотал он. — Возможно, свобода оказалась и те такой комфортной, как та жизнь, что я до сих пор вел, но никто не отхлещет меня кнутом, не оскорбит и не обольет мочой из ночного горшка просто потому, что встал не с той ноги.

— А знаешь, что самое интересное, Мартин? — добавил Сандо, пока я развязывала поводья Альфаны. — Франсиско — родной сын Ариаса.

Я резко повернулась и снова взглянула в изуродованное лицо паренька. Этот нос и тонкие губы, которые я приняла за индейские, вполне могли быть и испанского происхождения.

— Ариас Курво — твой отец? — изумленно спросила я.

— Точно, сеньор, — кивнул юный камердинер. — Вы наверняка знаете, что в обычаях у

хозяев — спать со своими черными рабынями, чтобы приносили побольше детей, поскольку рабство передается по материнской линии.

— Я этого не знал. Да как можно такое вообразить?

— Вот так всё и происходит в Новом Свете, Мартин! — воскликнул Сандо, перед тем как потащить испуганного Франсиско обратно в джунгли. — Разве не лучше спать со своими рабынями, чем покупать негров на рынке за приличные деньжата? Будь осторожен, братец, и надеюсь, ты сможешь вытащить своего отца из той передраги, в которую он попал.

— Спасибо за всё, Сандо, — ответила я, садясь на Альфану, хотя не видела ни его, ни Франсиско. Уже с седла я наклонилась, чтобы подобрать воткнутый в землю факел. Собаки вели себя тихо, и теперь довольные побежали перед скакуном. Этой ночью сон не шел ко мне. Мне было что обдумать, и в особенности услышанное из уст незаконнорожденного сына и раба Ариаса Курво.

Я въехала во двор, спешила, привязала Афану к коновязи рядом с мулом и проследила, как собаки улеглись под столом в большой гостиной, где им всегда нравилось спать. Из борделя доносилась музыка, но никаких голосов, и я решила, что девушки закончили работу в своих комнатах, а матушка ушла спать. Но я ошиблась. Я направилась к себе через ее кабинет, и к моему удивлению, стоило мне открыть дверь, как глаза ослепил свет.

— Мартин? — окликнула меня матушка. Не произошло ли с отцом какого-нибудь несчастья?

— Да, матушка, — отозвалась я, войдя в кабинет. Бедняжка Мико дремал прямо на столе.

— Где ты был столько времени? — спросила она прямо, с тем хмурым взглядом, что пугал даже самых смелых мужчин.

Я слишком устала, чтобы изобретать отговорки. Конечно, я могла бы это сделать, но зачем? Как всегда говорил отец, матушка — человек крайне разумный и может разложить всё по полочкам, более того, у нее просто нюх на ложь. Так что я просто попробовала улизнуть от ответа.

— Я всё расскажу вам завтра, матушка. Если я начну говорить сейчас, то не закончу до рассвета.

— Значит, до рассвета. Садись.

— Клянусь бородой, которой никогда не имела! От этой женщины невозможно скрыться!

Я говорила и говорила без передышки, пока и правда не встало солнце. Под конец матушка знала всё, начиная с того, что нам поведал Иларио Диас на Барбурате, и до того, что мне разъяснил нынче ночью юный Франсиско, а также то, что мы с Родриго разузнали в Картагене. Судя по ее вопросам, матушка хотела во всем разобраться досконально.

В середине сентября мы вышли из Санта-Марты, чтобы забрать табак нового урожая. Начиная с нашего первого места назначения, Кабо-де-ла-Велы, все плавание пошло не так. Мы спокойно шли курсом на север до Санто-Доминго, что на Эспаньоле, и через некоторое время по несчастной случайности пересекли курс флота из Испании под командованием генерала Хуана Гутьерреса де Гарибая, который направлялся в Картахену и заставил нас лечь в дрейф на целый день, чтобы уступить ему дорогу.

Когда мы наконец прибыли в Санто-Доминго, то обнаружили, что нашествие гусениц покончило с урожаем табака на всем острове. Лучше бы мы поплыли в Пуэрто-Рико, тогда бы этим гусеницам не хватило времени, чтобы сожрать всё, а теперь мы не могли купить нужное количество табака. После многодневного плавания на юг мы наконец-то прибыли на Маргариту, но лишь для того, чтобы нас встретило там другое кошмарное известие — что порт закрыт из-за эпидемии оспы, унесшей множество жизней. Губернатор поставил в гавани шлюпки, чтобы ни один корабль не мог зайти в порт.

С Маргариты мы двинулись к Кумане, но нас опять преследовали неудачи — когда мы приплыли, другие торговцы уже скупили весь табак, так что нам пришлось заплатить вчетверо, чтобы приобрести нужное количество. Почти уже не имело смысла идти к полуострову Арайя для сделки с Мушероном, но отец все же решил выполнить соглашение. Разумеется, тот дал нам от ворот поворот и оставил себе тот табак, что мы приобрели в Кабо-де-ла-Веле и Пуэрто-Рико, заявив, что это подарок в честь нашей дружбы и грядущих сделок. Мушерон был таким же сукиным сыном, как и Мельхор, и всегда заставлял платить вперед.

Когда в середине ноября мы вернулись в Санта-Марту, наши трюмы были пусты. Я не особо беспокоилась, потому что у нас имелось достаточно денег, чтобы дожить до следующего урожая, и не учла, какие кошмарные последствия это возымеет — ведь мы оставили Бенкоса без нужного оружия и пороха для защиты поселений. Мы должны были сообщить ему ужасные новости как можно раньше, чтобы он мог принять меры и подготовиться. Если послать ему весточку через Сандо, то она дойдет только через пять или шесть дней, ведь как бы быстро не бегали его курьеры, им приходилось преодолевать горы и болота. Для нас же, на «Чаконе», наоборот, до Картахены был всего день пути, и отец решил, что не будет дожидаться декабря, чтобы выплатить Мельхору положенное, а воспользуется этим предложением прямо сейчас, дабы сообщить о произошедшем Бенкосу.

Я в тот вечер я сидела за своим столом-шлюпкой и писала королю беглых рабов длинное письмо, в котором объясняла всё в подробностях (король не умел читать, но в его поселке были те, кто умеет), и на заре мы отплыли в Картахену, попрощавшись с матушкой и девушками борделя, которые пришли в порт нас проводить.

Ветер был попутный, и плавание приятным. Казалось, само море нас подгоняет, благоволит нашему путешествию, так что тридцать лиг выглядели как две или три, и в тот же день около полуночи мы прошли мимо острова Каксес, приближаясь к Картахене. Мы немного поспали, слушая шум, долетающий от этого большого и оживленного города: голоса стражи, колокола и молитвы священников, вопли пьяных и даже грохот драки из портовой таверны.

На следующее утро сразу после завтрака мы отправились в шлюпке на берег и не выходя из нее вручили Хуанито письмо, написанное мной дома, чтобы он отдал его рабу из мастерской плотника, велев ему сказать, что это срочно и чтобы все курьеры постарались добраться до Бенкоса как можно скорей.

Затем, поприветствовав друзей с рынка, которые поделились с нами новостями, привезенными флотом из Испании (что наконец-то был подписан мир с Англией), Лукас, Родриго, Матео и я вместе с отцом направились к гасиенде Мельхора, а Хаюэйбо, Антон, Томе и Мигель остались охранять шлюпку. День выдался солнечным и жарким. Отец прикрыл голову черной шляпой, а я — своей красной, у остальных же имелись лишь пропитанные потом платки, и вскоре мы уже начали шутить — не украсть ли зонтик у первой же попавшейся на пути дамы.

Когда мы наконец оказались в сотне шагов от гасиенды, отец приказал нам остаться в тени высоких кокосовых пальм.

— Хватит, — заявил он. — Проводили меня до этого места, а дальше я уж как-нибудь сам.

Он решительно двинулся дальше, жестом велев нам успокоиться. Он понимал, что мы боимся, как бы он снова не потерял рассудок, что малейшая тревога может вызвать новый приступ.

Мы уселись на землю под пальмами и прождали довольно долго, громко болтали и шутили, словно находились на борту «Чаконь» и никто не мог нас услышать, через час отец еще не вернулся, и я, несмотря на его запрет, поднялась на ноги. Солнце слепило глаза, я схватила шляпу и прикрылась ей, но все равно нигде не могла разглядеть фигуру отца.

— Он уже должен был выйти, — встревоженно пробормотала я, не переставая всматриваться в дорогу к гасиенде и крыльцо дома.

— Это точно, — согласились мои товарищи, встав рядом.

— Нам нужно пойти туда и спросить, в чем дело, — сказал Родриго, прикрыв глаза от солнца.

— Ну так пошли! — воскликнул Матео, положив руку на эфес шпаги и двинувшись вперед.

Я возглавила процессию, и мы быстрым шагом пересекли земли гасиенды. Рабы — чернокожие и индейцы — были скованы вместе цепями и без усталости трудились, разбивая каменные глыбы, чтобы добыть руду или драгоценные камни, или что там еще находилось, и стоял такой грохот, что, проходя мимо, мы даже не могли друг друга расслышать. К счастью, по мере приближения к большому белому дому звуки становились тише. На крыльце теплый ветер раскачивал гамак Мельхора де Осуны. Дверь была открыта. Мы находились шагах в десяти от нее, когда вышел негр с аркебузой и горящим фитилем в руках и двумя огромными прыжками оказался прямо напротив нас.

— Чего вам надо? — спросил он угрожающе.

— Это так твой хозяин принимает гостей? — отозвался Лукас, расправив плечи.

— Убирайтесь! — мрачно выкрикнул негр.

— Мы никуда не уйдем, пока не узнаем, где Эстебан Неварес.

— Не знаю, о ком вы говорите.

— Не знаешь, о ком я говорю, мерзавец? — возмутился Лукас, выставив вперед кулаки и приблизившись к рабу. — Я говорю о том торговце, что вошел в этот дом больше часа назад, чтобы выплатить твоему хозяину долг, и который с тех пор так и не вышел.

Негр несколько секунд раздумывал, а потом сказал:

— Он уже ушел.

— Врешь! — рявкнул Лукас.

— Я не вру, — нервно отозвался тот. — Торговец, о котором вы говорите, и правда появился здесь больше часа назад. Вошел, побыл недолго с хозяином в гостиной, отдал деньги и ушел.

— А мы ждали его снаружи, — сказала я, вставая рядом с Лукасом, — и не видели, как он выходил. Мы сидели под вон теми пальмами, — показала я. — Объясни-ка, как мой отец мог покинуть гасиенду, так что мы не заметили?

— А мне почем знать? — испуганно воскликнул он. — Убирайтесь немедленно, или я выстрелю, как приказал хозяин.

— До чего ж твой хозяин смел! — воскликнул фехтовальщик Матео. — Так передай ему, чтобы не прятался за спину раба, а вышел сам, как мужчина.

Атмосфера накалялась. У меня возникло чувство, что всё это плохо кончится. И тут в дверях появился сам Мельхор де Осуна. Я еще не видела его вблизи. Он был небольшого роста и плотным, обвислые щеки покрывала тощая седая борода. Как я считала, раз уж он был кузеном братьев Курво и находился под их покровительством, он должен был оказаться моложе.

— Что здесь происходит? — поинтересовался он. На нем были черные плундры и белая сорочка с рукавами-буфами, поднятыми выше локтей.

Я вышла из-за спины Лукаса и оказалась прямо перед Осуной. Человеком, который был если не самым большим мерзавцем Твердой Земли, то одним из главных претендентов на этот титул. Но клянусь прахом моего настоящего отца, это ему дорого обойдется.

— Они говорят, что Эстебан Неварес не выходил из этого дома, — объяснил ему негр, не поворачивая головы и не сводя глаз с Лукаса.

— Как это не выходил? — хмыкнул Осуна с непроницаемым видом. — Давно уже ушел.

— Я им и сказал, что он уже ушел, но они не верят.

Я постаралась скрыть свою ярость и тревогу и вызывающе посмотрела на своего врага.

— Мой отец пришел заплатить вам, Мельхор, и я требую, чтобы вы сию же минуту сказали, что с ним сделали и где он.

— Убирайся к дьяволу, парень! — рявкнул он, повернувшись спиной. — Твоего отца здесь нет.

Я схватила его за жирную руку и изо всех сил дернула. Он не сдвинулся с места. Однако потом по собственной воле, скорее всего от удивления, повернулся в мою сторону.

— Хочешь получить затрещину? — пригрозил он. Мои товарищи быстро шагнули вперед. Раб остановил Родриго, наставив аркебузу ему в грудь, но тот быстро пнул его в пах, и негр со стоном распластался на полу. Мельхор де Осуна презрительно посмотрел на меня.

— Последний раз, когда отец к вам приходил, — произнесла я полным ненависти голосом, — вы сказали ему, что каждый день молитесь о его смерти, что ваше ожидание затянулось, и вы не рассчитывали, что он проживет так долго, когда предлагали ему подписать контракт на аренду имущества.

Осуна побледнел. Должно быть, он никогда не думал, что я с такой точностью повторю слова, которые он произнес несколько месяцев назад, чтобы оскорбить и ранить моего отца.

— Вы устали дожидаться его смерти? — продолжала я. — Решили ее ускорить, чтобы завладеть его имуществом в Санта-Марте?

Глаза Мельхора де Осуны налились кровью, он стал пунцовым, и я подумала, что он готов совершить что-то отчаянное. Мои товарищи шагнули ближе, чтобы меня защитить.

— Вон из моего дома! — заорал он, и, словно они дожидались этого приказа, откуда ни возьмись, появилась группа из пары десятков вооруженных ломачами чернокожих, окружив нас со всех сторон. — Немедленно убирайтесь! И больше не попадайтесь мне на глаза!

Матео выхватил шпагу, но с такой толпой мы вряд ли могли справиться. К сожалению, этот жест, безусловно неуместный, окончательно вывел из себя Осуну, тот махнул рукой, и его маленькое черное войско набросилось на нас. Я вытащила шпагу из ножен, а в левую руку взяла кинжал, в готовности обороняться от этих мерзавцев, так же поступили и мои товарищи. Мы дрались яростно, сопротивляясь из последних сил, но их было больше, они дрались решительно, так что многие из нас получили ранения и переломы. В какой-то момент этой неравной битвы четырех против двадцати я потеряла сознание и рухнула на землю, получив удар по голове.

Не знаю, сколько времени я провела без сознания. Когда я снова открыла глаза и ощутила боль в теле, я лежала на дороге среди тростника, покрытая запекшейся грязью и кровью, в окружении своих товарищей, которые выглядели мертвыми. Голова так болела, что я едва могла двигаться, но все-таки убедилась, что Лукас, Родриго и Матео живы. Все трое дышали, несмотря на многочисленные раны и ушибы по всему телу, порванную, заляпанную кровью одежду и такие изуродованными побоями лица, что их трудно было узнать. Я трянула их, одного за другим, и они вскоре пришли в себя. Как и у меня, у них имелись ранения в голову, и у всех были сломаны ребра или разорваны уши. Будь проклят Мельхор де Осуна и вся его родня! Тысяча проклятий! Где мой отец? Я задавала себе этот полный тревоги вопрос, лежа на земле, ибо по-прежнему не в силах была пошевелиться.

Вскоре солнце зашло, и опустилась ночь. Мы много часов провели без сознания, приспешники Мельхора бросили нас посреди дороги, как мусор.

— И что будем делать? — с болью в голосе поинтересовался Матео.

— Вернемся на корабль, — ответила я, стараясь, чтобы боль не заставила меня заговорить слабым или женственным голосом. — Нам нужна корпия, мази, винный уксус и розмарин... Сегодня уже поздно, но завтра на рассвете мы отправимся к властям Картахены и заявим об исчезновении. Мы не можем позволить, чтобы Мельхору де Осуне это сошло с рук. Мы с вами обыщем всю Твердую Землю в поисках отца, если понадобится.

Вдруг раздался жуткий вопль, от которого мы все вздрогнули. Это был Лукас, который, никого не предупредив, решил вставить на место сломанный нос, чтобы навсегда не остаться кривым.

Когда он наконец-то замолчал, мы слышали, как кто-то зовет нас издалека.

— Хаюэйбо! — воскликнул Родриго.

— Они пришли за нами, — с облегчением прошептал Матео.

Оказывается, Хаюэйбо и остальные, увидев, что уже близится вечер, а от нас нет никаких известий, вышли из Картахены с намерением нас найти. Они были уверены, что с нами что-то стряслось, хотя и не понимали, что именно, пока не услышали наши стоны и как мы зовем друг друга по имени, и тогда бросились бежать по дороге, пока не наткнулись на нас.

С их помощью и не желая проводить ночь в таком виде посреди поля, мы с трудом поднялись на ноги и с охами, стонами и кровоточащими ранами дошли до окраин Картахены, где призвали на помощь индейцев и чернокожих Гефсиманского квартала — они

взвалили нас на плечи и доставили в порт. Неподалеку от главной площади к нашей жалкой процессии приблизились альгвасилы, поинтересовавшись причиной подобного положения. Как мы и подозревали, услышав имя Мельхора де Осуны, они попытались увильнуть и даже угрожали отправить нас в тюрьму, если мы немедленно не покинем город.

В весьма печальном состоянии мы добрались до «Чаконь», где о нас позаботились Гуакоа и юнги. Тогда-то и начались настоящие мои проблемы. Как позволить Хуанито, Николасито, Антону, Томе, Мигелю, Гуакоа или Хаюэйбо снять с меня одежду, чтобы перевязать раны? Я собрала все оставшиеся силы и нетвердым шагом добралась до корпии и всего остального и направилась в отцовскую каюту, которая была побольше моей и с более удобным ложем, выслушивая по дороге протесты своих товарищей, которые не могли понять мое странное поведение. Только лежащий на палубе Родриго крикнул, чтобы меня оставили в покое, что я — испанский идальго (а так оно и было с тех пор как отец меня усыновил), а идальго никогда не позволит, чтобы какой-то простолудин, вульгарный плебей, видел его в таком неприглядном состоянии, и что они должны восхищаться моим мужеством и смелостью и уважать волю человека благородного лечиться самостоятельно.

Это была не очень хорошая выдумка, но так или иначе она спасла меня от проблем. Я была так слаба, что даже не сообразила, что раз Родриго оказал мне такую любезность, это означает, что он в курсе моего секрета.

Я сделала всё, что было в моих слабых силах, чтобы перевязать раны, и рухнула на отцовскую постель, испытывая такую страшную боль, что, как мне рассказали на следующий день, даже не слышала громкий стук в дверь, когда Гуакоа хотел спросить, как я себя чувствую.

Когда поутру я вышла из капитанской каюты, трое других раненых спали в своих гамаках. Солнце уже несколько часов как встало, но наши товарищи, к моему неудовольствию, оставили нас отдыхать и не собирались будить, пока мы не проснемся сами. Однако я собиралась посетить городской совет Картахены. Я должна была заявить о странном и тревожном исчезновении своего отца, дабы закон сделал то, что нам не под силу: заставил Мельхора открыть правду.

На завтрак я съела немного хлеба и сыра, а вино придало мне бодрости. Передвижение в одиночку оказалось непосильной задачей, хотя, в отличие от остальных, у меня не было ни единой сломанной кости, и я попросила помощи у Хаюэйбо и Хуанито, вместе с ними, а также с Антоном и Мигелем, я сошла на берег на Морской площади Картахены.

На пристани царила суматоха, а рынок был полон народа. Некоторые знакомые торговцы, увидев, что я хромаю, подошли с расспросами. Со слезами на глазах я рассказала о том, что произошло — столько раз, сколько просили, и слухи разнеслись по всему рынку. Торговец Хуан де Куба, добрый друг моего отца, закрыл свой прилавок и вызвался меня сопровождать, а с ним и некоторые другие: Кристобаль Агилера, Франсиско Сердан, Франсиско де Овьедо. Почти все те, кого мы с Родриго расспрашивали по поводу братьев Курво. Исчезновение отца и мои жуткие раны тронули их сердца и разбудили гнев. Заботливость, с которой эти добрые люди отнеслись к отцу, принесла мне утешение.

И вот, в сопровождении этой внушительной толпы, я вышла из порта. Хуанито и мулаты остались присматривать за шлюпкой, а Хаюэйбо, обняв меня за талию и крепко схватив за руку, которую я перекинула ему через плечо, осторожно вел меня вперед, пока, вынырнув из переулка, мы не очутились на главной площади, где располагалась прекрасная резиденция губернатора, дона Херонимо де Суасо Касасолы, там же собирался и городской совет. Мы

подошли к кафедральному собору и свернули к колоннаде, под которой собирались писцы, и когда я почувствовала, что больше не могу сделать ни шагу и вот-вот грохнусь в обморок, мы наконец-то подошли к дверям резиденции.

Вход охраняли два аркебузира. Увидев, что приближается столько народу, а нас было не меньше пятнадцати человек, они закрыли собой двери.

— Мне нужно повидаться с алькальдом Картахены, — сказала я со всей твердостью, которое позволяло мое состояние.

— А эти люди, вас сопровождающие? — спросил один из стражников, подняв забрало, чтобы их рассмотреть.

— Это мои друзья, — ответила я. — Я пришел, чтобы предъявить наши требования.

— Все пройти не смогут, — заявил другой стражник — крепкий юноша с длинным усами.

— Я войду один, но мне понадобится помощь, — я показала на Хаюэйбо.

— Хорошо, но только индеец. А остальные останутся здесь.

Я повернулась к торговцам и сказала:

— Подождите нас здесь, друзья. Я скоро вернусь.

Мы с Хаюэйбо двинулись внутрь, следуя указаниям солдат, пересекли зал и огромную приемную и оказались в прекрасной галерее, выходящей на восток, поднялись по каменным ступеням и вышли в другую галерею, идентичную той, что и на первом этаже, и там прямо перед нами находилась дверь кабинета алькальда, дон Альфонсо де Мендосы-и-Карвахала, ее тоже охраняли аркебузиры.

Они скривились, когда я заявила, что хочу предъявить требование, словно в их обязанности входило принимать меня и разрешать мои проблемы, но в конце концов, прождав довольно долгое время, за которое я несколько раз чуть не упала, я встретила лицом к лицу с Альфонсо де Мендосой.

Алькальд был высоким и худощавым человеком с белой кожей, острой бородкой и напомаженными усами. Он восседал за столом в удобном кресле и оглядел меня с любопытством и нетерпением. По его бокам сидели писцы с кипой документов и принадлежностей для письма. Услышав, как мы вошли, секретарь за столом у окна повернул голову.

— Я хочу заявить требование, — произнесла я в третий или четвертый раз.

— И чего же вы хотите? — поспешно спросил секретарь.

Я отдала шляпу Хаюэйбо и левой рукой сняла с шеи футляр с документами и протянула ему. Он явно был раздражен тем, что приходится вставать, чтобы их забрать, но я была не в состоянии сделать еще шаг. Секретарь был одет во всё черное, за исключением белых чулок и пышного белого воротника, а на туфлях красовались большие черные банты. С моими бумагами он приблизился к дону Альфонсо и произнес:

— Речь идет о Мартине Неваресе, ваше превосходительство, законном сыне идальго Эстебана Невареса, торговца и жителя Санта-Марты.

— И чего вы хотите, юноша? — спросил алькальд.

— Я заявляю, что мой отец вчера вечером исчез из дома Мельхора де Осуны, жителя Картахены.

Перья писцов остановились, секретарь сглотнул, а дон Альфонсо побледнел и насупил. В кабинете воцарилась мертвая тишина.

— Мне кажется, вы немного торопитесь, юноша, — сказал наконец алькальд. —

Мельхор де Осуна — почтенный торговец и имеет в этом городе хорошую репутацию, и вы не можете обвинять его без доказательств и свидетелей.

— У меня есть доказательства и свидетели, ваше превосходительство, — заявила я.

После моих слов снова на долгое время повисла тишина. Никто не пошевелился.

— Лучше присядьте, сеньор Мартин, — сказал дон Альфонсо, встревоженно почесав бороду. — Расскажите обо всем, что случилось, попонятнее, и я решу, удовлетворить ли ваше требование и принять ли ваших свидетелей и доказательства или отправить вас в тюрьму за клевету на честного человека.

Честного человека! Я испытывала искушение рассмеяться, но серьезность положения и угроза тюрьмы заставили меня сохранять спокойствие. Мельхор де Осуна — честный человек! Мог бы и не показывать свое бессилие так очевидно.

С многочисленными стонами я позволила Хаюэйбо помочь мне сесть на стул, который писец поспешно поставил для меня перед столом алькальда.

Я объяснила про долг моего отца и аренду потерянного имущества. Сказала, собрав всю боль и ярость, скопившиеся в моем сердце, что накануне вечером отец отправился на гасиенду Мельхора, чтобы выплатить последнюю треть ежегодного платежа, и больше не вышел из дома, что свидетелями тому были мои товарищи с корабля, испанцы Лукас Урбина, выходец из Мурсии, Матео Кесада из Гранады и Родриго из Сории, все христиане, уважаемые люди, чьему слову можно верить; что мы вчетвером находились перед гасиендой всё то время, пока отец отсутствовал, и он не мог бы оттуда выйти, чтобы мы этого не заметили, а мы его не видели; что когда мы приблизились к дому, чтобы расспросить о нем, нам сказали, что он ушел, и это явно было враньем, и что, когда мы не приняли эту ложь, двадцать рабов Мельхора по его приказу избили нас самым жесточайшим образом, как можно наблюдать по моему состоянию, а мои товарищи пребывают еще в худшем и даже не могли покинуть корабль; что мы очнулись, когда уже стемнело, и люди из Гефсиманского квартала помогли нам добраться до пристани, потому что идти мы не могли, и, наконец, я упомянула об унижительных словах Мельхора, которые он бросил моему отцу, когда тот платил ему в августе.

— Он сказал, что постоянно молится о его смерти, — с ненавистью выговорила я, — что ожидание слишком затянулось и что, когда он предлагал контракт на аренду имущества, он не рассчитывал, что отец проживет так долго, — прошептала я. — После событий вчерашнего дня у меня не было времени поразмыслить, да я и не хотела думать о том, что отец погиб от рук Мельхора, но, несмотря на то, что горе меня просто оглушило, я не могу не задаваться вопросом — что еще могло случиться с отцом, который вчера не вернулся на корабль, если, по словам этого пройдохи Мельхора, и правда таинственным образом ушел с гасиенды, так что мы не заметили. Если даже он потерял рассудок по причине своего преклонного возраста, ваше превосходительство, кто-нибудь наверняка вернул бы его на корабль. Но он до сих пор не вернулся. И по этой причине я уверен и повторяю вашей милости, что на гасиенде Мельхора с моим отцом стряслось что-то ужасное, и требую от вас, как от судьи Картахены, использовать все ваши возможности и власть, чтобы выяснить, где мой отец и что произошло. Сами понимаете, сколько горя и тревоги причинит эта новость Марии Чакон, его спутнице жизни, когда дойдет до Санта-Марты.

Писцы, секретарь и алькальд переглянулись, а потом опустили глаза, их лица были бледны, как у покойников, а на лбу блестели капельки пота. Через некоторое время алькальд поднял голову и обратился ко мне со всей серьезностью, в то время как я пыталась сдержать

свое беспокойство, сжав кулаки.

— Никак не могу понять, любезный сеньор, — сказал дон Альфонсо несколько вызывающе, — с какой стати Мельхору де Осуне причинять вред вашему отцу. Разве он не выплачивает приличные суммы за аренду дома, лавки и корабля, по вашим же словам?

Я изо всех сил зажмурилась, чтобы сдержать слезы.

— Именно так, ваше превосходительство, — ответила я дрожащим голосом. — По словам этого негодяя, десяти лет выплаты за аренду вполне достаточно. Он хотел получить обратно имущество, поскольку, как он нагло заявил, денег он уже имеет достаточно, больше губернатора. Однако он и за миллион мараведи не хотел отказываться от права владения нашим домом в Санта-Марте, кораблем и лавкой, потому что хорошая мебель и недвижимость со временем лишь растут в цене.

Я знала, что в эти мгновения происходит у них в головах. Фамилия Курво не прозвучала, но витала в воздухе. Дон Альфонсо де Мендоса уже видел опасность для своей позиции и должности, но всё же не мог под каким-либо предлогом отвергнуть мое требование, потому что закон был на моей стороне и скандал мог разлететься очень далеко — я собиралась, если отец не объявится или будет найден мертвым, дойти с этим делом до королевской канцелярии в Санта-Фе, а это то же самое, что представить дело лично королю Филиппу.

И дон Альфонсо знал, как знала я и все остальные, какие последствия это возымеет: если он проигнорирует мое требование и не предпримет никаких мер для расследования исчезновения испанского идадьго, его могут навсегда лишиться права занимать какие-либо государственные должности в Индиях и даже бросить в тюрьму или изгнать из Нового Света. Как бы ему ни хотелось этого избежать, придется начать расследование и принять свидетельские показания от обеих сторон.

— Хорошо, сеньор, — ответил он, вытерев лоб изящным платком из тонкого голландского полотна. — Мои писцы запишут ваше требование, а вы тем временем подождите снаружи. Вас позовут, чтобы подписать бумагу, когда они закончат. Вы умеете писать, сеньор?

Мне пришлось сжать кулаки, чтобы подавить внутреннее негодование.

— Дон Альфонсо, случаем не решили ли вы отказаться от поисков моего отца?

На его лице отразились все противоречивые чувства, которые он ощущал. В свои двадцать два года я ни разу не видела такого трусливого поведения со стороны такого важного человека.

— Конечно же нет, сеньор Мартин Неварес, — неохотно признал он. — В ближайшие дни мы организуем отряды, чтобы поискать вашего отца в окрестностях Картахены.

— Клянусь жизнью, ваше превосходительство! — негодуяще воскликнула я. — Не могу понять ваших действий! Вы что, решили не искать его в доме Мельхора де Осуны, где, скорее всего, он и находится? Соберите эти отряды, когда его не окажется на гасиенде, но сейчас, ваше превосходительство, нужно обыскать дом Мельхора.

Я была уверена, что в эту секунду алькальду хотелось меня задушить.

— Так я и сделаю, — пробормотал он. — Я немедленно прикажу отряду солдат этим заняться, а тем временем сообщу сеньору Мельхору о вашей просьбе.

В этих словах мне послышалась скрытая угроза, хотя, возможно, дело было лишь в моем боязни реакции Осуны. Без отца мы с командой «Чаконь» стали легкой добычей для мерзавца вроде Мельхора. А кроме того, половина команды ранена. Я сказала себе, что по возвращении на корабль следует установить строгое расписание вахты, чтобы предотвратить

ту опасность, которой я страшилась.

Я не стала терпеливо дожидаться, пока меня вызовут подписать бумаги. С трудом передвигая ноги, при помощи Хаюэйбо я вышла на улицу, чтобы сообщить о случившемся добрым друзьям с рынка, ожидающим снаружи. Негодование поведением алькальда было беспредельным. Они тут же, испросив у меня разрешения, отправились собирать торговцев с Морской площади. Нельзя было прождать еще целый день, пока дон Альфонсо будет обыскивать окрестности, заявили они. Еще до полудня они сами вместе со всеми, кто пожелает помочь, займутся этим делом. Мой отец или его тело, с грустью добавили они, появится еще до наступления ночи, если солдаты не найдут его в доме Мельхора де Осуны. Один из торговцев, весьма возбужденный, громко объявил свое недоверие подобному обыску, но другие молчали и не стали его поддерживать.

Когда меня наконец вызвали обратно в алькальду, на пристани уже собрались отряды для поисков, и, как мне сказали, весьма многочисленные, потому что печальное известие быстро распространилось по Картахене, и многие решили присоединиться. Торговые дома, лавки, таверны, игорные притоны, бордели и цирюльни закрыли свои двери, а их хозяева, служащие и рабы присоединились к торговцам с рынка.

Капитаны стоящих в гавани кораблей решили, что их долг — сотрудничать с горожанами, и меня уверили, что еще до полудня сотни человек прочешут окрестности Картахены. Метисы и индейцы бедных кварталов тоже присоединились к поискам, и к вечеру весь город искал моего отца, кроме солдат, губернатора и алькальда, знати, судей и королевских чиновников, писцов, епископа и священников и, разумеется, самых крупных торговцев вроде Курко и их людей.

Я вернулась на «Чакону», чтобы сообщить товарищам обо всем, что произошло в ратуше и происходит в это самое время в Картахене. Эти решительные и закаленные во многих драках люди не могли скрыть своих чувств, когда узнали, как высоко ценят их капитана.

— Как бы он был рад это узнать! — воскликнул Лукас, голос которого звучал гнусаво из-за сломанного носа.

Те члены команды, которые не были ранены, дали слово, что будут нести вахту, и никто не поднимется на борт без нашего разрешения. Лукас, Родриго и Матео, отдыхающие в своих гамаках, заявили, что тоже будут присматривать за палубой. Я удалилась в отцовскую каюту, чтобы наложить новую порцию мазей на раны и поменять повязки. Но стоило мне закрыть за собой дверь, как мной овладела такая усталость и тоска, что я расплакалась и рыдала горше, чем даже в тот далекий день четыре года назад, когда я плакала на моем острове из-за неизвестности и одиночества.

Наверное, я так и уснула в слезах, потому что с наступлением вечера меня разбудил настойчивый стук в дверь. Я ошеломленно открыла глаза, раны еще причиняли мучительную боль. К тому же после завтрака я ничего не ела, и мне срочно нужно было перекусить.

— Кто там? — спросила я, приподнимаясь на постели.

— Гуакоа, капитан.

Я улыбнулась. Либо Гуакоа ошибся, либо повысил меня в звании без моего ведома.

— Входи.

Штурман, высокий и стройный, как все индейцы племени тайрона, пригнул голову, чтобы войти в дверь.

— Прибыла шлюпка с солдатами и торговцами, капитан. Они хотят поговорить с вашей милостью.

— С каких это пор я стал капитаном, Гуакоа, и с каких пор ты так со мной разговариваешь?

— Вы — сын своего отца, капитан. Кто же еще, если не вы, теперь командует на этом корабле?

— Хватит болтать глупости, — ответила я с горечью и с трудом поднялась. — Иду.

Гуакоа вышел и закрыл за собой дверь. Я не хотела становиться капитаном «Чаконь», не хотела, чтобы случилось то, что произошло. Во второй раз в жизни я осталась без отца и желала лишь, чтобы он немедленно вернулся и всё стало как прежде.

Я вышла из каюты и увидела на палубе солдат и торговцев, о прибытии которых объявил штурман. Хватило одного взгляда на их лица, чтобы понять, что они не нашли отца. Именно эти солдаты обыскивали дом Мельхора. По их словам, а я могла лишь верить им на слово, они заглянули под каждый камешек гасиенды, но так ничего и не нашли, они клялись, что осмотрели даже печи, которые по их приказу потушили рабы, дабы убедиться, что там не находятся обугленные останки.

Глава отряда также добавил, что по требованию закона Мельхора де Осуну поместили под стражу, и сейчас он находится в камере городской тюрьмы и останется там, пока дело не будет раскрыто. Он не рассказал, как на всё это отреагировал Мельхор, и я посчитала, что не стоит спрашивать его об этом, чтобы не выдать своих опасений, что люди Мельхора или его кузенов решат отомстить и разделаться со мной, чтобы покончить с расследованием. Не стоило давать им понять, что я ожидаю подобного.

Хуан де Куба, Франсиско Сердан и Кристобаль Агилера, приплывшие в шлюпке вместе с солдатами торговцы, сообщили, что им тоже повезло не больше. Они искали моего отца везде в радиусе половины лиги от Картахены, добрались даже до болота Теска, но не нашли ни единого намека на то, что он там проходил, хотя я не должен падать духом, заверили они, поиски не окончены, и многие хотят к ним присоединиться. Если будет необходимость, они доберутся и до реки Магдалена, которая протекает в двенадцати лигах от берега, и не остановятся, пока не найдут его или его тело. У меня в глазах выступили слезы, когда я благодарил их за усилия и пригласила разделить с нами ужин. Они с радостью приняли приглашение, а солдаты тем временем возвратились в порт.

На следующий день многочисленные отряды, вышедшие на заре, к вечеру вернулись ни с чем. И то же самое произошло через день и через два. Мельхора де Осуну, как человека порядочного, по словам алькальда, выпустили из тюрьмы и позволили ему вернуться домой, поставив на страже двух солдат, чтобы предотвратить возможный побег. Торговцы помогли нам удвоить стражу на корабле, поскольку, как и я, они тоже опасались реакции семьи Курво и поделились со мной своими тревогами, а также желанием помогать во всем.

Через неделю, когда я уже была полностью уверена, что отец не появится, а по городу распространились слухи, что его тело наверняка находится в болотах Теска и не всплывет на поверхность до ближайшего сезона дождей, я отправила матушке письмо с рассказом об этих печальных событиях. Я не могла больше это откладывать, как бы мне ни было сложно. В конце письма я молила ее не совершить никакого безумства и не появляться в Картахене, поскольку я сама обо всем позабочусь, а также попросила ее оказать любезность и прислать денег нам на жизнь, пока не закончится процесс, который, казалось, никогда не завершится, ведь дон Альфонсо, по всей видимости, занимался другими, более неотложными делами.

Наконец, в понедельник, двадцать девятого ноября, меня вызвали к алькальду для дачи показаний. В его кабинете, в присутствии Мельхора де Осуну, который глядел на меня с

нескрываемой ненавистью, представляющего его адвоката, некоего Андреса де Арельяно, и многочисленных любопытствующих горожан (свидетельские показания являлись публичной процедурой) я повторила точь-в-точь те слова, что произнесла в первый день, ничего не прибавив и не убавив, а потом ответила на вопросы алькальда и адвоката.

Мое выступление длилось всё утро, а после полудня настала очередь Мельхора, который, выслушав все мои аргументы, полностью их отрицал и пытался принизить значение моих слов, выставив меня безумцем, пытавшимся ворваться в его дом с намерением затеять драку, поскольку именно мой человек первым вытащил шпагу, заставив его защищаться. После такой паутины лжи я хотела спросить, как возможно, лишь защищаясь, нанести нам такие раны, в то время как у него не оказалось ни одной, но раз у меня не имелось адвоката (для нас нанять его было слишком дорого), то и некому было задать этот вопрос, так что я попросила Матео, Родриго и Лукаса, когда придет их очередь давать показания, воспользоваться этой возможностью, чтобы добавить эту мысль к своим словам.

На следующий день, во вторник тридцатого числа, утром настал черед Матео. Во второй день собралось столько народу, чтобы послушать выступления, что пришлось перенести процесс из кабинета алькальда в приемную дворца, и там всё равно не хватило места для всех. Адвокат Арельяно набросился на Матео с коварными вопросами, ведь именно он первым обнажил шпагу, после чего началась драка, и адвокат возвращался к этому снова и снова.

Наш товарищ признал свою вину в том, что первым обнажил шпагу, но отразил все прочие инсинуации, заявив, что речь идет не о том, кто спровоцировал драку, а о том, что произошло с капитаном Эстебаном Неваресом, который не выходил из гасиенды Мельхора де Осуны после того, как выплатил ему долг. Адвокат и алькальд пытались увильнуть от главного преступления, сосредоточив внимание на драке, которая была лишь его последствием, и делали вид, что считают, будто эту драку, такую важную для них, спровоцировали мы, а не Мельхор.

После полудня Лукас твердо и четко объяснил, спокойно почесывая бороду, мы не двигались с места, дожидаясь капитана, и находились в сотне шагов от входа в гасиенду, в тени кокосовых пальм, так что Эстебан Неварес никак не мог выйти незамеченным.

На вопрос адвоката Арельяно о том, почему, по его мнению, солдаты не смогли отыскать моего отца на гасиенде Осуны, Лукас с видом премудрого учителя, каковым он и являлся, заявил, что гасиенда находится за пределами Картахены и что обвиняемый имел достаточно времени, пока мы израненные лежали на дороге, чтобы вытащить капитана из дома, живого или умирающего, и перенести его в одно из своих многочисленных владений на Твердой Земле, а если он был уже мертв, то избавиться от трупа в окружающих город болотах.

Одобрительный шепот прокатился по всем уголкам большой приемной, и услышав его, алькальд и адвокат, чтобы сменить тему и дать Мельхору преимущество, вызвали его управляющего, того негра по имени Мануэль Ангола, что встретил нас в дверях дома с аркебузой.

Поскольку Мануэль Ангола был рабом, ему не предложили сесть, и он оставался на ногах, пока говорил, повернувшись спиной к публике. Непонятно, почему дон Альфонсо де Мендоса разрешил рабу давать показания, это и незаконно, и не принято, но они совершили уже так много нарушений, что еще одно не имело значения. Мануэль Ангола был к тому же

единственным свидетелем со стороны Мельхора, совершенно уверенного в том, что выиграет это дело с помощью алькальда, настроенного весьма благосклонно в отношении кузена братьев Курво.

Раб начал с того, как мы прибыли на гасиенду, и рассказал всё, что произошло потом, вплоть до того момента, когда нас бросили на дороге посреди зарослей тростника. Затем адвокат Арельяно спросил, правда ли, что, как утверждает его хозяин, торговец Эстебан Неварес вышел из гасиенды после уплаты долга, на что Мануэль громко и четко ответил, что нет, и это поразило всех присутствующих. Столпившиеся в приемной горожане стали подниматься и кричать, на что алькальд, побледнев, как покойник, приказал солдатам установить тишину. Адвокат, ошеломленный ответом раба, сказал, что тот, должно быть, как человек невежественный, не понял вопроса, и задал его снова. Теперь он говорил со свидетелем так, словно тот был ребенком, спросив его, вышел ли Эстебан Неварес из дома, отдав деньги. Мануэль Ангола совершенно невозмутимо ответил, что нет.

Лицо Мельхора де Осуны исказилось, словно он узрел дьявола. Его озарила ярость, а кулаки Осуны сжались на коленях с такой силой, будто он собирался кого-то убить. Шум в приемной стал таким громким, что солдатам пришлось ткнуть пиками в нарушителей спокойствия, чтобы они замолчали. Дон Альфонсо, полумертвый от ужаса, спросил раба, известно ли тому местонахождение сеньора Эстебана, и тот ответил, что он не знает, где тот находится, но уверен, что он не покидал дом, поскольку всегда присматривает за входом и видел, как тот входил, но не видел, как выходил.

Адвокат Арельяно нервно потеревил воротник и поинтересовался, уверен ли тот в серьезности своего заявления и знает ли о том ущербе, которое оно нанесет его хозяину, на что Мануэль Ангола ответил, что да, но он добрый христианин и, посоветовавшись со своим исповедником, решил рассказать правду, поскольку меньше страшится гнева сеньора Мельхора, чем гнева Господнего, который может осудить его на вечные муки, ежели солжет. Своим добрым сердцем он заслужил симпатии публики, и ему зааплодировали, как на театральном представлении.

После этого адвокат Арельяно заявил, что Эстебан Неварес мог бы ускользнуть через конюшни, на что Мануэль Ангола ответил, что это невозможно, потому что конюшни в доме Мельхора огорожены высоким забором и оттуда нет другой двери кроме как на кухню, а бревна в частокале больше трех вар в высоту, чтобы рабы гасиенды не воровали животных или заготовленного для них корма. В конце концов у адвоката не осталось другого выхода, кроме как спросить, не знает ли он, что случилось с Эстебаном Неваресом и что произошло, на это он ответил, что не знает, он присматривал за дверью и мог лишь разобрать отдельные слова, которые выкрикивал его хозяин, а потом появились мы вчетвером, интересуясь моим отцом, и он солгал нам по приказу Мельхора де Осуны.

Выкрики присутствующих стали столь громкими, а скандал — таким неминуемым, что алькальду пришлось прервать процесс и оставить свидетельства Родриго на следующий день.

Пораженные тем, что только что произошло, мы вышли на площадь в сопровождении друзей, которые радостно кричали, словно было что праздновать. Вся Картахена интересовалась этим делом. На площади собралась толпа в ожидании новостей о событиях. Через некоторое время по всему городу уже разнеслась молва о заявлениях раба, и когда наконец мы прихрамывая добрались в порт, все владельцы таверн и лавок приглашали нас выпить стаканчик рома или чичи, но мы отказались от всех приглашений — хотя люди и считали, что можно праздновать победу и Мельхор де Осуна обречен, у нас не было

настроения праздновать, даже несмотря на то, что это веселье устроили в нашу честь и в честь моего отца.

Мы забрались в шлюпку и молча гребли до «Чаконы», пока до наших ушей доносились поздравления и радостные крики людей, понимавших нашу боль, но не готовых отказаться от веселья. Не каждый же день выигрываются сражения против таких людей, как Мельхор де Осуна, который той же ночью наверняка вернется в темницу, откуда вышел по причине своей «порядочности». Теперь он уже не сможет отвертеться, и признаюсь, я чувствовала глубокое и мстительное удовлетворение.

Мы прибыли на корабль, и все, кто был в состоянии работать, занялись будничными делами. Не годится мужчинам бездельничать и позволять «Чаконе» наполняться водой или превращаться в рассадник крыс, вшей или тараканов. Мигель взялся за приготовление ужина, а остальная команда разделила задачи и принялась за дело. Я же заперлась в отцовской каюте и села за стол, чтобы написать длинное письмо, что, несомненно, займет добрую часть ночи.

На следующий день, ровно в десять утра, мы вернулись ко входу во дворец, окруженные толпой, не перестающей веселиться, словно на празднике в честь какого-нибудь святого. Этим утром пришел черед Родриго давать показания, и хотя он мало что мог добавить к уже сказанному, он обязан был сделать заявление и ответить на вопросы, если их зададут. Мы договорились, что если увидим, как Мельхор попытается избежать наказания с помощью какого-нибудь ловкого трюка, я подам знак, чтобы Родриго рассказал о нашем приятеле Иларио Диасе, управляющим складом в Борбурате, обо всем, что он поведал нам в ту ночь.

Солдатам пришлось отогнать столпившихся вокруг зевак, чтобы мы могли добраться до стульев неподалеку от алькальда, рядом с которым, ко всеобщему изумлению, сидел губернатор и военный наместник, дон Херонимо де Суасо, занявший сегодня место председательствующего. Его присутствие, как и два капитана пехоты, командующие большим отрядом вооруженных людей, заставили всех зрителей подозревать худшее, но я решила не подавать виду, что чего-то боюсь.

Мне было всё равно, что сегодня в этом зале присутствует губернатор, раз ему так захотелось... по крайней мере, я так думала, чтобы не позволить панике взять надо мной верх. Дон Херонимо со всей придворной галантностью взял на себя труд объяснить публике, что находится здесь из-за того огромного интереса, который пробудило это дело у горожан, и что его первейшая обязанность — присутствовать на этом процессе, поскольку в любой момент вице-король может попросить у него отчета. От этого разумного объяснения мне не стало спокойней, но я постаралась взять себя в руки и поблагодарила его за оказанную честь.

Родриго предстал перед публикой и с учтивым жестом занял отведенное для свидетелей кресло. Он скромно повторил то, что и так уже все знали, время от времени бросая на меня косые взгляды. Я оставалась невозмутимой. У нас еще было время. Я хотела услышать вопросы — как от дона Альфонсо, так и от адвоката Арельяно. В то утро Мельхор де Осуна не присутствовал в зале. Во мгновение ока из человека «порядочного» он превратился в заключенного. Уже скоро он окажется на галерах, если еще раньше его не повесят на главной площади. Всё зависело от того, что произойдет нынче утром. И тут я почувствовала, как кто-то похлопывает меня по плечу, пытаюсь привлечь внимание. Я обернулась и подняла голову. Ко мне склонился негр с забрызганным грязью лицом и в лохмотьях и прошептал на ухо:

— Это для вас.

Я гордо протянула руку и взяла то, что он мне протягивал. Негр тут же выпрямился и скрылся в толпе. Родриго продолжал рассказывать, как нас избивали двадцать рабов Мельхора. Я сломала сургучную печать и прочитала документ, после чего повернулась к Хуанито, который на сей раз вместо того, чтобы остаться у шлюпки, пошел с нами на слушания, и сделала ему знак одними бровями. Юнга тихонько прошмыгнул к выходу.

Когда Родриго снова бросил на меня взгляд, я улыбнулась.

После его показаний весь город притих в ожидании вердикта дона Альфонсо де Мендосы, который, без сомнений, провел худшие мгновения своей жизни и все последние часы совещался как с губернатором, так и с руководителями Святой эрмандады [\[37\]](#), судьями и королевскими чиновниками, двенадцатью членами городского совета и даже с епископом.

Наконец, в полдень субботы, четвертого декабря, до «Чаконь» из порта донеслись громкие крики. Мы через оба люка высыпали друг за другом на палубу и высунулись за борт, чтобы рассмотреть, что происходит и кто кричит, увидев на пристани огромную толпу, люди махали руками и бросали в воздух шляпы. Несколько наполненных людьми шлюпок направлялись к нашему кораблю, и к нашему величайшему удивлению, мы услышали пушечный салют с близлежащих бастионов Санта-Каталина и Сан-Лукас.

Сердце в моей груди гулко забилось и наполнилось радостью, потому что это могло означать только хорошие новости. Наша команда собралась у борта, наполовину высунувшись через борт, и выкрикивала вопросы гребцам в шлюпках, но те их не слышали на фоне всеобщего гама. Хуанито и Николасито, проворные, как неуловимые ящерицы, бегали с кормы до носа, спуская веревочные трапы и открывая шпигаты, чтобы прибывшие гости не намокли. Наконец, когда первую шлюпку от нашего корабля отделяло меньше двадцати вар, Хаюэйбо радостно вскрикнул:

— Капитан!

— Что? — спросила я.

Отец! В шлюпке плыл отец! Он поднял руку и поприветствовал нас. Он выглядел усталым, но счастливым, а на его лице сияла удовлетворенная улыбка. Отец, живой и невредимый, и к тому же довольный! Юнги визжали и подпрыгивали, а мои товарищи кричали, выстрелы же артиллерии звучали так, будто Картахену посетил сам король. Я тоже не могла удержаться и завопила:

— Отец! Отец! Сюда, отец!

— Мартин! — крикнул он, пройдя на нос шлюпки, чтобы забраться на корабль. — Мартин!

Когда корпуса шлюпки и корабля столкнулись, отец схватился за трап и без какой-либо помощи начал быстро подниматься на «Чакону». Выглядело это так, словно у него выросли крылья на сапогах, хотя они были порваны, так что торчали пальцы. Ни чулок, ни подвязок на нем не было, а плундры порвались и были заляпаны грязью. Рубашка же почернела и превратилась в лохмотья, обнажив кожу.

Вся остальная его одежда и шляпа пропали, и если бы на его лице, руках и ногах было хоть чуть-чуть больше грязи, его можно было бы принять за глиняную статую. Он весь был изранен, но так крепко меня обнял, что я тут же поняла — с его здоровьем всё в порядке, более того, он никогда так хорошо себя не чувствовал, хотя воняло от него, как от стада свиней или от кожевенной мастерской. Он точно нуждался в хорошей ванне.

— Отец! — радостно воскликнула я, обняв его в ответ.

— Какая радость! — повторял он, счастливый оттого, что вернулся на свой корабль.

Когда он отошел от меня, чтобы обнять моих товарищей, я помогла взобраться на борт Хуану де Кубе и остальным торговцам и всем мужчинам из шлюпки. Все были счастливы, и пока меня сжимали в объятиях и поздравляли с чудесным возвращением отца, слезы навернулись мне на глаза.

В последней шлюпке прибыл официальный представитель городского совета, одетый в черные плундры, короткий коричневый плащ и сорочку с большим воротником. При первой же возможности он пожал мне руку и отвел в сторонку.

— Вашего отца, — сказал он серьезным тоном, — захватил опасный беглый раб по имени Доминго Бьохо. Он находился в его власти всё это время.

Увидев написанное на моем лице изумление и испуг, он кивнул.

— Он едва избежал смерти, с ним обращались грубо и жестоко. Нам следует возблагодарить небеса, за то что он остался живым и невредимым.

— Это уж точно, сеньор, — отозвалась я, нахмурившись.

— По всей Твердой Земле не сыщешь такого мерзавца, как этот Доминго Бьохо. Шесте лет он насмехается над законом, и если не убил вашего отца, то только лишь потому, что с его помощью передал сообщение дону Херонимо де Суасо, губернатору Картахены.

— Сообщение? — удивилась я.

— Уверен, что вы всё узнаете, — ответил тот любезно, с вежливой улыбкой на серьезном лице, — после празднования этой счастливой встречи, а я лишь могу сказать, что вашего отца нашли нынче утром на заре, брошенного на старой туземной тропе. Группа индейцев из деревни Тубара шла в Картахену на рынок и услышала из-за скал стоны и стенания. Они тут же решили посмотреть, в чем дело, и обнаружили вашего отца лежащим на земле с кровоточащими ранами. С величайшей осторожностью они подняли его на мула и отвезли в больницу Святого Духа, где вашего отца узнали братья ордена Святого Хуана и назвали его по имени, а потом сообщили городским властям. Напившись и наевшись, ваш отец начал приходить в себя, отказался от дальнейшего лечения и попросил немедленно отвести его к губернатору, потому что у него имеется важное сообщение. Меньше чем через час он оказался у дона Херонимо и алькальда, дона Альфонсо, после чего получил разрешение покинуть дворец и отправиться в порт. К тому времени слухи о его чудесном появлении уже разошлись по всей Картахене, и на главной площади собралась толпа, которая теперь переместилась в порт.

Несколько секунд чиновник молчал, наблюдая за собравшимися на пристани людьми, не прекращающими кричать, но потом сказал мне кое-что еще.

— Вы должны знать, сеньор, — произнес он со всей серьезностью, — что Мельхор де Осуна на свободе.

Я кивнула.

— Вполне справедливо, сеньор.

— Хорошо. Вижу, что вы человек совестливый. Мельхора выпустили из тюрьмы, как только узнали, что ваш отец жив.

— А как отец выбрался из его дома в тот день, сеньор, могу я поинтересоваться?

— Ваш батюшка заявил, что когда он пересекал двор, чтобы присоединиться к вам, то получил сильный удар по голове и потерял сознание, а после этого ничего не помнит. Можно лишь предположить, воспользовавшись логикой, что Мануэль Ангола, управляющий Мельхора де Осуны, устроил во вторник спектакль, поскольку после выхода из дворца он исчез, и хотя тогда все решили, что сделал он это из страха, теперь можно предположить,

что он был человеком Доминго Бьохо, работал на него в городе, и что тот расплатился с ним за эту услугу, приютив в одном из своих поселений. В общем, сеньор Мартин, управляющий защищал самого себя, когда заявлял о том, что ваш отец не покидал дома Мельхора.

Чиновник бросил на меня задумчивый взгляд.

— Мануэль Ангола, видимо, по-тихому оттащил вашего бездыханного отца в укромное место, а потом отдал его беглым рабам Доминго.

Я закрыла глаза и вздохнула. И тут услышала громкие раскаты смеха, доносившиеся со стороны команды и друзей с рынка.

— Не хочу даже думать о том, что пережил отец в эти кошмарные недели, сеньор. Теперь он расскажет нам об этом, не сомневаюсь, потому что, судя по словам вашей милости об ударе по голове в первый день и о ранах, с которыми его нашли индейцы, должно быть, он побывал в настоящем аду. Я решила, что пора распрощаться с чиновником и присоединиться к радостному кружку вокруг отца. — Благодарю вас, сеньор, за то, что добрались до корабля и сообщили мне обо всем. Передайте от моего имени дону Альфонсо и губернатору, что я в долгу перед ними за неоценимую помощь и всё то добро, которое они нам сделали.

— Я передам.

— Скажите им также, что как только я высажусь на берег, то немедленно засвидетельствую им свое почтение лично.

— Вы можете сделать это нынче же вечером, сеньор, — заявил он. — Учитывая интерес и симпатии к вашему отцу всего города, дон Херонимо Суасо решил устроить сегодня, в субботу, и завтра, в воскресенье, народные гулянья, где будут танцевать, устраивать поединки, читать стихи и метать кольца.

— Дон Херонимо умеет всё устроить, — улыбнулась я.

— Это точно, сеньор Мартин, — согласился чиновник, отвесив горделивый поклон на прощанье. — Об этом уже оповестили весь город.

Я ответила на поклон и проводила его до борта корабля, чтобы помочь спуститься по трапу. Как только он оказался в шлюпке, я повернулась к отцу и прислушалась к его словам.

— ... и тогда дон Херонимо сказал: «Сеньор Эстебан, вы выказали мужество, достойное не просто испанского идальго, а испанского кабальеро», а я ответил: «Это точно, дон Херонимо, потому что я сильно сомневаюсь, что какой-нибудь другой человек моего возраста мог бы выдержать такое, ведь эти проклятые изгои били и хлестали меня кнутом каждый день». «Вы получите компенсацию, сеньор Эстебан», — заверил губернатор и велел принести подушек для моего кресла, на что я ответил: «В этом нет необходимости, дон Херонимо, с меня хватит и того, что я выбрался из этого мрачного и грязного поселка живым, потому что, когда меня не пытали, то кусали крысы и змеи».

Я сдержала улыбку, хотя не переставала думать о том, как отец страдал эти две недели в поселении Бенкоса, питаюсь как король, наслаждаясь праздниками и африканскими танцами и отдыхая на удобном ложе в сухом и комфортном жилище, при неустанной заботе какой-нибудь молодой и благодарной беглой рабыни, выученной прислуживать в главной усадьбе. Безусловно, он тяжело страдал.

— И что сказал губернатор, когда вы вручили ему послание главаря беглых рабов? — спросил заинтригованный Кристобаль Агилера.

— Ты что, не понял, дружище? — разозлился отец. — Я ничего не вручал дону Херонимо. Я же сказал, что меня заставили выучить его наизусть кнутом и ударами.

— Хорошо, пусть так, — согласился тот. — И что он сказал?

— Ничего. Он молчал. Но хотя он молчал, в голове дона Херонимо несомненно роились мысли. Он лишь попросил, чтобы я повторил это длинное послание, и писцы могли записать его на бумаге своим четким почерком.

— Наверняка сейчас эту бумагу изучают все власти, — заметил Родриго.

— Это уж точно, — отозвался отец, — потому что послание касается важных вещей.

— Не знаю, как такое может быть, Эстебан, — возразил его друг Хуан де Куба. — О каких таких важных вещах может сообщить губернатору Картахены беглый преступник? Насколько я понял, губернатор немедленно собрал отряд солдат, чтобы атаковать поселения беглых рабов, поскольку ты предоставил им новые сведения.

— Замолчи, приятель, — рявкнул отец, — ты что, повредился в уме? О каких еще сведениях ты говоришь? Я что, разве четко и ясно не сказал, что в тот день, когда меня похитили, мне так дали по голове, что я потерял сознание, а очнулся уже в поселке? Разве я не объяснил, что после очередного избиения меня бесчувственного взвалили на мула индейцы и отвезли в больницу? Какие сведения я мог дать дону Херонимо?

— Сам заткнись, шельмец! — улыбнулся Хуан де Куба. — Помолчи и устыдись своих слов! Ты что, еще не понял? Разве ты не видишь, что означают твои слова? Что поселение этого проклятого беглого раба, этого дьявола во плоти, находится в нескольких часах от Картахены, еще до реки Магдалены, и губернатор уж точно это заметил и не замедлит выехать с солдатами, чтобы снова прочесать окрестности.

Именно на это мы и рассчитывали — чтобы солдаты отправились как можно дальше от того места, где на самом деле находилось поселение.

— И в чем же заключалось это длинное послание, отец, которое велел передать Доминго губернатору? — осведомилась я.

— Ах, Мартин, сынок, иди сюда! — воскликнул он, распахнув объятия. — Как же я тобой горжусь, мальчик мой! Как ты обо всем позаботился!

Он взял меня за плечи и крепко обнял. Несомненно, две недели в поселении пошли ему на пользу.

— Хочешь знать, что содержалось в послании этого мерзкого беглеца? — спросил он с широкой улыбкой.

— Да, отец, — ответила я, напустив на себя непонимающий вид, хотя я лично составляла это послание в Санта-Марте, накануне отплытия в Картахену.

— Ну так слушай внимательно, я повторю его целиком только для тебя.

— Нет, капитан, Бога ради, только не целиком!

— Мой сын имеет право его услышать! — рявкнул отец, получающий удовольствие от окружающего его внимания.

— В этом нет необходимости, — сказала я. По правде говоря, это был длинный текст, содержащий несколько петиций и договор. — Ваша милость может рассказать вкратце.

— Ладно, — согласился он, насмешливо глядя на меня. — Я сокращу до главного. Слушай внимательно. В послании Доминго Бьохо губернатору говорилось, что, поскольку он нанес поражение всем посланным для его поимки солдатам, и раз эти поражения будут происходить и в дальнейшем, он считает, что настало время предложить властям сесть за стол переговоров. Этот бандит попросил у дона Херонимо документы об освобождении для всех живущих в его поселениях, без каких-либо обязательств бывшим хозяевам и с правом беспрепятственно входить и выходить из городов. Он попросил, чтобы его поселения были

признаны законными, и войска больше на них не нападали, но белые люди не смогут в них жить, они будут управляться по африканским традициям, если те не противоречат испанским законам.

— Кем он себя возомнил? — негодуяще воскликнул Франсиско Сердан, еще один старый друг отца.

— Следующая петиция...

— Следующая петиция? — удивленно воскликнула я. Я не помнила, чтобы добавляла другие петиции. Только договор.

— Да, сынок, — сказал отец, сделав нетерпеливый жест. — Проклятый Доминго хочет иметь право одеваться, как испанский кабальеро, носить шпагу и кинжал, и чтобы солдаты его за это не арестовали. Он также требует от испанских властей, чтобы с ним обращались, как с королем.

— Сдается мне, отец, — изумилась я, — что у этого короля гордость хлещет через край.

— Хорошие слова, мальчик мой! — заявил Хуан де Куба. — Нужно побыстрее покончить с ним и со всеми этими подлецами. С теми сведениями, что твой отец дал губернатору...

— Вот же упрямец! — воскликнул отец.

— Точно, с того самого дня, как меня родила матушка, — довольно согласился тот.

— Что ж, отец, — продолжила я. — Этот король наверняка должен был что-то предложить взамен, раз столько просит.

— Он и предложил, сынок. Во-первых, больше не похищать добропорядочных горожан, представителей властей и влиятельных персон, как он похитил меня, хотя заявляет, что если с ним не станут вести переговоры, то будут и другие жертвы, и живыми они не вернуться.

— Вот подонок! — взорвался Кристобаль Агилера. — Сукин сын! Да как он смеет? Угрожать всем жителям города! Так он заставит все знатные семьи Картахены умолять губернатора начать переговоры.

— И еще кое-что. Он говорит, что после подписания договора не станет принимать в своих поселениях больше ни единого беглого раба.

— И всё? — поинтересовался Кристобаль Агилера. — Ну и дела!

— И это вполне серьезно, сеньор Кристобаль, — возразила я. — Вы знаете, сколько негров, мулатов, самбо и представителей прочих каст сбежали из городов Твердой Земли за последние пять лет, чтобы присоединиться к Доминго Бьохо? И не сосчитать. И все подчиняются этому человеку, называющему себя королем. Припомните сходы в Картахене и Панаме в начале прошлого, 1603, года, когда власти, понуждаемые отчаявшимися рабовладельцами, хотели разрешить проблему с помощью рабов-предателей, которые отводили солдат в поселения в обмен на свободу.

— Это верно, — признал сеньор Кристобаль.

— И как вы помните, ваша милость, это плохо кончилось, — добавила я. — Предателей находили на улице мертвыми, с перерезанным горлом и отрезанным языком. Каждый день бегут десятки рабов, каждую неделю — сотни, а каждый год — тысячи, сеньор. Закрывать поселения для новых беглецов — это щедрое предложение, которое весьма благосклонно воспримут хозяева рабов.

— Твой сын хорошо соображает, Эстебан, — сказал Франсиско де Овьедо.

— И весьма! — гордо подтвердил отец. — Ты даже и представить себе не можешь, дружище Франсиско, насколько он сообразителен!

Всё это пришло мне в голову в тот день, когда отец повредился умом, выйдя из дома Мельхора де Осуны. Увидев его таким потерянным и удрученным, я поняла, что он не проживет и года, если я не придумаю способ добиться справедливости и наказать Мельхора де Осуну, заставив его вернуть отцу имущество, чтобы он не провел свои последние дни в унынии и печали.

Я стремглав помчалась на поиски Родриго, который грузил табак вместе с остальной командой, и попросила его сходить со мной на рынок и расспросить людей. Мы не нашли иного способа покончить с Осуной, кроме как обвинить его в серьезном преступлении, чтобы за дело взялись власти, а его могущественные кузены не могли вмешаться и спасти его. Но он не только должен был попасть в руки закона, но и я собственными слабыми руками должна была изловчиться и добиться того, чтобы Курво не пошевелили и пальцем для его спасения, а лишь убедили бы его вернуть дом, лавку и корабль. И всё это должно было случиться в нужное время, чтобы Мельхор не улизнул.

Прежде всего мне предстояло выяснить все подробности про могущественных братьев Курво, и в то время я решила, что лучшим способ это сделать будет послушать разговоры в порту. Когда мы обнаружили, что никто не знает, какие товары привозят торговые суда Курво из Севильи, и что братья всегда имеют в запасе товары, которые не провозит ежегодный флот, я поняла, что мы имеем дело с серьезными и очень богатыми противниками, и усилиями скромных торговцев вроде нас с ними не справиться. Но всё же, раз это не было направлением, на котором можно преуспеть, наверняка найдется другое — с такими мошенниками можно разобратся только с помощью какой-нибудь уловки или ловушки.

Поэтому я решила разузнать о них как можно больше и, вспомнив про трюк с зеркалом, тот самый, который мой товарищ устраивал, чтобы увидеть карты противника, я решила, что, поставив зеркало перед Мельхором, смогу вызнать самые тайные слабости его кузенов, при этом сбив их с толку нашими ложными действиями, так мы сможем загнать в капкан их всех и добиться желаемого.

Тогда я решила, что никто не должен знать о моей задумке, потому что, если кто-нибудь развяжет язык, то всё пойдет прахом. Именно потому я была так разочарована, когда матушка перехватила меня, когда я возвращалась после встречи у речушки Мансанарес с Санто и перепуганным Франсиско, незаконнорожденным сыном Ариаса.

Однако, выслушав мой рассказ о том, что нам с Родриго поведал Иларио Диас в Борбурате, что мы оба выяснили в Картахене и что мне рассказал той ночью у реки бедолага мулат, матушка воодушевилась и сказала, что она придумала выход, ведь никто не знает о Курво столько, сколько мы двое, и если мы отправимся к вдовствующей графине Беатрис де Барболья и расскажем ей, что документ о чистоте крови, выданный Диего Курво, является фальшивкой, а в его венах течет еврейская кровь, то свадьба с юной Хосефой де Риаса не состоится, и Курво навсегда лишатся заветной возможности стать дворянами и подняться на вершину социальной лестницы.

Эта идея была не так уж плоха, хотя я сомневалась, что подобное заставит Мельхора де Осуну вернуть нам имущество, скорее наоборот, мы навлечем на себя гнев братьев Курво,

которые могут сильно осложнить наше положение, если у них появится такое желание. Задача заключалась в том, чтобы загнать их в ловушку, и они не смогли бы причинить нам вреда. Через некоторое время у меня не осталось больше идей, но вдруг матушке пришла в голову другая мысль — обратиться не к графине, а к самим братьям Курво. Дело было за малым: в чем обвинить Мельхора де Осуну, чтобы пришлось вмешаться закону и поместить его в тюрьму, а потом и на эшафот, и чтобы никто не мог этому воспрепятствовать? В убийстве. Но кого? Человека, которого Осуна имел причины убить в припадке ярости. У него имелись причины убить моего отца — из-за денег, и это подходило лучше всего.

И вот так, за разговором с матушкой той ночью, мы связали все ниточки, собрали все кусочки мозаики. Несомненно, всё начнется, когда придет срок выплаты. В этом году оставалась лишь одна, в декабре, но катастрофа с табаком и отказ Мушерона продать нам оружие заставили меня отправиться в путь раньше предусмотренной даты: нужно было оповестить короля Бенкоса о случившемся, чтобы он не рассчитывал на привычное количество оружия для защиты своих поселений.

Тогда-то я и поговорила с отцом, рассказав о задуманном. Поначалу он дал категорический отказ и назвал меня безумцем, но когда матушка тоже стала настаивать, эта идея уже показалась ему неплохой, и он решил, что мы должны ее придерживаться, раз ничего лучшего всё равно не придумали. Заметив мое раздражение, матушка сказала, что если однажды мне доведется вступить в брак, то я всё пойму, а до тех пор мне следует сохранять спокойствие. Я и правда успокоилась, хотя, честно говоря, испробовав свободу, мне не очень-то хотелось отдать ее мужу, который запрет меня в доме до конца дней.

Вот так отец без дальнейших объяснений согласился принять участие в обмане, и ночью накануне отплытия в Картахену я закрылась у себя в комнате и начала писать длинное послание для короля беглых рабов, где объясняла, что через два дня в его поселение прибудет мой отец, и я буду весьма ему благодарна, если он отправит людей, чтобы помочь ему добраться, ведь он уже в годах, и дорога через горы и болота для него слишком трудна. Эта часть меня беспокоила больше всего. Я знала, что король без промедления пошлет навстречу отцу самых сильных из своих подданных, но представляя, как отцу придется провести на болотах по меньшей мере день или полтора, в его-то возрасте и состоянии духа, я весьма тревожилась.

Я также объяснила Бенкосу причины того, что собираюсь сделать, и снова попросила его о помощи, в особенности это касалось раба, служащего у Мельхора, который увидит моего отца входящим в дом, чтобы отдать платеж, а на судебных слушаниях раб должен поклясться, что отец не выходил. Я знала, что Бенкос без труда найдет подходящего человека, потому что не было на Твердой Земле раба, не готового продать душу ради свободы. Главное, чтобы этот раб не испытывал угрызений совести, когда будет лжесвидетельствовать перед властями, поклявшись своей христианской верой, ведь его показания приведут Мельхора де Осуну на эшафот.

Всю ночь я провела за своим столом-шлюпкой, поскольку написала еще и послание с требованиями короля Бенкоса к губернатору Картахены. Я знала, что Бенкос хочет начать переговоры и положить конец войне. Его позиция была сильной, потому как он ни разу не проиграл ни одного сражения, а испанцы проиграли все. Так не могло больше продолжаться. Зная это его желание, я решила воспользоваться исчезновением отца и расплатиться с Бенкосом за многочисленные услуги, поспособствовав его переговорам с губернатором, и предложила способ испугать власти и влиятельных горожан, чтобы те заставили дона

Херонимо разговаривать с Бенкосом. Я отправила ему отлично написанное прошение со всеми его требованиями и предложениями, но не могла себе представить, что Бенкос добавит к нему собственные невероятные притязания, такие как одеваться по испанской моде и вооруженным входить в города. Это уже была целиком его идея.

На заре, простившись с матушкой и девушками, пришедшими в порт, мы отплыли из Санта-Марты, уже зная, что вернемся нескоро и что до этого произойдет много невероятных событий, а также, что если что-то пойдет не так, наше возвращение не будет таким счастливым, как мы надеялись. Но к тому времени как моряки, так и девушки борделя уже знали ситуацию. Отец собрал их в большой гостиной, пока я писала у себя в комнате, и рассказал обо всем, поскольку их помощь и молчание много для нас значили. Сообщить обо всем девушкам решила матушка, она заявила, что все они — члены семьи, даже животные должны присутствовать, чтобы выслушать предложение. Отец как всегда с ней согласился.

Всё было хорошо продумано. Как только мы сошли на берег в Картахене, я тут же послала Хуанито в плотницкую мастерскую с посланием для короля Бенкоса, наказав ему умолять тамошнего раба, чтобы доставил сообщение как можно быстрее. Четверым испанцам выпала задача сопровождать отца до гасиенды Мельхора. Раз именно нам потом придется обращаться к алькальду, исполняющему также роль судьи, то мы должны быть христианами и испанцами, закон не позволяет игнорировать наши требования и свидетельства. Так что Хаюэйбо, Антон, Черный Томе и Мигель стали ждать в порту, на случай, если нам понадобится их помощь, чтобы вернуться на корабль, ведь мы знали, что Мельхор де Осуна наверняка велит своим людям нас избить, чтобы силой изгнать из гасиенды.

Когда мы оказались на нужном расстоянии, отец оставил нас под кокосовыми пальмами — в тенистом месте, где мы могли бы прождать и час, не боясь палящего солнца. Лукас, Родриго, Матео и я очень беспокоились, мы не знали, чем закончится этот необычный день и выйдет ли всё так, как мы планировали. А я к тому же думала о страданиях отца, пробирающегося в одиночестве по опасным горам и жутким болотам, пока с ним не встретятся люди Бенкоса.

Мы сели на землю в тени и стали болтать и шутить, а когда увидели, как отец выходит из гасиенды и направляется напрямик в джунгли, то сделали вид, будто его не заметили, чтобы потом в этом поклясться, а затем продолжили смеяться, больше чтобы успокоить тревоги, чем от настоящего веселья.

Когда прошел еще час, мы заявили в дом. Всё должно было выглядеть по-настоящему, чтобы, когда настанет черед говорить, из нас не могли вырвать иное признание. Мы подошли к дому, познакомились с Мануэлем Анголой, тем рабом, что позже станет нашим главным свидетелем на суде (хотя тогда мы этого еще не знали, как и он), и столкнулись с Мельхором, который, естественно, решил, что мы рехнулись, и задал нам трепку.

Может, нам и удалось бы ее избежать, если бы Матео не вытащил шпагу из ножен, но Матео всегда трудно было удержаться, когда доходило до драки, и в результате из этого приключения мы вышли израненными и сильно избитыми, гораздо сильнее, чем я рассчитывала. Но тем не менее, всё получилось как нельзя лучше, в точности так, как мы и планировали, лишь жуткая боль по всему телу мешала мне ощутить себя совершенно счастливой, а также, разумеется, той ночью я слишком сильно волновалась за отца, чтобы насладиться своей первой победой.

На следующее утро, избитая и встревоженная, я приступила к исполнению второй части

этого трюка. С помощью Хаюэйбо, Антона, Мигеля и Хуанито я сошла на берег и направилась на рынок, повидаться с людьми. В особенности я хотела, чтобы в таком печальном состоянии меня увидели некоторые наши друзья торговцы, и по возможности те, что не побоятся пойти против властей, чтобы я рассказала им о случившемся, и молва разнеслась по всей Картахене.

Лишь при поддержке толпы я могла получить необходимые силы для того, чтобы бросить вызов братьям Курво. Чем громче окажется скандал, тем меньше вероятность, что они осмелятся нас тронуть, и тем скорее алькальд дон Альфонсо примет во внимание мои требования. Я взяла с собой Хуана де Кубу и других (Кристобаля Агилеру, Франсиско Сердана и Франсиско Овьедо) — самых крупных торговцев. Все были людьми преклонных лет, весьма известными в Картахене, а кроме всего прочего — дебоширами и скандалистами. Именно то, что нужно.

Пока мои товарищи мучились от ран на корабле, я нанесла визит дону Альфонсо де Мендосе-и-Карвахалю, городскому алькальду и судье, и представила ему свои требования, зная, что он попытается от них отвертеться, поскольку они касались богатого торговца, да к тому же родственника самого влиятельного семейства на Твердой Земле и в Новой Испании. Но я не собиралась ему это позволить. Я предусмотрела всё, чтобы он не мог изобрести никакого предлога.

Я знала, что перед алькальдом должна говорить лишь об исчезновении отца, и что, по моему мнению, он погиб от рук Мельхора, дав при этом достаточно оснований для начала расследования. Если бы я обвинила братьев Курво в какой-либо связи с грязными делишками их кузена, те не замедлили бы вмешаться всеми своими силами и ресурсами, ведь речь шла об их деятельности и богатстве, они не позволили бы поставить свое достояние под угрозу. Моим врагом должен был быть только Мельхор де Осуна, что до братьев Курво, то они не чувствовали в этом никакой угрозы себе и предпочли предоставить кузена собственной участи и отдать его в руки закона. Мне следовало придерживаться только темы об исчезновении отца, и помимо имеющих у Мельхора личных мотивов — денег и собственности, я рассчитывала и на заявление раба, которому надлежало появиться на суде. По этому поводу я не беспокоилась, доверяя Бенкосу и его возможностям.

Кому я не доверяла, так это Осуне, тот мог и попытаться нас убить, если вдруг ярость затуманит его разум. По этой причине я установила на «Чаконе» вахты и попросила торговцев и всех тех, кто был в курсе событий, разнести эту историю по всему городу, чтобы народ возмутился, пошли слухи и разговоры и собрались отряды для поисков моего отца, которые, похоже, не очень-то стремился организовывать алькальд.

Когда столь многочисленные группы горожан покинули свои дома и закрыли лавки, чтобы отправиться обыскивать окрестности, я начала успокаиваться. Если Мельхор и попытается на нас напасть, то тем самым только окажет себе медвежью услугу. Поиски отца лишь укрепят подозрения в убийстве, потому что тело так и не найдут, и все поверят, что Мельхор затащил его в какое-нибудь болото, где, как перешептывались люди, когда-нибудь и отыщется тело Эстебана Невареса.

Через неделю поиски еще продолжались, а я отправила письмо матушке, чтобы якобы поведать ей о случившемся. на самом же деле я сообщала ей, что всё идет хорошо («Не приезжайте в Картахену») и отец наверняка целым и невредимым прибыл в поселение Бенкоса («Пришлите денег на жизнь»), ведь его тело и вправду не было найдено. Если бы дела пошли наперекосяк, то я попросила бы матушку лично явиться в Картахену, а если бы с

отцом что-нибудь произошло во время побега, то я написала бы, что денег нам хватает, потому что мы скоро собираемся возвращаться.

В понедельник, двадцать девятого ноября, наконец-то начали выслушивать показания свидетелей. Приближалась развязка. Когда появился проинструментированный Бенкосом раб Мельхора, он сделал последний выстрел.

Когда я увидела в зале суда Мануэля Анголу, то испугалась, что всё закончится плохо. Вряд ли нам так повезет, что тот самый управляющий гасиендой, который помешал нам войти в дом и в присутствии Мельхора сказал, что отец уже ушел, теперь присягнет, что отец никогда не покидал дом. Я почувствовала такой же страх, как в тот миг, когда тетушка Доротея выкинула меня, не умеющую плавать, в ужасные океанские воды. И потому, услышав, как он четко и ясно произносит «нет» в ответ на вопрос адвоката Арельяно, выходил ли мой отец из гасиенды, я едва сдержала вздох облегчения, чтобы его никто не услышал, а сердце гулко забилося.

Я поняла, что Мельхор не может поверить своим ушам и то ли взорвется от ярости прямо в это мгновение, то ли убьет раба при первой представившейся возможности (но ее не оказалось, потому что в тот же день Мельхора заключили по стражу). И я начала наслаждаться мстостью, вне зависимости от остальных выступлений, я была счастлива и чувствовала удовлетворение. Осуна вместе со всей своей мелочностью и жадностью был повержен к моим ногам. Я своего добила. Теперь я должна была как можно быстрее вернуться на корабль, чтобы написать письмо, уже составленное в уме в день нашего появления в Картахене.

На улицах Картахены народ праздновал поражение Мельхора, а мы с товарищами вернулись на корабль, где я, даже не поужинав, заперлась в отцовской каюте, села за стол, взяла перо и бумагу и начала писать свое первое личное послание Ариасу и Диего Курво, это был первый контакт с ними из тех многих, что последуют позже.

Я начала с того, что описала свое происхождение (в качестве Мартина), а затем рассказала братьям все известные мне сведения об их кузене Мельхоре, о его торговле и о том, как ему удалось разбогатеть. Сообщила, что контракт об аренде, заключенный с моим отцом в результате обмана, был не единственным, пострадали и другие торговцы Твердой Земли, я упомянула имена, которые дал нам с Родриго Иларио Диас в ту ночь в Борбурате.

Я также сообщила о складах Мельхора на Тринидаде, в Борбурате и Коро и заявила, что подобные удивительные знания о том, каких товаров будет не хватать на Твердой Земле из-за того, что их не привезет следующий флот, наверняка получены от них, Ариаса и Диего, поскольку до меня дошли слухи об удачных браках их сестер с людьми, отвечающими за торговлю с Индиями: Хуаны Курво с Луханом де Коа, главой севильского Консульства, а Исабель Курво — с Херонимо де Монкадой, судьей и главным счетоводом Палаты по делам колоний, что находится напротив Трибунала по уплате пошлин.

Сообщила я и о том, что любой судья трибунала королевской канцелярии в Санта-Фе в Новой Гранаде сочтет неоспоримым, что они получили преимущества благодаря своим сестрам и зятям и их решениям в Консульстве и Палате по делам колоний по поводу кораблей и товаров в ежегодном флоте, да к тому же держали весь Новый Свет в нужде и при отсутствии самого необходимого.

Я закончила письмо, заявив, что имею неопровержимые доказательства подделки документа о чистоте крови Диего Курво, заказанного Фернандо у известного испанского геральдиста по имени Педро де Саласар-Мендоса, которого уже арестовывали за

фальсификацию генеалогического древа, а также мне известно, что в жилах братьев течет еврейская кровь, и потому судьба брака Диего с юной Хосефой де Риаса находится в моих руках, достаточно отправить записку вдовствующей графине.

Мое молчание, как и молчание других людей, которым всё известно, имеет цену: я хочу, чтобы на следующий же день, без промедления, пока Родриго из Сории будет давать свидетельские показания, мне принесли новый, подписанный Мельхором договор, где он вернет отцу в собственность дом в Санта-Марте, лавку и шебеку «Чакона», стоящую сейчас на якоре в порту Картахены, и что по этому договору любые долги и обязательства моего отца перед Мельхором, если таковые появятся, будут аннулированы.

В случае, если я не получу этого договора, Родриго из Сории расскажет о торговле Мельхора и его складах, что, без сомнения, забрызгает грязью и братьев Курво. Я хотела, чтобы нам дали отплыть из Картахены и позволили вести привычную спокойную жизнь торговцев, а при малейшей попытке причинить нам вред гарантировала, что всё рассказанное мной станет доступно публике, но мы лишь хотим, чтобы нас оставили в покое, и ожидаем того же и от братьев Курво — если они нас забудут, то мы забудем их.

Когда я подписалась, уже начало светать, и я приказала спустить шлюпку и отправить в порт Хуанито, чтобы он вручил письмо братьям Курво лично в руки.

Вернувшись, Хуанито рассказал, чего ему это стоило. В такой ранний час в этом роскошном доме слуги не желали будить хозяина, Ариаса Курво, чтобы перед ним предстал грязный чернокожий юнга. Выдержав целое сражение, Хуанито смог добиться своего и увидел, как побледнел Ариас, прочитав письмо. Хуанито просто вышвырнули на улицу, не удостоив и взглядом, и он вернулся на корабль.

Остальное уже известно. Пока Родриго давал показания, ожидая моего сигнала, чтобы пролить свет на грязные трюки Мельхора и братьев Курво, я получила заверенный нотариусом договор и позволила Родриго на этом закончить показания. Выйдя из дворца, я отправила сообщение королю Бенкосу, что отец уже может возвращаться, мы добились желаемого. И вот, три дня спустя считающийся покойным Эстебан Неварес появился в Картахене на спине мула и заляпанный кровью. Кровь и правда была его собственной, потому что Бенкос и его люди, чтобы обман не раскрылся, перед отъездом устроили ему легкую взбучку с парой ударов хлыстом по второстепенным частям тела вроде ключиц и ягодиц.

На Рождество девушкам борделя выпало много работы, но еще до окончания сухого сезона в новом, 1605 году, когда мы оправались от стольких событий, сначала неблагоприятных, а потом удачных, пришли важные новости. Во первых, говорили, что нападения на поселки после Рождества прекратились. Дону Херонимо пришлось униженно признать, что постоянные поражения военных в битвах с Бенкосом — это не тот аргумент, с помощью которого он может убедить влиятельных горожан Картахены, что способен предотвратить грабежи и похищения, таких как похищение моего отца, или даже смерть, как угрожали беглые рабы.

В жарком феврале, во время посещения Сандо в его поселке, где мы провели несколько дней, нам рассказали, что по окончании праздников Мельхор де Осуна отплыл обратно в Испанию на одном из посыльных кораблей Палаты по делам колоний.

Похоже, как сообщали наши доверенные лица, братья Курво не имели представления о грязных делишках Мельхора, пока не получили мое письмо, и лишь тогда узнали, что их протеже тайком использовал сведения, которые они держали в таком секрете. Узнав, что

родственник их обманывает и злоупотребляет доверием, Курво отняли у него всё, за исключением жизни, и силой посадили на корабль, чтобы тот вернулся в Севилью. На этом же корабле отправилось и письмо для Фернандо, где рассказывалось о случившемся, ему велели присмотреть за Мельхором, чтобы тот никогда не смог вернуться в Новый Свет.

Как же мы обрадовались, узнав об этом! Но в тот год нас ждали и другие сюрпризы. В апреле Бенкос попросил нас привезти груз оружия и пороха, поскольку не доверял затишью и спокойствию губернатора, подозревая, что тот готовит большую атаку на поселения. Раз урожай табака не ожидалось раньше мая, я попросила отца, чтобы мы отплыли загодя, чтобы вернуться на мой остров.

— Могу я узнать, какого дьявола ты там потерял? — серьезно спросил он.

Я не рассказала ему об открытии, что сделала в ту ночь с Сандо и Франсиско поблизости от Мансанареса, о фразе «Я бы отдал всё за пиратскую пушку», так что теперь пришлось поведать ему всё.

— Помнит ли ваша милость, — начала я, — ту старую историю о торговце из Маракайбо, который много лет назад нашел несколько зарытых на необитаемом острове старых бомбард, в которых обнаружил несметные сокровища, сделавшие его богатым человеком?

Он рассеянно посмотрел на меня и поднял брови, словно не понимая, о чем речь.

— Да, конечно. Это был Луис Тельес, житель Маракайбо. Но я не понимаю...

— А известно ли вашей милости, что пираты прячут сокровища в старых негодных пушках на многих необитаемых островках в наших карибских водах?

— Ну разумеется, да.

— А знаете ли вы...

— Хватит! — рассерженно рявкнул он. — Могу я узнать, о чем ты пытаешься рассказать?

— Простите, отец. Я лишь хотел сказать, что на моем острове, в пещере, полной летучих мышей, за много месяцев до вашего прибытия я нашел четыре фальконета, скрытые под слоем покрывающего пол помета.

Глаза отца сверкнули.

— Четыре фальконета? — заинтересовался он.

— Да, отец.

Он тут же нахмурился.

— И какое клеймо было выбито на дулах?

— Никакого, отец. Или они были такими старыми, что оно стерлось.

— Мартин! — довольно воскликнул он. — Ты нашел пиратские сокровища!

— Я тоже так думаю, отец.

— Так, значит, ты его не видел?

— Нет, отец, не видел. Дула были забиты пометом, а тогда я не знал, что может скрываться внутри, и не посмотрел. Я совершенно окоченел и сильно ударился о фальконеты, так что упал, к тому же летучие мыши начали возвращаться. Поэтому я подумал, — заключила я, — что мы могли бы заглянуть на мой остров до того, как отправиться за табаком, и если там и вправду сокровища, мы купим оружие у Мушерона на обратном пути, не останавливаясь на плантациях.

Даже сделавшись богачами, мы не могли бросить Бенкоса, если он попросил о помощи, ведь он не покинул нас, когда мы обращались за помощью к нему.

— Так тому и быть! — согласился отец. — Но ты должен знать, что по возвращении из плавания я хочу отойти от дел. Я в последний раз отправлюсь на «Чаконе» в качестве капитана.

Я онемела от удивления.

— Я стар, Мартин, — объяснил он, выглянув в окно кабинета, в котором мы сидели. — Скоро мне исполнится шестьдесят пять лет. В моем возрасте не следует командовать кораблем, — он немного помолчал, а потом рассмеялся. — Это уж точно, ни одного капитана моего возраста не сыщешь! В общем, я хотел сказать, мальчик мой, что возлагаю заботы о «Чаконе» на тебя. Хочу, чтобы ты стал ее капитаном.

— Капитаном «Чаконь»? — еле выговорила я.

— А почему же нет? Ты мой законный сын, хороший моряк и торговец, ты сообразителен, как прекрасно это показал, и честен, как никто другой. Так какие еще нужны добродетели?

Я задумчиво замолчала.

— Единственная добродетель, которой мне не хватает, отец, это быть мужчиной. Где это видано, чтобы кораблем управляла женщина?

Отец рассердился.

— Ты что, не можешь позабыть эту несчастную Каталину Солис? — воскликнул он, стукнув кулаком по столу, а потом фыркнул и снова посмотрел в окно. — Не можешь, правда ведь?

— Не могу, отец. Я Каталина Солис, хотя имя для меня никогда не имело значения, но я женщина, и сменив одежду и документы, я всё равно не превратилась в вашего сына Мартина. Я женщина, отец, я Каталина, хоть и выгляжу как парень.

Мы оба погрузились в печальное молчание. Он хотел иметь сына, а я упрямо называла себя женщиной.

— Ладно! — рявкнул он, стукнув по столу еще раз. — Оставайся Каталиной! Но ты должна знать, что были и другие женщины, управляющие кораблями, более того, адмиральши, командующие целым флотом его величества.

Я открыла рот от изумления.

— Ты никогда не слышал о донье Исабель Баррето, супруге дона Альваро де Мендании, первооткрывателя Соломоновых островов, которая была адмиралом и первой обнаружила множество островов? Десять лет назад, после смерти ее мужа во время плавания, она переделалась в его платье, взяла его оружие и повела галеоны на Филиппины, причем даже сама держала румпель во время шторма. Что скажешь, а? И она не единственная, уверяю тебя. Есть и другие, менее известные, поскольку занимали не такое высокое положение.

Так значит, я не единственная нахожусь в таком безумном положении? Адмиральша флота его величества! Вот кем я хотела бы стать! Так я и заявила отцу, и теперь он разинул рот от изумления.

— А до тех пор, может, тебя устроит позиция капитана «Чаконь»?

— Разумеется, отец.

— Так тому и быть! — воскликнул он, поднимаясь, чтобы меня обнять.

Мы отчалили на следующей неделе и через пятнадцать дней плавания Гуакоа провел «Чакону» через гряду рифов, окружающих тихие лазурные воды моего острова. Мы бросили якорь и высадились в шлюпке на пляж. В моей памяти не сохранилось почти ничего из прошлого. Моя жизнь началась в тот день, когда я прибыла на этот белый пляж на борту

стола-шлюпки, и вернувшись сюда, я почувствовала, будто вернулась домой, что этот остров — мой потерянный дом.

Мы поднялись на холм и добрались до ближайшей к моей хижине заводи. Хаюэйбо, бывший ловец жемчуга из Кубагуа, вызвался меня сопровождать. По всей видимости, он сомневался в моей способности набрать достаточно воздуха в легкие, но я скоро показала, что он ошибся. Мы добрались до пещеры летучих мышей одновременно, и при всем своем опыте он дольше пытался отдышаться.

Старинные фальконеты по-прежнему лежали там. Хаюэйбо палкой вспугнул омерзительных животных, свисающих с потолка, а я тем временем вытаскивала помет, забивший дула пушек. Я не поверила своим глазам, когда очистила первую. А в особенности, когда опустошила вторую. Что уж говорить про третью и четвертую: золотые серьги с жемчугом, гранатовые ожерелья, медальоны, золотые цепочки, браслеты с кораллами, золотые булавки и кольца с изумрудами, прекрасные столовые приборы из золота с инкрустацией драгоценными камнями, пятьдесят или шестьдесят золотых слитков и десять или пятнадцать серебряных, а еще дублоны и дукаты, заполняющие пустоты. Целое состояние. Капитан или адмирал, но всю оставшуюся жизнь я буду очень богата, поскольку, как заявил мне отец, предупредив об этом и других членов команды, всё найденное в фальконетах будет принадлежать только мне.

Мы с Хаюэйбо несколько раз пересекли связывающий пещеру с заводью тоннель, пока не вытащили все сокровища. Остальные, как ни пытались, не могли оставаться без воздуха столько времени, чтобы добраться до цели.

Всё сложили в мою каюту, таково было желание отца, этим он хотел показать, что ничего не достанется ни ему, ни остальным, но я всё же разделила дублоны на всех, выдав каждому сумму согласно рангу, чтобы не возникли споры.

Расставаясь с моим островом, я плакала, как плакала в тот день, когда покидала Севилью и Испанию, уверенная, что мне не суждено вернуться. Этот клочок земли, затерянный в океане, дал мне так много, не только сделал меня сильной и независимой, но и превратил в богатейшего на Твердой Земле человека. Опираясь руками о борт корабля, я смотрела, как остров уменьшается на горизонте, пока совсем не исчез. На «Чаконе» царило безудержное веселье, мои товарищи жаждали поскорей явиться в первый же порт, чтобы потратить дублоны на свои прихоти. Они чувствовали себя такими же богачами, как и я, но, похоже, стремились избавиться от денег, потратив их на увеселения и пирушки.

Однако на Маргарите нас с отцом поджидал другой сюрприз. Как обычно, когда мы там причаливали, я осталась на борту, чтобы избежать риска столкнуться со своим дядей, таким образом я оказалась на корабле одна, пока остальные спустились на берег, чтобы повеселиться. Примерно около полуночи шлюпка с командой вернулась. Почти все были пьяны, а их карманы опустели, но все были счастливы и довольны. Поднявшись на борт, отец схватил меня за руку и потащил в свою каюту.

— Доминго Родригес мертв! — воскликнул он, не успев толком закрыть дверь.

Полусонная, я не сразу его поняла.

— Ты овдовела! Ты что, не слышишь меня? Твой кошмарный муж мертв!

Оказывается, во время эпидемии оспы, обрушившейся на остров в прошлом году, когда мы плавали в поисках последнего табака по всем Карибам, мой муж, Доминго Родригес, скончался от этой болезни. И он оказался не единственным умершим членом семьи, поскольку дядя Эрнандо тоже скончался, как и его партнер и мой свекр Педро Родригес.

— Ты наследница своего дяди и супруга! — объяснил мне отец. — Начиная с прошлого сентября латунная мастерская принадлежит тебе. Мне сказали, что в живых не осталось ни одного члена семьи, и поэтому в этом году ее продадут на торгах. Что ты намерена делать?

Ошеломленная этой новостью, я пыталась пробудить разум, чтобы ответить отцу. Если я снова стану Каталиной Солис, то смогу остаться на Маргарите, занявшись латунным производством, и вести мирную и обычную жизнь богатой вдовы, если же останусь Мартином, то могу стать капитаном и адмиралом. Весьма сложное решение в такое время суток. На меня нашло какое-то наваждение, потому что тогда мне казалось вполне разумным, что я смогу совместить и то, и другое. Почему бы нет? У меня бы получилось. У меня имелись документы Каталины и документы Мартина. Почему бы не использовать обе мои личности?

— Да это просто безумие, — заявил отец, когда я ему рассказала.

— А разве не ваша милость подкинули мне эту идею, когда усыновили два года назад?

— Я? — удивился он.

— Припомните, отец, у меня ведь хорошая память. В тот день, когда вы объявили, что усыновили меня, прежде чем выйти из комнаты, вы весело рассмеялись и сказали, что хотели бы дожить до того дня, когда я стану пользоваться обоими именами по своему выбору. Разве это не так?

— Так, — хмыкнул он, и по его лицу я поняла, что эта двойная игра его искушает и веселит. Как и меня. Почему бы нет?

Мы добрались до полуострова Арайя, еще не зная, что этот раз станет последним, когда мы видимся с фламандцами, потому что еще до конца года, в ноябре, несколько военных галеонов, известных под именем Армада океанских морей, напали на Арайю, застав всех врасплох, изгнали оттуда добытчиков соли, торговцев и гукоры и покончили с Мушероном и многими другими. Мушерона казнили за пиратство, а мы и не возражали. Сожалели ли мы о его смерти? Не знаю, мне кажется, что нет, хотя в тот же день, загружая на корабль оружие, мы еще совершенно не представляли, чем всё закончится. Мушерон обращался с нами без какого-либо уважения, и увидев, что мы не привезли табак, разорался как бешеный, но был изумлен, когда мы показали ему драгоценности, которыми собираемся расплатиться. Сияние золота и драгоценных камней погасило его возмущение и запечатало рот.

Немного погодя мы вручили оружие Бенкосу в устье реки Магдалена, хотя на сей раз нас поприветствовал Сандо, когда мы сошли на берег. Впервые с ним не было короля Бенкоса.

— Отец тайно встречается с доном Херонимо де Суасо, губернатором Картахены, — объявил Сандо с очевидной гордостью.

— Король Бенкос в Картахене? — поразила я.

— Нет, братец Мартин, отец не такой дурак. Он уже во второй раз встречается с доном Херонимо посреди джунглей, между болотами, и место выбирают и согласовывают оба, чтобы обеспечить собственную безопасность.

— Так значит, — довольно заметил отец, — они пришли к соглашению.

— Похоже на то, сеньор Эстебан. Хотя есть один пункт, по которому они никак не могут прийти к соглашению. Губернатор готов пойти на всё, но только не обращаться с моим отцом по-королевски, как он того требует. Говорит, что на одной территории не может быть двух королей, а Филипп III — единственный король на этой земле. Если отец отступится, а он ни под каким видом на это не идет, то для наших поселений настанет мир.

— Неужели он не может отказаться от титула короля ради жизни своих подданных? — удивилась я.

Лицо Сандо приняло скучающее выражение.

— В Африке он был королем, братец! — воскликнул он, раздраженно фыркнув и оглядывая своих людей, складывающих оружие и порох в каноэ, которые затем направлялись вверх по Магдалене. — С самого рождения я от него ни о чем другом и не слышал. Никто не заставит его отречься. Но всё же мне почему-то кажется, что он об этом подумывает. Надеюсь, он так и поступит.

— И я надеюсь, — сказал мой отец.

В понедельник, двадцать восьмого июля 1605 года, Бенкос Бьохо, известный также как Доминго Бьохо, король беглых рабов Твердой Земли, свободно вошел в Картахену, чтобы подписать соглашение о мире, которое, кроме всего прочего, делало законными поселения беглых рабов, предоставляло им всем свободу и, что самое важное, позволяло Бенкосу одеваться как благородному испанцу. Он отказался от своего титула короля, но не от уважения, которое заслуживал правитель, и не от чувства собственного достоинства.

Проведя несколько недель в Санта-Марте за долгими беседами с отцом и матушкой, которая, конечно же, не могла не вмешаться в такое важное решение, много гуляя вдоль Мансанареса и посвятив много часов чтению, я задумала следовать принятому на Маргарите решению: стать и Мартином и Каталиной одновременно.

Я заявлю о своих правах на латунную мастерскую (сказав, что провела много лет на необитаемом острове, после чего меня спас торговец), обоснуюсь там, в доме покойного дяди, и стану Каталиной Солис, юной вдовой двадцати трех лет. Когда я буду посещать Санта-Марту или плавать на «Чаконе» вместе с ее командой, я останусь Мартином Неваресом, молодым человеком чуть моложе двадцати. Причин для такой неслыханной дерзости было множество, но самыми весомыми для меня оказались две: во-первых, отец хотел иметь сына Мартина, наследника и продолжателя благородного рода, который позаботится о его имуществе и большой семье, когда его не станет. Лишь так он может упокоиться с миром, сказал отец.

Во-вторых, я хотела вернуть собственную личность, хотела перестать быть Мартином, хотя бы время от времени ощущать себя Каталиной, женщиной, лишь так я могла чувствовать себя хорошо, хотя и ненавидела унижительное и рабское положение, в котором пребывали женщины. Я нуждалась в свободе Мартина и сущности Каталины. Чего бы мне это ни стоило, я стану двумя одновременно.

Чего я не могла предугадать в 1605 году, когда приняла свое решение, что и Мартин, и Каталина обретут широчайшую известность во всем Новом Свете, что Мартин будет управлять пиратским кораблем, а Каталина... Хотя нет, больше ни слова. Ведь это уже другая история.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Твердая Земля — так называлась провинция в испанских колониях на севере южноамериканского материка, включающая современные Колумбию, Венесуэлу и Панаму.

Хубон — верхняя часть мужского костюма с высоким стоячим воротником, украшенным по краю белым рюшем.

Плундры — короткие, мешковатые мужские брюки из ткани или бархата, с вертикальными прорезями, показывающими подкладку, поэтому их также называли штанами с начинкой.

Асумбре — старинная мера объема жидкости, равная 2,16 литра.

Одна лига — примерно пять с половиной километров.

Вара — мера длины, равная 0,838 метра.

Фальконет — артиллерийское орудие калибра 1-3 фунта (как правило, диаметр канала ствола 45-65 мм).

Ропон — верхняя парадная мужская аристократическая одежда с большим отложным меховым воротником и откидными от локтя рукавами.

В колониальном обществе Нового Света почти с самого начала происходило быстрое смешение белых, черных, индейцев и китайцев, в результате чего образовалось множество каст, официально записываемых в документы каждого человека. Метисы были детьми испанца и индейца, мулаты — испанца и негра, койоты, или чоло — детьми индейца и метиса, квартероны — детьми испанца и метиса.

Паташ — небольшой двухмачтовый шлюп.

Гаспар де Кирога и Вела — архиепископ Толедо, в 1573-1594 годах — Великий инквизитор.

«Жизнь Ласарильо из Тормеса: его невзгоды и злоключения» — испанская повесть, которая была издана анонимно в Бургосе, Алькала-де-Энаресе и Антверпене в 1554 году. Рассказывает о судьбе мальчика, поневоле становящегося плутом в жестокой борьбе с нищетой и голодом. Одно из наиболее ярких сочинений литературы Возрождения; положила начало плутовскому роману. Была опубликована в самый разгар испанской Инквизиции и позже запрещена католической церковью по причине резко антиклерикального характера произведения.

Триденский собор — XIX Вселенский собор католической церкви, проходивший в 1545-1563 годах в Тренте (или Триденте, лат. Tridentum). Был одним из важнейших соборов в истории католической церкви, так как он собрался для того, чтобы дать ответ движению Реформации. Провозгласил брак священным (раньше он таковым не считался).

Гальюнная фигура (носовая фигура) — украшение на носу парусного судна. Фигура устанавливается на гальюн (свес в носовой части парусного судна). На этом же свесе устанавливались отхожие места для экипажа, поэтому в настоящее время гальюном называют туалеты на кораблях.

Латинский парус — косой парус. В отличие от прямых парусов, позволяет судну идти круче к ветру.

Сажень — старинная мера длины, равная длине обеих вытянутых рук. В Испании равнялась 1,67 м.

Энкомьенда — это форма зависимости населения испанских колоний от колонизаторов. Введена в 1503 г. Отменена в XVIII веке. Местные жители «поручались» энкомендеро (поручителю) и обязаны были платить налог и выполнять повинность. Изначально энкомьенда предполагала ряд мер, которые должны были проводиться колонистами, по обращению индейцев в христианство и приобщению их к европейской культуре. Однако в ходе воплощения в жизнь она почти повсеместно выродилась в крепостное право.

Умунукуну — индейское название Сьерра-Невады, горной цепи неподалеку от Санта-Марты. Самый высокий пик — 5780 м.

Примерно соответствует территории современной Колумбии.

Термин «Новая Испания» в ту эпоху означал все территории севернее полуострова Юкатан.

В переводе на современные деньги эта сумма примерно равна тридцати тысячам евро.

В 1599 году из Севильи к Твердой Земле отплыл флот, состоящий из шести военных галеонов под предводительством адмирала Франсиско Коломы, чья миссия заключалась в том, чтобы сражаться с английскими кораблями и забрать из колоний груз жемчуга, золота и серебра. В 1600 году торговые суда тоже не направлялись в колонии Твердой Земли, только в Новую Испанию.

Портулан (или портолан) — морская карта эпохи Возрождения, на которой в основном показана береговая линия и слабо или совсем не выписана суша.

Квартильо — мера жидкости, примерно пол-литра.

В 1581 году Филипп II аннексировал Португалию и ее владения по праву наследования.

Флейт — морское парусное транспортное судно Нидерландов 16-18 веков. Суда этого типа отличались хорошими мореходными качествами, высокой скоростью, большой вместимостью и использовались, главным образом, в качестве военно-транспортных. Это было первое судно со штурвалом вместо румпеля.

Гукор — парусное двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой водоизмещением 60-200 тонн, в основном гукоры использовались как рыбацкие и транспортные суда.

Забра — испанское судно 16-17 века, похожее на небольшой фрегат.

Даниэль де Мушерон — голландский искатель приключений и корсар, действовавший на Карибах в течение двенадцати лет. Член влиятельной семьи фламандских торговцев. Погиб на полуострове Арайя в ноябре 1605 года.

Три с половиной миллиона дукатов примерно соответствуют 175 миллионам евро. Кроме того, в 1600 года в Испании (без Португалии) насчитывалось менее десяти миллионов жителей.

Арроба — мера веса, равна примерно 11,5 кг.

Эспаньола — старинное название о.Гаити.

Популярная игра в карты, изобретенная в Испании в XV веке и распространившаяся по всему миру.

Сантьяго-де-Леон — в настоящее время Каракас.

Бомбарда — первые артиллерийские орудия различного калибра и конструкции, имевшие распространение с XIV по XV век.

Консульство, или Университет торговцев Севильи, было основано в 1543 году как частная организация, призванная защищать интересы торговцев. Со временем оно полностью взяло под свой контроль торговлю с Вест-Индией, все юридические, финансовые и торговые вопросы.

Святая Эрмандада («Святое братство») — вооруженная организация по охране общественного порядка, фактически первая в мире полиция, существовавшая в городах средневековой Испании. Сначала функционировала на общественных началах, но в 1476 году перешла под прямое подчинение короля и стала обязательной по всей империи.